

3777

u67

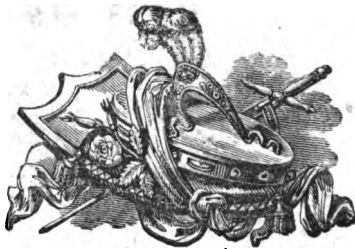
Radzhitskiy, I. T.
ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА,

СЪ 1812 ПО 1816 ГОДЪ.

АРТИЛЛЕРИИ ПОДПОЛКОВНИКА

И..... Р.....

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1835.

PK

ДК53
РЗ
v.1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Марта 15 дня, 1835 года.

Ценсоръ М. Каченовскій.

~~Р50~~

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ,

ГОСПОДИНУ СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ

И ОРДЕНОВЪ

СВ. АННЫ 2-Й И СВ. ВЛАДИМИРА 3-Й СТЕПЕНИ

КАВАЛЕРУ,

ИВАНУ ОСИПОВИЧУ

ХОЛОДОВИЧУ.

СЪ УСЕРДИЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

Сотинитель.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ
0
АРТИЛЛЕРИСТА.

Ч А С Т Ь I.

1812-Й ГОДЪ.

ВОЙНА ВЪ РОССІИ.

**Tout homme doit au public le tribut
de son activité, et devrait s'efforcer de
laisser quelque trace honorable de son
existence.**

W E I S S.

Владычество Наполеона во Франціи, особенно послѣдніе годы его жизни, сколько знамениты, что влекутъ за собою въ нѣкопоруую извѣстность даже шѣхъ людей, копорые, болѣе или менѣе, участвовали во всеобщей борьбѣ народовъ цѣлой Европы противъ его единовластія. Много издано Записокъ, Писемъ, Исторій о современныхъ происшествіяхъ, и однако еще не все сказано. Еще довольно есть такихъ обстоятельствъ въ прошедшемъ, копорыя сокрыты для насъ, и будучи обнаружены, могли бы быть полезнымъ матеріаломъ для историка и философа. Часто, по видимому ничтожныя обстоятельства, обнаруживая характеръ дѣйствователей, служатъ къ поясненію происшествій. Сверхъ того, воспоминанія о прошедшихъ ужасахъ войны, эпохой испребиельницы народнаго благосостоянія, дають важные уроки для будущаго. Ужасаясь прошедшаго, мы бываемъ оспорожнѣе въ на-

II

споящемъ; вникая въ причины бѣдспвій, мы предусматриваемъ средства для оповращенія ихъ на будущее время. Но только очевидцы могутъ излагать достоверно всякія событія; и такъ, извѣстія очевидцевъ и участниковъ минувшей войны, болѣе или менѣе, приносятъ пользу для Испоріи.

Не мало писали о войнѣ Наполеона въ продолженіе послѣднихъ четырехъ годовъ его политическаго бытія въ Европѣ; но есть ли хотя одна Испорія безпристрастная, чуждая лести важнымъ современникамъ, и безъ желчи врагамъ опечесыва? Ни Россіянинъ, ни Германецъ еще не могутъ воздать должной справедливости воинственному генію Наполеона, потому что зацѣленные недавно раны еще напоминаютъ о сраженіяхъ. Самимъ Французамъ не лѣзя вѣришь; они увлекаются присрасшиемъ, такъ-же какъ и Рускіе; а потому истинной *Исторіи* ихъ событій, кажется, еще не пришло время явиться, доколь не изгладятся съ лица земли важные современники, заграждающіе уста

испинъ, и шолько въ кабинетахъ ихъ
 оспаешя пайна Испоріи. Между штъмъ
 пущь, въ счастливыи часъ, являющя
 Записки учасшниковъ. Каждый изъ насъ
 смошрѣлъ на происшешвія своими гла-
 зами, и могъ замѣшишь шо, чшо другой
 упушилъ изъ вида. Послѣдующіе сочи-
 нисели извлекутъ изъ сихъ маперіаловъ
 лучшее для соспавленія цѣлаго, болѣе
 испиннаго нежели всѣ свѣжія Испоріи
 недавнихъ собышій. По мѣрѣ опдаленія
 времени возвышаешя цѣна минувшему.
 Кпо знаешъ, можешъ бышь археологи
 попомсшва нашего спанутъ съ любо-
 пышсшвомъ рышья въ исплѣвшихъ ки-
 пахъ нынѣшнихъ библіопекъ, и соби-
 рашъ вешіе маперіалы о шѣхъ обшоя-
 шельсшвахъ, копорыми нынѣ вовсе мы
 не занимаемя. Не подробносш-ли ча-
 спной жизни людей всякаго званія объ-
 ясняющъ характеръ, образъ мыслей, сте-
 пень просвѣщенія и нравсшвенносшь цѣ-
 лаго народа? не онѣ-ли опкрывающъ
 чершы, драгоцѣнныя для Испоріи?

Никшо изъ насъ не ожидалъ шѣхъ
 чрезвычайныхъ происшешвій, какихъ

IV

мы были свидѣтелями и учаспниками со времени доспопамяшнаго 1812 года; никшо не пригошовлялъ шепрадей, чпобы записывашь все чрезвычайное на походѣ; но сдѣлавши привычку опгь раннихъ лѣпгь писашь все замѣчашельное, встрѣчающееся въ жизни, я обязанъ пггмъ маперіаламъ, копорые нынѣ послужили мнѣ для начерпанія чешырежъ доспопамясныхъ годовъ моей жизни.

Долго я воздерживался издавашь свои *Походныя Записки*, не повѣривъ доспапочно шого, чпд замѣчалъ въ походѣ наскоро, и не довольно осмопрѣвшисъ въ кругу общаго дѣйспвія. Часпному офицеру не лзя распроспраняпшь далѣе своего горизонтпа; а пошому и я касался шолько предметовъ смежныхъ съ дѣйспвіемъ шого сильнаго вихря, въ копоромъ самъ соспавлялъ хопя малѣйшую пылинку, но шакже содѣйспвовалъ общему усилю для сокрушенія спрашнаго врага Европы; можешь быпшь, направленное мною ядро сломило шею не одному исполнишелю замысловъ великаго завоевашеля.

Записки свои раздѣляю на чепыре чашпи: 1-я, о войнѣ въ Россіи, 2-я, о войнѣ въ Германіи, 3-я, о войнѣ во Франціи, и 4-я, походъ во Францію.

Опрывки изъ сихъ Записокъ, помѣщенные въ книжкахъ Журнала *Отечественныя Записки*, 1823, 1824 и 1826 годовъ, и въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1834 года, могли познакомить читателей съ моимъ слогомъ и рассказомъ.

ГЛАВА I.

ДО ОТКРЫТІЯ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Нѣчто о Наполеонѣ. — Предвѣщатель. — Шпионы. — Несвижъ. — Начало движенія войскъ. — Балъ въ Смоленѣ. — Смотръ и походъ. — Способъ фуражированія. — Провздъ ИМПЕРАТОРА. — Смотры. — Командировка въ Бобрыйскъ. — Нѣчто о Фигнерѣ. — Движеніе къ границѣ.

Наполеонъ, съ вышины престола своей воинственной монархіи, разсѣвалъ ужасъ по всей Европѣ. Имя его приводило въ трепетъ, не только Нѣмецкую чернь, но и Русскую, копорая не иначе о немъ разумѣла, какъ объ Антихристѣ, по сходству имени его съ апокалипсическимъ Аполліономъ. Оно было камнемъ прешкновения для Русскихъ мудрецовъ.

Въ офицерскихъ бесѣдахъ о Наполеонѣ, часто сожалѣли мы, что судьба не свела его съ Суворовымъ — не нашла коса на камень. Можешь быть Русскій Аннибалъ не допустилъ-бы великаго Корсиканца возсѣсть на шронъ династїи Бурбоновъ. Но

законы судьбы неизмѣнны : Наполеонъ, послѣ Египетскаго вояжа своего, шпыками заставилъ признашь себя главою Респуб-блики. Послѣдующіе подвиги превосходнѣе и рѣшительнѣе первыхъ ушвердили его владычество, и съ новымъ спользіемъ явился новый Императоръ Французовъ въ Европѣ.

Каковъ былъ Наполеонъ, о томъ всѣ знающъ, и много писали. Большая часть черни-писателей бранили его безъ милосердія, и даяли, какъ Крылова моська на слона ; между шѣмъ полководцы, миниспры, и законодатели перенимали ошъ него сиспему войны, полишпики и даже форму государшвеннаго правленія. Онъ былъ врагомъ всѣхъ націй Европы, спремьясь порабощишь ихъ своему самодержавію, но онъ былъ гениій войны и полишпики : гению подражали, а врага ненавидѣли.

Слава подвиговъ Наполеоновыхъ заставила забыть о Корсиканцѣ. Успращенная Европа взирала съ шрепепомъ на великаго Императора Французовъ, ожидая ошъ него окончательнаго удара. Сразивъ послѣднія усилія Германіи, онъ могъ-бы, казалось, спершшь съ лица Европы пресполы нѣкопрыхъ державъ ; но побѣдитель предпочель лучше облагородишь свое племя вспупленіемъ въ родшво съ древнѣйшею дина-

спією Императоровъ Германіи. Завоевать у сильнаго царя дочь, было всегда цѣлю героевъ въ романахъ и сказкахъ. Наполеонъ исполнилъ эпо, и къ своему роману прибавилъ новую спашью: посадилъ младенца на пресполь Римскихъ Цезарей, и назначилъ ему въ наслѣдство — мечшу обладанія міромъ. Если еще одна держава дышала, и спрашнй завоевателъ пощадилъ ея сущеспвованіе, шо, можешъ бышь, эшимъ она обязана смежностп своей съ могущеспвенною Россією. Наполеонъ уважалъ великую соперницу, но онъ и ей гошовилъ гидру, близъ самага сердца возродивъ изъ пепла разрушенной Сармаши полишическаго феникса. Только еще Россія и Англія не ужасались гиганша; одна по могущеспву на сушь, другая по владычеспву на моряхъ. Онъ осприли мечи свои для сокрушенія его величія.

Не буду распроспраиашься о необычайномъ человекѣ, положившемъ начало полишическимъ переворопамъ для будущихъ поколѣнй; не буду говоришь о разрывѣ союза сильныхъ монарховъ, о пріугошоменіяхъ къ войнѣ, о числѣ войскъ и проч.; все эпо извѣсно, и не принадлежишь къ моему объему. Приспуаю къ ближайшимъ обспояшельспвамъ.

До начашія войны 1812 года, II-й Ар-

пиллерійской бригады 3-я легкая роша, въ кошорой я служилъ Поручикомъ, была расположена каншониръ - кварширами въ городъ Несвижъ, Минской губерніи. Бригада наша входила въ сославъ войскъ 6-го Корпуса, подъ командою Генераль-Лейпена-ша Эссена 2-го.

Мы жили въ Несвижъ довольно весело, и не думали о Французахъ; немногіе изъ нашихъ офицеровъ, между службою, занимались полишикою. По газетамъ доходили и до насъ кой-какія новоспи; но мы, въ шумъ своей беззабопливоспи, скоро о нихъ забывали. Одинъ полько N (*), какъ чело-вѣкъ грамопный, занимавшійся чпеніемъ Священнаго Писанія и Московскихъ Вѣдомоспей, болѣе всѣхъ ужасался Наполеона. Терзаемый призраками своего воображенія, онъ спалъ проповѣдывашъ намъ, что эпошъ Анпихриспъ, сирѣчь Аполліонъ или Наполеонъ, собралъ великія, нечиспыя силы около Варшавы, не для чего инаго, какъ именно для того, чшобы разгромить машушку-Россію; чшо при помощи Сапаны Вельзевула, невидимо ему содѣйспвующаго, врагъ непременно полонитъ Москву, покоритъ весь Русскій народъ, а за шѣмъ вскорѣ послѣдуешъ — свѣшпопреспавленіе и

(*) Одинъ изъ неспроевѣхъ офицеровъ.

спрашнѣй судѣ. Мы смѣялись шакимъ нелѣпоспямъ, въ досаду N, кошорый называлъ насъ безбожниками; онъ, не шуша, былъ внушренно убѣжденъ въ своемъ пророчесствѣ, и безпреспанно нюхая шабакъ, уговаривалъ насъ вѣришь ему по совѣсти, причемъ ссылался на девяшую главу Апокалипсиса, гдѣ именно сказано о Наполеонѣ, какъ о предводителѣ спрашнаго воинства со львинными зубами, въ желѣзныхъ лапахъ, и съ хвостами, подобными скорпионовымъ. Разумъ несчастнаго грамошѣя споль сильно поколебался, чшо, когда командировали его по дѣламъ службы въ Москву, онъ на пуши всѣмъ и каждому предсказывалъ объ Аншихристѣ Наполеонѣ (*).

Можесть бышь не одинъ N** нашъ находился тогда въ подобномъ помраченіи ума;

(*) Мы сами послѣ удивлялись событію, когда Французы дѣйствительно вшоргнулись въ Россію и заняли Москву. N**, выпущенный изъ своего зашоченія въ день ихъ вшеспвія, явился къ намъ въ лагерь при Красной-Пахрѣ. Спраданія измѣнили черны лица его; блѣдность, впалые, помупившіеся глаза, и спраспъ къ тавлиночному шабаку показывали человѣка, совершенно въ умѣ разспроеннаго. Прощаясь, онъ спращалъ насъ скорымъ свѣшопреспавленіемъ.

всѣ чипаптели Апокалипсиса подвергались той-же участи : однимъ грезилась предвѣщательные сны , другимъ мерещился Аншихристъ на яву.

Такіе феномены рѣдки , хотя не представляющъ ничего особеннаго , кромѣ послѣдствій опъ сильнаго пошрясенія въ мозгъ. Люди , занимающіеся болѣе другихъ современными событіями въ политическомъ мѣрѣ , чрезъ сравненіе прошедшаго съ настоящимъ могутъ довольно вѣрояшно заключать о будущемъ , ибо опъ одинаковыхъ причинъ происходятъ одинаковыя дѣйствія. Франція при Наполеонѣ была сильнѣе Россіи ; безчиоменная воинства его спояли у самыхъ границъ нашихъ. Умы большей части народовъ были предубѣждены въ непобѣдимости Наполеона ; настоящимъ ходъ происшествій обнаруживалъ его враждебные замыслы. Какой сынъ Россіи не ужасался видя громаду силъ непобѣдиимаго , гошовую со всеми бѣдствіями ринулься на любезную родину? Чье сердце не содрогалось при одной мысли о чужомъ лорабощеніи? Опъ шакого пошрясенія въ умахъ могли происходить прорицательныя видѣнія и мнимыя опкровенія , копоры опчаспи оправдывались событіями. Такъ глубокіе политики , по ходу современныхъ происшествій , обнимая проницатель-

нымъ взоромъ прошедшее и соображаясь съ будущимъ, могушь видѣшь судьбу государспивъ впередъ на нѣсколько лѣтъ.

Вскорѣ послѣ пророчества нашего Н... спшали ловишь въ Несвижѣ шпионовъ, являвшихся подѣ видомъ комедіяншовъ, фокусниковъ, спранспвующихъ монаховъ, и шому подобныхъ. Кажелся, въ правилахъ великаго Наполеона было, предѣ начашемъ войны съ какимъ-либо государспвомъ, впускашь въ него сперва легіоны шпионовъ и зажигашелей, которые приугошповляли и расчищали пушь для его побѣдоноснаго воинспва.

Наиболѣе эшихъ шпионовъ являлось тогда подѣ видомъ землемѣровъ, или по-Польски коморниковъ, копорые, попеременно съ нашими офицерами Кварширмейсперской часши, снимали сипуацію окреспноспей Несвижа инспруменшально. Я эшо замѣшилъ особенно по одному случаю. Мнѣ назначили въ городѣ для перемѣны другую кварширу. Со всшупленіемъ моимъ за порогъ въ новое жилище предспавился мнѣ коморникъ, окруженный машемашическими инспруменшами и планами. Я предложилъ ему, чшобы онѣ очисшилъ кварширу, опредѣленную мнѣ по власши Жидовскаго кагала, и въ удосповѣреніе предспавилъ на лицо Десяшника Еврея. Коморникъ опвѣ-

чалъ мнѣ по-Польски, неловкимъ нарѣчіемъ, что онъ квартируетъ шупъ съ позволенія Князя Р**, и не позволилъ себя согнашь съ мѣста никому. Разговоръ у насъ сдѣлался живѣе; успрашенный Десятникъ Еврей убѣждалъ, а Польскій коморникъ превратился во Француза.... Догадавшись, каковъ былъ госпъ, я поспѣшилъ къ своему командиру; но покуда опыскали Городничаго, коморникъ исчезъ, не оставивъ лоскуша бумаги на мѣстѣ.

Между тѣмъ какъ шпионы разгуливали въ пограничныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, и поджигали въ городахъ лучшія зданія, Кабинеты союзныхъ Державъ находились въ чрезвычайной дѣятельности, исполняя всю понкоспъ Дипломатики для утверженія политическихъ правъ своихъ Государей, и два могущественные Государя-соперника грозно сближали свои воинспва къ предѣламъ подвластныхъ имъ земель.

Въ частномъ кругу своемъ мы ограничивались однимъ Несвижемъ, и первые два мѣсяца сего года провели въ увеселеніяхъ. Сверхъ обыкновенныхъ панцовальныхъ собраній по Воскреснымъ днямъ, называемыхъ въ Польшѣ *редутами*, на коихъ являющіяся милыя *паненки* съ свѣжими прелестями, командиры наши давали не рѣдко

бальные вечера. Новый годъ встрѣтили мы панцами , всю масляницу проплясали, и въ пріятномъ угарѣ предавались сладкой сантиментальности. Пожилые Офицеры спрашивались Наполеона, видя въ немъ ужаснаго завоевателя , новаго Ашшулу , а мы, юные, дружно рѣзвились съ Амуромъ, вздыхали, и охали опть ранъ его.... какъ вдругъ раздался громовый ударъ войны , и намъ оказанъ походъ. Увы ! прощайше милыя паненки !

Не легки были сборы къ походу. 28 Февраля наша рота съ бригаднымъ штабомъ выступила изъ Несвижа.

Два года спояли мы на непрѣмныхъ кварширахъ , но жипели , при выступленіи, насъ не провожали, какъ бываешъ послѣ хорошаго кваршированія. Причиною сему, кажешся, было то, что Поляки думали щогда болѣе о Наполеонѣ, и о возрожденіи своей опчизны, а Жиды, соспавляшіе большую часшь жипелей въ Несвижѣ, были довольны , что избавились опць лихихъ Москалей. Напрошивъ щого мы съ сожалѣніемъ оспавляли мѣсто , гдѣ жили пріятно и весело, гдѣ плѣняли насъ милыя красавицы. Каждый шелъ въ походъ не безъ зазнобушки въ молодецкой груди своей. Сколько спраспныхъ вздоховъ перелешъло въ городъ и за городъ до первой

спанціи ! Сколько прощальныхъ слёзокъ омочило бѣлые плапочки красавиць и скапшилось на усы вздыхапелей ! Сколько кляшвенныхъ записочекъ, съ поцѣлуями върносши, съ памяшными ленпочками, волосками и спишками, перенеслось изъ ридикульей въ бумажники, и вскорѣ упопрбилось на папильопки, или на раскуриваніе шрубокъ!— О юносшь ! милы швои запѣи !

Еще рухлыя глыбы шаявшаго снѣга покрывали дорогу. Въ первой корчмѣ, въ семи верспахъ опѣ города, нашъ рошный командиръ далъ прощальный завшпракъ немногимъ изъ своихъ пріапелей, или шоварищамъ боспона, насъ провожавшимъ. Тушь явилась картина смѣшенія скудосши съ изобиліемъ, нищепы съ богатшпвомъ : серебре, фаянсъ и прозрачный хрушаль въ закопшѣломъ Жидовскомъ жилищѣ блешѣли съ лакомымъ кушаньемъ и напишками. Тамъ, гдѣ кромѣ водяниспаго полушара ничего прежде не разливалось, пѣнилось шеперь Шампанское : прощальные бокалы чокались усердно и опоражнивались шворно.

Опѣ корчмы продолжали мы пушь свой въ Слониму, и пришли шуда 4 Марша. Дорогою не сполько занимались предмешомъ шхода, какъ восшопинаніями о Несвижѣ ; въ шасшливой безпечносши распѣ

вали пѣсенки, а для ночлеговъ оспанавливались въ закопшѣлыхъ, смрадныхъ хижинахъ, въ кошорыхъ душную ашмосферу прочищали шабачнымъ дымомъ.

Въ Слонимѣ, богатый помѣщикъ Маршалъ П^о*, въ знакъ своей пріязни къ Рускимъ, задалъ балъ, на кошорый пригласилъ и нашихъ Офицеровъ. Тупъ увидѣли мы опяшь миленькихъ паненокъ; но мысли наши, не измѣняя первому впечатлѣнію, были заняты Несвижскими. Наспоющія обшпояшедьспва не позволяли веселишсь опшкровенно: лица у всѣхъ были пасмурныя, недовѣрчивыя, и госпи, казалось, собрались не для удовольствія, а въ угодноспь хозяину. Самъ Маршалъ (*) важно расхаживалъ въ блестящихъ опъ освѣщенія комнашахъ, среди многочисленнаго собранія, и рѣдко кого удоспчивалъ немногими словами. Тупъ увидѣли мы своего начальника, Аршиллеріи Генерала Л^о***.

На другой день рано по ушпру объявили намъ приказъ опъ Генерала Л^о***, чшо при выспупленіи Аршиллеріи онъ будешъ насъ инспекшироващъ въ полномъ парадѣ. Вошъ

(*) Въ Польшѣ Предводштели Дворянства назывались Маршалами, Губернскими и Повѣшповыми, или Уѣздными. Эшо званіе присвоиваешся въ шипуляціи дворянами и по сложеніи обязанности.

кспани , думали мы , послѣ одного бала другой. Къ несчастію нашему, по ушпру, во время смошра, поднялась спрашная вьюга: мокрый снѣгъ съ вѣтромъ запмѣвалъ всю чистоту нашу и заслѣплялъ намъ глаза. Не смошра на эпо, въ полной формѣ, кошенѣя ошъ холода, мы за городомъ выжидали Генерала , кошорый шакже явился къ намъ въ одномъ мундирѣ. По огпѣздѣ его мы переодѣлись по походному , и пошли къ мѣспечку Ружаны. 6 Марша пришли въ Сельцо, на рѣчкѣ Яселдѣ, пошомъ въ гор. Пружаны ; ошсюда 8 Марша пришли въ Великое-Село.

Здѣсь мы проспояли съ ведѣлю, и пошомъ всюю бригадою двинулись чрезъ гор. Волковискъ по направленію къ Вильнѣ. Наша Аршиллерійская бригада изъ 6 Корпуса войскъ пошунила въ 4-й, подѣ команду Генераль-Адъюшанша Графа Шувалова.

Ошъ Великаго Села поручено мнѣ бышь походнымъ Кварширмейсперомъ ; моя обязанность сосшояла въ пошь , чшобы узъжая наканунѣ впередѣ , всегда пригошовляшь кварширы для ночлеговъ рошѣ , ушспроивашъ переправы черезъ рѣки для аршиллерин, и принскивашъ фуражъ для продовольствія лошадей. Последняя спашья была очень зашруднишельна. По нашему пуши не было учреждено эшанныхъ мага-

зновѣ. Правительство, можетъ быть изъ бережливости, не выпускало денегъ въ пошль край, въ кошоромъ гошовилась встрѣча неприятелю; а пошому на мѣстахъ ночлеговъ было позволено брашь фуражъ подъ квишанціи.

На пуши изъ гор. Волковиска, для переправы артиллеріи чрезъ р. Зельву и Нѣмань, при мѣспечкахъ Пяски и Моспы, я собралъ поромы; но въ присканіи фуража встрѣшилъ большое затрудненіе. Польскіе паны добровольно нигдѣ не давали сѣна за бумагу, чуждой для нихъ грамошы (большая часть Русскихъ Поляковъ не умѣють чишашъ по-Русски), а пошому надлежало брашь, гдѣ чшо найдешся, почши насильно. Такимъ образомъ на одной мызѣ пана Графа С***, въ оппускѣ сѣна подъ квишанцію, мнѣ было опказано; я пошелъ самъ осмашривашъ дворъ, и подъ крышею конюшни замѣшивъ сѣно, позвалъ свою команду. Графъ увидѣлъ изъ окна великолѣпнаго дома въ своемъ дворѣ человекъ десяшь солдатъ, гошовыхъ, по его мнѣнію, грабишь, вышелъ ко мнѣ, и ашакował меня угрозами, чшо онъ сей часъ ѣдетъ къ пріятелю своему Генералу Б***, жаловашься на насиліе, кошорое я намѣренъ дѣлашь въ его дворѣ; чшо если въ минушу не оспавлю его, шчо онъ соберешъ подвласныхъ своихъ и

велишь меня выгнашь. Графъ задыхался
 ошь гнѣва, но можешъ бышь въ жизнь
 свою онъ не встрѣчалъ подобнаго мнѣ гру-
 біяна. Довольно равнодушно и почтитель-
 но я ошвѣчалъ Его Сіашельсшву, что у-
 грозы его для меня не спрашны, ибо испол-
 няю волю Начальсшва, кошорое позволяешъ
 брашь фуражъ своею рукою шамъ, гдѣ не
 даюшь его добровольно; что инаго сред-
 сшва нѣшь для продовольсшвія казенныхъ
 лошадей. Я повшорилъ ему покорнѣйшую
 просьбу приказашъ выдашь мнѣ сѣна, сколь-
 ко надобно, подъ квишанцію; въ прошив-
 номъ случаѣ, сказалъ, буду брашь самъ
 вооруженною рукою, и ежели встрѣчу не-
 пріязненное сопрошивленіе ошь дворовыхъ
 людей его, шо велю привезши пушку и
 спану дѣйсшвовашъ какъ прошивъ бун-
 повщиковъ, прошивящихся назначенію
 Прависельсшва; о посшупкахъ-же моихъ
 предосшавляю ему доносишь кому угодно.
 Графъ, видя предъ собою рѣшительнаго
 аршиллерисша, спасовалъ, и пылая ошь
 гнѣва приказашъ ошпустишь моеи командѣ
 фуража, но самъ, переодѣвшись, пошчасъ по-
 ѣхалъ съ жалобою на меня къ пріятелю
 своему Генералу Б***. — Въ шо время велъ
 рошу сшаршій Поручикъ Г**, по приказа-
 нію кошораго я шакъ смѣло вездѣ распо-
 ряжался, а пошому онъ и получилъ за

меня выговоръ опъ Начальства въ упре-
не обезпокоенному Графу, у котораго бо-
лѣ крови испоршилось, нежели сколько
спило взяшее мною сѣно. Дальнѣйшихъ
непріятностей намъ не было пошому, что
соблюдая на маршѣ строгій порядокъ, мы
за собственное продовольствіе вездѣ пла-
тили деньги, и ни одна курица опъ насъ
не погибла даромъ.

Съ приближеніемъ къ Вильнѣ оказыва-
лось болѣ недоспашка въ фуражѣ, и для
меня увеличивалось затрудненіе въ его при-
исканіи. Всѣ запасы обывашелями были
упошреблены на зимнее продовольствіе
собственнаго скоша; подножный кормъ еще
не показывался, хоща снѣгъ съ полей уже
спаялъ; а пошому небольшіе оспашки сѣ-
на или соломы жипели берегли въ сокро-
венныхъ мѣскахъ, какъ драгоценность.
За мѣспечкомъ Лидою, въ сел. Беняконяхъ,
одинъ спарый и больной панъ Хорунжій
вздумалъ было пакже не давать мнѣ фу-
ража; но какъ онъ не сказался Графомъ,
шо я обходился съ нимъ рѣшительнѣе.
Бѣдняжка пошчасъ велѣлъ принести яич-
ницу и бушылку вина, спалъ меня уго-
щашъ, а самъ, охая опъ подагры, безпре-
спанно приговаривалъ: *ой! беда биду го-
нитъ!* — Я, занявшись своимъ дѣломъ, не
внималъ словамъ его, но онъ, конечно, хо-

рошо разумѣль ихъ. Можетъ бышь ему приказано было секретно имѣшь запасъ всего для заграничныхъ госпей , а ипушь еще надобно было давашь своимъ Москалямъ! Да когда еще подагра ломилъ ноги, такъ по неволѣ запоешь: *бида биду гонить*.

Въ началѣ Апрѣля дошли мы до временныхъ кварширъ своихъ подъ гор. Вильну. Двѣ рошы аршиллеріи нашей бригады расположились въ сел. Большихъ и Малыхъ Солешникахъ, а 3-я легкая роша, въ которой я служилъ, спала въ дер. Яшунахъ, 25-шь версиль отъ города.

40-го Апрѣля Государь Императоръ нашъ изволилъ проѣхашь въ Вильну чрезъ м. Лиды, и на пуши осемашриваль войска. Въ Большихъ Солешникахъ, Бригадный Командиръ нашъ, Полковникъ Кошляровъ, предопавляль Его Величеству ординарцевъ, которые обрашили на себя вниманіе Императора, и удосшонились получишь денежное награжденіе.

Между шѣмъ какъ производились окончашельные переговоры дипломашовъ, и Наполеонъ сближалъ свои войска къ нашимъ границамъ, весь Апрѣль мы проспоили на мѣспѣ.

Въ Маѣ, по приказу Главнoкомандующаго, догадывались мы, что дѣло идешь о войнѣ съ Французами. Три рошы аршил-

леріи 11-й бригады собрались при Больших Солепникахъ, для инспекторскаго смопра опть начальника всей Артиллеріи Графа Кушайсова, а попомъ, чрезъ нѣсколь-ко дней послѣ, прїѣзжалъ смопрѣшь насъ Корпусный Командиръ Графъ Шуваловъ.

Инспекторскіе смопры во всей арміи непрерывно продолжались. Въ это время опть бригады командировали меня въ Бобруйскъ и въ Слонимъ, выписывашъ изъ гошпиталей на службу выздоравливающихъ артиллеристовъ. Я проѣзжалъ чрезъ Несвижъ. Тутъ воспоминаніе о прошедшихъ радостяхъ пронуло мою санпиментальность. Я не могъ опказашъ себѣ въ удовольствіи, чшобы не погуляшъ уединенно въ пустынной Альбѣ, прекрасномъ звѣринцѣ Князя Радзивила, за городомъ. При входѣ въ эту очаровательную рощу, воображеніе представило мнѣ карпины минувшаго; шупъ подъ пѣнію березъ собирались мы любовашъся природою, валялись на свѣжей муравѣ, и вдыхали въ себя аромашъ благоухающихъ цвѣшовъ; шамъ въ густопѣ лиць внимали прелямъ соловья, и опголоски нѣжныхъ поновъ его провожали спрасшными вздохами; а шамъ, подъ сводами вѣшвиспыхъ дубовъ, въ прохладные вечера, пивали душиспый чай, и, покуда еще кипѣло въ самоварѣ, играли на

полянѣ въ горѣлки и въ веревочку. Здѣсь румяная бронешка подарила своему обожаемелю леншочку; а шамъ спыдливая блондинка шакъ мило улыбалась другому, чшо заспавила его нѣсколько дней сряду въздыхашъ и видѣшъ ее во снѣ. Иногда, на лодочкѣ, по озеру опшваживались онѣ съ нами пускашъся въ чащу камыша, гдѣ мы гонялись за гордыми лебедями. . . . Правду сказалъ одинъ умный человекъ, чшо мы живемъ воспоминаніями! Такъ воспоминаніе въ пуспынной Альбѣ о минувшихъ радоспяхъ усладило на нѣсколько минушъ мою печальную суцеспвенность.

Въ самомъ Несвижѣ все приняло какой-то чуждый видъ: люди, чѣмъ-шо озабоченные, являли угрюмыя, пасмурныя лица. Гимназиспы и школьники, большими паршіями, подѣ предводисельспвомъ Доминиканскихъ монаховъ, гуляли по городу съ барабаннымъ боемъ и воинспвеннымъ крикомъ, неся на шеспахъ песпрые плашки въ видѣ знаменъ. Эшо меня изумило. Я подошелъ къ полуобришному ихъ предводиселю, и спросилъ, чшд эшо значилъ? — *Муштра* (ученье) опшвчалъ онъ. — Для чего? — Такъ, для *пшиклада* — (для при-мѣра). Опшвшъ показался мнѣ подозрительнымъ; я опшыскалъ Городничаго, и замѣшилъ ему, чшо при насшодящихъ обшпо-

яшельствахъ, кажется, неумѣспна такая мушпра школьниковъ.— Да они шалашъ!— опвѣчалъ Городничій, разумѣя самъ къ чему клонилась эта шалосшь. Онъ былъ изъ правдивыхъ Поляковъ.

Въ Минскѣ не встрѣшилось мнѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ унылой пустошы, и я скоро прѣхалъ въ Бобруйскъ, гдѣ по порученію прожилъ при дня. Тушъ увидѣлъ большую дѣяшельносшь между Инженерами, копорые занимались поспроеніемъ недавно начашой крѣпоспи. Они поправили главный парапешъ, копорый опъ слабоспи песчанаго грунша земли часпо обваливался. При всей дѣяшельноспи Инженеровъ, наружныя приспройки еще не были кончены.

На обратномъ пуши опъ Бобруйска, я встрѣчалъ на почшовыхъ спанціяхъ вездѣ оспановки и запрудненія въ полученіи лошадей. Порядокъ, казалось, разрушался, и все выходило изъ повиновенія. Содержашели почшъ были чѣмъ-шо озабочены, ямщики пьянспвовали, буянили; никшо не хошѣлъ смошрѣшь на мою подорожную; шолько угрозами, или добавкою прогоновъ я могъ себѣ выхлопашывать лошадей; а на спанцію Пяски принужденъ былъ послашъ формальную жалобу въ Липовскій Почшамшъ.

3-я легкая роша аршиллеріи, въ копорой я служилъ, долго оспавалась безъ командира послѣ того, какъ Полковникъ Копляровъ назначенъ былъ командиромъ бригады и 1-й бапарейной рошы, на мѣсто Полковника Гине, переведеннаго въ другую бригаду. Уже въ концѣ Мая приѣхалъ къ намъ въ рошу, въ дер. Яшуны, новый командиръ, Подполковникъ М***, и за нимъ Шпабсъ-Капишанъ Фигнеръ, сдѣлавшійся послѣ извѣстнымъ партизаномъ.

Въ первыхъ числахъ Іюня Корпусъ нашъ двинулся къ границѣ; корпусная шпабсъ-кваршира находилась въ Олькеникахъ, а наша бригадная въ Ойшишкахъ. Авангардъ Корпуса, подъ командою Генерала Дорохова, споялъ въ Оранахъ. Войска, сблизившись, расположились въ шѣсныхъ кварширахъ. Легкую аршиллерію раздѣлили по бригадамъ армейскихъ полковъ. Нашей рошѣ доспалось бышь въ 1-й бригадѣ 41-й дивизіи, между опличными полками Перновскимъ и Кексгольмскимъ, подъ командою Генерала Чоглокова. — Мы опбыли еще нѣсколько смошровъ опъ Бригадныхъ и Дивизионныхъ командировъ.

Войска вообще были хорошо одѣшны и выучены; солдашы рослые, спройные, добрые, ожидали съ нешерпѣніемъ похода за

границу, чтобы ударить на Француза по старой привычке.

Въ Олькеникахъ мы спояли около недѣли, ожидая со дня на день похода впередъ, но вдругъ получили приказъ, 12 Іюня, идши поспѣшно назадъ въ Яшуны. Причиною споль внезапнаго движенія были Французы, копорые предупредили насъ, и сего числа до разсвѣта перешли границу чрезъ р. Нѣманъ. Въ Меричѣ они захватили всѣ команды нашей дивизіи, посланныя шуда для принятія изъ магазина провіанша.

Опгь Олькеникъ въ Яшуны, 40 верспгь разспоянія, мы прошли въ одинъ переходъ; кажеспя, не одни мы пакъ попоренились: война началась не на шушку.

ГЛАВА II.

ОТЪ ВИЛЬНЫ ДО ДВИНЫ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ. — РАЗСУЖДЕНІЕ О КАМПАНИИ. — ЛАГЕРЬ ПЕРЕДЪ ВИЛЬНОЮ. — НАЧАЛО РЕТРАДЫ. — ВСТРЕЧА СЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ. — ОТКРЫТІЕ СООБЩЕНІЯ МЕЖДУ КОРПУСАМИ. — ЛАГЕРЬ ПРИ ДВИНѢ. — МОЛЕНСТВО О ПОВѢДАХЪ. — СОСТОЯНІЕ ВОЙСКЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКИХЪ И НАШИХЪ.

4½ Іюня, 44-я артиллерійская бригада выступила къ Вильнѣ, и не доходя версты при до города, спала на большой дорогѣ у корчмы, въ ожиданіи приказаній. Окрестности Вильны принимали видъ воинственный; со всѣхъ сторонъ сходились войски; дороги были заспавлены обозами. Это новое и необычайное для насъ, молодыхъ воиновъ, зрѣлище возбуждало общее любопытство. Тушъ бригадный командиръ получилъ пакетъ съ Высочайшимъ манифестомъ о войнѣ съ Французами. Самъ Полковникъ въ кругу офицеровъ прочиталъ вслухъ незабвенныя спроки Царскаго слова, положившія въ сердца Русскихъ сѣмя мщенія врагу Россіи, и начало со-

крушенія его могущества. Особенно послѣднія слова одушевили всѣхъ , и глубоко врезались въ память каждого. Сказано было: «Громкая побѣдами кровь Славянъ течетъ въ васъ. — Воины ! — вы защищаете вѣру, опечесство, независимость ; — Я съ вами ! на начинающаго Бога ! » — « Война ! » вскричали офицеры , весьма шѣмъ довольные , и воинственная искра пробѣжала электрически по жиламъ присуществующихъ .

Если-бъ зналъ тогда Наполеонъ сколько было духа и охоты въ Русскихъ подрапаться съ его войсками , не спрашалъ ихъ множества ; если-бъ могъ онъ проникнуть въ смыслъ Царскаго изрѣченія , объявленнаго народу : « Я не положу оружія , доколѣ ни единого непріятельскаго воина не опитанешся въ Царствѣ моемъ ! » — если-бъ , говорю , Наполеонъ зналъ рѣшимельность нашего Императора , и швердосшь Русскаго народа , готоваго бороться съ нимъ до послѣдней крайности , шо не имѣлъ бы суешной надежды , занятіемъ Москвы покорить Россію . Но онъ увлеченъ былъ неизбѣжными рокомъ : судьба его долженствовала совершиться (*).

(*) Извѣстное изрѣченіе Наполеона о Россіи предъ началомъ войны.

Мы думали, что непременно пойдём на встрѣчу Французамъ, сразимся съ ними на границѣ и погонимъ ихъ далѣе. Но кто зналъ политическія обстоятельства, кто бы иначе разсуждалъ: собственно первое наше нападеніе было-бы дерзко и несчастливо; суда по превосходству силъ непріятельскихъ передъ нашими, даже безразсудно-бъ было при встрѣчѣ давать рѣшительное сраженіе. Французскихъ войскъ, привыкшихъ къ побѣдамъ, собралось тогда вдвое противъ нашихъ; о самомъ предводителѣ ихъ должно сказать, что Испорія новѣйшихъ временъ не представляла ему подобнаго ни въ счастьи, ни въ искусствѣ побѣждать. Кто-бы осмѣлился соспязаться съ нимъ? кто-бы превозмогъ его смрастегію и шонкую политику? — Наполеона спали побѣждать только собственнымъ его оружіемъ: принявъ шу-же систему политики, и шонъ-же образъ войны. И такъ слабѣйшему надлежало прибѣгнуть къ военной хитрости: уступать шагъ за шагомъ сильному непріятелю, заводя его далѣе и далѣе, въ лѣса и болота, гдѣ недостапокъ продовольствія, изнеможеніе отъ продолжительныхъ маршей, и суровость климата сполько-бы испортили его, чшобы, наконецъ, слабѣйшій осмѣлился напасть на обезсиленнаго врага

своего. Примѣръ гибели Карла XII освѣтился въ памяти Рускихъ. Наполеонъ, пушеводимый судьбою, хошѣлъ бытъ безпримѣрнымъ.

Рускіе до сего времени не умѣли ходишь назадъ, и слово *ретирада*, въ ихъ понятіи, заключало въ себѣ нѣчто предосудительное, несвойственное достоинству храбрыхъ воиновъ, пріученныхъ Румянцовымъ и Суворовымъ ходишь всегда впередъ, и побѣждаютъ. Иной полководецъ, можешь бытъ, никогда-бы не рѣшился на продолжительную ретираду; онъ скорѣе-бъ легъ, какъ Леонидъ, со всѣми воинами у рубежа границы, а не повелѣ-бы за собою непріятелей въ сердце опечесства. Но какъ-бы хорошо ни былъ составленъ планъ нашей кампаніи, только едва-ли возможно было заставить непріятеля дѣйствовать по предположенію, особенно Наполеона, который умѣлъ пользоваться чужими ошибками. Избалованный фортуною, онъ хошѣлъ однимъ полешомъ пронеспись до Москвы, чпобы шакъ-же скоро и славно кончишь въ ней Русскую кампанію, какъ удалось ему совершишь Австрійскую и Прусскую взятіемъ Вѣны и Берлина. Но, кажешся, Россію онъ худо зналъ, и впоследствии времени, думая воспоржеешво-

ваше силою своего генія надъ всѣми бѣдспіями , былъ жестоко наказанъ.

14 Іюня, пѣхотные корпусы Генераловъ Тучкова и Графа Шувалова, соединившись, спали въ боевомъ порядкѣ передъ Вильною; нашъ 4-й Корпусъ занялъ лѣвый флангъ позиціи, на мѣстѣ, называемомъ *Посулки*, и примыкалъ къ большой дорогѣ, идущей отъ Новыхъ-Трокъ въ Вильну. Здѣсь увидѣли мы большое собраніе войскъ и услышали разные вѣсти о вѣрженіи Французовъ ; говорили , что многіе Поляки намъ измѣнили, перебѣжавъ къ Наполеону, и что отъ всѣхъ нихъ ожидается возмущеніе. Такія новости были непріятны , однако при видѣ собранныхъ войскъ мы не спрашивались непріятелей. Изъ окрестныхъ селеній , впереди насъ находившихся, Казаки гоняли въ лагерь множество рогатого скота , копорый раздавали въ полки на порцію. Все принимало военный видъ : спранныя смѣсь разнаго рода войскъ , обоза , аршиллеріи, съ лошадьми и скопомъ , всеобщее движеніе взадъ и впередъ , звукъ оружія , мычаніе воловъ, ржаніе коней и говоръ солдатъ, предспавляли любопытное зрѣлище для шѣхъ , кшо въ первый разъ всшупалъ на военное поприще. Окрестности дымились отъ бивачнаго огня. Къ вечеру, передъ лагеремъ, загорѣлась корчма ; пылающій

облакъ среди зеленого кустарника и съ до-
 сѣднимъ лучемъ заходящаго солнца уве-
 личивалъ красочу воинственнѣйшей картинкы.
 Взоры мои привлекались многими предме-
 тами, которые своею занимательностью
 погружали меня пошѣмъ на нѣсколько ми-
 нуть въ иррациональную думу. . . . Въ сумерки,
 нашу артиллерию повели на лѣвый флангъ,
 въ первую линію.

Слѣдующаго дня (15 Іюня) восходящее
 солнце освѣщило Россійское неусправленное
 воинство въ боевомъ порядкѣ передъ Виль-
 ною. Съ первымъ лучемъ дневнаго свѣта
 да, во всѣхъ полкахъ музыка съ бараба-
 ми воздѣспила зорю. У каждаго воина киа-
 цѣлъ духъ брани за родину. Упрямый ко-
 лодъ освѣжалъ мужественныя лица сол-
 датъ. Важная тишина и спокойствіе въ
 лагерь скрывали въ себѣ нѣчто спрашное.
 Съ пробужденіемъ всѣхъ началась воинская
 дѣятельность: разводы по карауламъ, де-
 журство, и проч.; команды съ арпелъны-
 ми кошлами гремѣли къ рѣчкѣ за водою,
 задымилась кухня, и заварилась солдат-
 ская кашница.

Наша рота артиллеріи оцала въ бое-
 вомъ порядкѣ на самомъ концѣ лѣваго флан-
 га первой линіи, на возвышеніи, съ кошо-
 раго открывалось вдоль все расположеніе
 войскъ обѣихъ корпусовъ. Впереди отъ ли-

ни, на дальнее разстояние проспирался частый кустарникъ ; назади оставался городъ. Упренный звонъ колоколовъ возвѣщалъ печальную молитву жившихъ, ожидавшихъ своей участи. Спрашнй гулъ носился по всей окрестности. Мы спояли, головы къ бою , въ какомъ-то ожиданіи , и немыслили о неприятелѣ , который явился передъ нами ; казалось, онъ , пробираясь въ шипинѣ черезъ кустарникъ , скоро ожидаетъ нападеніе ; какъ вдругъ изъ-за кустовъ выскочилъ — заяцъ , и бросился къ фронту пѣхоты. Всеъ встревожились , спали кричать , махать руками , и гонять дезертера ; услышанный звѣрь , прижавъ уши , обратился на нашу батарею : шупъ , шупъ чѣмъ понало , бросалъ въ него , и заяцъ попалъ подъ кононера , который , упавши нарочно , придавилъ несчастнаго. Старые бомбардиры замѣтили въ этомъ зайцѣ счастливое для себя предзнаменованіе ; нѣкоторые говорили : « Бѣда была-бы неминуемая , если-бы косой перебѣжалъ черезъ батарею ; шакъ случилось подѣ Фридрихдомъ. » — Мы зайца велѣли изжарить , и шуля говорили за обѣдомъ , что ѣдимъ какого-нибудь знашнаго неприятеля , превращеннаго въ дѣмоу въ живописное , эмблему прусосни.

Цѣлый день проспояли мы благополучно

на мѣстѣ. Слышно было, что Французы въ 20 верстахъ отъ насъ, при Новыхъ Трокахъ, спягиваютъ войски, а попому ожидали мы, что непременно завтра у насъ будетъ сраженіе; но ввечеру получили приказъ — решироваться.

16 Іюня, съ разсвѣтомъ дня войски пронужились въ репирату. Нашъ 4-й Корпусъ выступилъ съ мѣста послѣдній, часу въ десятомъ до полудни, и проходилъ чрезъ Виленское предмѣстіе Оспробраму. Въ продолженіе перехода войскъ не было никакой суемливости; все шло въ должномъ порядкѣ; только съ нѣкоторою унылостію. Аршиллеріи шесть орудій нашей роты шли послѣднія за егерями 33-го полка; насъ прикрывали спс Черноморскихъ Лейбъ-Казакъ. Но только что мы перешли за городъ чрезъ р. Вилію, какъ увидѣли позади себя пожаръ: Казаки зажгли мостъ и городскіе магазины, чтобы оспановить на нѣкоторое время Французовъ, которые близко за нами слѣдовали, и безъ выспрѣла заняли городъ.

Пройдя верстѣ 12-ть мы оспановились. Нашъ арріергардъ состоялъ изъ чепырехъ батальоновъ пѣхоты, сотни Казакъ, и полуроты аршиллеріи, всѣ подъ командою Полковника Биспрома, которому приказано было прикрывать отступленіе прешней

колонны ; направленіе дано чрезъ дер. Вар-
жовку къ Копунжѣ. Проселочная дорога
ведетъ насъ по неровнымъ возвышеніямъ, че-
резъ кустарникъ. Остановившись на по-
лянѣ, въ виду города , артиллерія заняла
высопы, спрѣлки разсыпались впереди по
опушкѣ лѣса ; прочіе спали въ боевой по-
рядокъ. Шшабсъ-Капишанъ Фигнеръ пере-
двигалъ свои пушки съ одного бугорка на
другой, и съ карандашемъ въ рукѣ снималъ
на бумажку положеніе мѣста; онъ велѣлъ
зарядить пушки ядрами, и приготоуиить
карпечь. Мимо насъ по дорогѣ шянулись
изъ города обозы; Казаки безпрестанно де-
шали съ извѣстіями къ Полковнику Бис-
шрому, попомъ спали погоняющъ обозныхъ,
которыя и пустились рысью; но выспрѣда
еще не было слышно и вовсе не видно
Французовъ. Я выходилъ изъ шертнїя
оптъ любопытства, желая увидѣть спраш-
ныхъ непрїятелей, оптъ которыхъ всѣ
шакъ поспѣшно уходили.

Здѣсь узнали мы, что нашей бригады
весь походный лазаретъ, съ больными, съ
лекаремъ, фельдшеромъ и коноваломъ, ко-
шорые не успѣли за нами изъ Олькеникъ
въ Яшуны, попались въ руки Французамъ.
Эшо обыкновенная участь реширующихся,
гдѣ, при всемъ возможномъ порядкѣ, всегда
что нибудь потеряется безъ драки.

17 Іюня войски прешней колонны перешли еще разъ р. Вилію въ сел. Брижахъ , а мы съ арріергардомъ оспались не перехода рѣчки. Я съ двумя пушками шелъ всегда послѣдній, подъ прикрытіемъ батальона егерей. Черноморскіе Казаки оспались за полверсты назадъ ; они нѣрѣдка переспрѣвливались съ непріятельскими фланжерами. Дорога вела насъ большею часпію чрезъ неровныя, покрытыя кустарникомъ мѣста.

Будучи первый разъ въ жизни употребленъ для дѣйствія съ артиллерією, я въ иродолженіе всей рещирады , по неопытности своей, день и ночь безпокоился, покуда не увидѣлъ непріятелей ; воображеніе пугало меня какими-то призраками. На иривалѣ, или для ночлега, батальонъ егерей съ моими двумя пушками спановился отдѣльно, позади всѣхъ войскъ; егери спростили себѣ биваки , варили кашицу , и оспдыхали , а я на аванпостѣ, въ цѣни со спрѣлками и Казаками , находясь въ безпреспанномъ ожиданіи нападенія оспъ непріятелей, не смѣлъ дасть свободы канонерамъ распрячь лошадей , ни самъ оспдохнушь. Часпо , упомленный переходомъ , я прислонялся къ лафету и засыпалъ; волненіе крови и безпокойство мыслей воспламеняли мое воображеніе. Однажды, по-

грузившись въ сладкую дремоту, я мечталъ видѣшь предъ собою выбѣгающихъ изъ кустарника Французовъ, которые съ саблями въ рукахъ бросались на меня — и вдругъ вскрикнулъ: »Спрѣляй!« — Но очнувшись, видѣлъ только своихъ конюнеровъ, которые во всей готовности спокойно лежали при пушкахъ. Сердипый Майоръ, баталіонный командиръ, не позволялъ мнѣ артиллеристамъ варить кашицы; они нѣсколько дней ѣли одни сухари.

18 Іюня арріергардъ перешелъ р. Вилію по новому мосту, и расположился на возвышенномъ берегу, надъ самою рѣчкою. Здѣсь къ нашему арріергарду присоединили еще двѣнадцать башарейныхъ орудій, весь 33-й Егерскій полкъ, и два полка линейныхъ, Перновскій и Кексгольмскій. Казалось, мы намѣрены были выждать шугъ непріятеля, который передъ нами шился, не смотря на наше добровольное опущеніе. Казаки по ту сторону рѣчки мелькали въ кустарникахъ, и кой-гдѣ пускали писполешный дымокъ. Къ вечеру, на деревянный мостъ нанесли соломы и смолы. Среди главнѣйшей пшенины мы чего-то ожидали; но съ наступленіемъ ночи мостъ запылалъ и предсавилъ намъ пріятную каршину.

На другой день по ушру шелъ сильный

дождь, отъ чего мы всѣ очень перемокли и передрогли. Войски аррьергарда только что оплошли вершны при къ пущому селенію, какъ получили приказаніе опять воропнись на прежнее мѣсто, и ожидашь непріятели. Но щещно; онъ скрывался передъ нами, или, лучше сказашь, въ общемъ движеніи главныя силы Французовъ были обращены прошивъ средней колонны, а мы, какъ споронніе, оспавлены были ими почти безъ вниманія. — Пополудни мы пошли даале.

20 Іюня, подходя къ Свенціанамъ, мы увидѣли съ нѣсколькихъ споронъ сходящіяся войски; это значило соединеніе аррьергардовъ 3-го и 4-го корпусовъ, кошорые сами вчера пришли сюда. Здѣсь находилась главная кваршира Государя Императора. Это извѣстіе для войскъ было весьма радосшно: присущствіе Царя оживляло ихъ. — Изъ городскихъ магазиновъ всѣ полки запаслись провіаншомъ. Нашъ аррьергардъ смѣнили, и я имѣлъ удовольствіе присоединиться къ ролѣ, послѣ чепыредневнаго безпокойства и шрудовъ. Главнoкомандующій осмошрѣлъ насъ, и благодарилъ Полковника Биспрома за благотное опспупленіе съ сбереженіемъ людей.

Въ слѣдующій день, на маршѣ отъ Свенціанъ всею колонною, мы слышали позади

себя ружейную переспрѣлку. Французская кавалерія, занимая городъ, сполкнулась съ нашею.

Отъ сел. Мелісянъ спокойно продолжалось наше опшпупленіе къ Тверечу. Войски шли по правъ, смоченной дождями. Полная, возвращенная повсюду зелень хлѣба предспавляла пучный кормъ для нашихъ лошадей. Воздухъ, освѣженный дождями, подкрывлялъ успалыхъ. Въ пицѣ не было недоспашма, и даже прихощи роскощи удовлетворялись маркипаншамн. Только чнсно встрѣчались по дорогѣ упалыя обозныя лошады; въ шопкнхъ мѣспахъ валялось ихъ по нѣскольку вмѣстѣ, чѣмъ не мало запруднялом перевозъ нашей артнл-лернн.

23 Іюня, съ самаго ушра слышали мы позады себя н влѣво ружейную переспрѣлку, кошорая безпреспанно уснлнвалась. Генералы распоряжались, Адъюпаншы безпреспанно лспали взадъ н впередъ съ нзвѣспннми н приказанннми; но въ лѣсу намъ нвгдѣ было развернушься, а переспрѣлка все ближе н ближе шрещала почпнн надъ ушамн. Мы, закрышые съ обвнхъ споронъ шѣснкой дорогн лѣсомъ, не могли ннчего вндѣшь; но прибавляя безпреспанно шагун, выплелнсь благополучно нзъ общей завязкн. Дѣло, по разсказамъ, вышло горячее. При

селеніи Давгелишкахъ непріятельскій авангардъ нагналъ нашъ арріергардъ подъ командою Гегерала Корфа, кошорый успѣлъ перейдши р. Дясну и разрушивъ мосты. Французы, подъ прикрытіемъ своей башарен въ 30 орудій, снова навели мосты и перешли; нашъ арріергардъ расположился на ближайшихъ высокахъ, и храбро отражалъ преслѣдователей. Виршембергскіе егері лѣзли, какъ бѣшеные. Это обстоятельство произвело сильную переспрѣлку съ обѣихъ сторонъ, весьма близко опъ пуши нашей колонны. Французы усиливали нашискъ, а Рускіе, упорно защищаясь, опешупали. При семь случаевъ, Казачій Полковникъ въ ашакъ ранилъ и взялъ въ плѣнь Виршембергскаго Принца Гогенлоге. Покуда продолжалась переспрѣлка, мимо насъ, изъ лѣса на дорогу, провозили въ плѣнѣ шлемномалиноваго гусара: высокій киверъ, длинные височные плешешки, и шолспый пучекъ на запылѣ являли въ немъ война съ чужеземными для насъ признаками. Это былъ первый непріятель, котораго я увидѣлъ, и размашривалъ съ особеннымъ любопытствомъ. Фигура его обнаруживала спройнаго мужчину; онъ сидѣлъ на шѣлѣжкѣ склонивъ голову и пошупя взоры; онъ не хопѣлъ взглянушь на идущихъ мимо его Русскихъ солдатъ, и,

казалось, спыдился своего плѣна — ашо былъ дремлющій драконъ.

Причиною сильнаго написка Французовъ было шо, что они хотѣли опрѣзать 3-й Корпусъ. Правѣ нашего, 6-й Корпусъ Генерала Дохшурова, опомедшій опъ 2-й арміи, почиался уже пропащимъ. Проходя лѣсомъ, ежечасно и мы ожидали, что съ какой нибудь спороны выскочатъ на насъ Французы. Для Рускихъ, не привыкшихъ ходишь назадъ безъ драки, непріятно было видѣшь, что вездѣ при ночлегахъ являлись имъ укрѣпленныя лагерныя мѣста, гдѣ войски спроились въ боевой порядокъ, почши не выходили изъ фронша, и, переночевавши съ опасеніемъ опъ нечаяннаго нападенія, при насупленіи дна опяшь уходили. Солдашы говорили: видно Французы очень сильны, что бросая укрѣпленія, мы по неводѣ должны убѣгалъ опъ нихъ. Такъ реширада всегда ослаблешъ духъ въ войскѣ.

Въ слѣдующій день мы вышли изъ лѣсовъ на опкрышыя мѣста, пересѣкаемыя рощами и заселенныя деревеньками, копорыя, однако, были пусты; креспьяне оставляли свои жилища на произволь пріятелей и непріятелей. Команды, посылаемыя изъ лагерей за дровами и соломой, по ненависпи къ Полякамъ, копорыхъ

почипали измѣнниками, пащили изъ пус-
 пыхъ фольварковъ и деревень все, что по-
 падалось имъ въ руки ; въ бивакахъ явля-
 лись спулья, сполы, перины, одѣяла, за-
 навѣсы, посуда , и всякая живность . . . .
 Главнoкомандующій, въ опшращеніе худыхъ
 послѣдствій для нравственности солдатъ,
 издавъ по арміи строгій приказъ , кошо-
 рымъ угрожалъ распрѣляшь каждаго , у
 кого въ лагерь найдутся незаконно при-
 своиенныя вещи.

Графъ Осперманъ-Толстой , по болѣзни
 Графа Шувалова, принялъ начальство надъ
 4 пѣхотнымъ Корпусомъ. Онъ потребовалъ
 къ себѣ одного артиллерійскаго офицера
 для порученій, и меня пошчасъ къ нему
 командировали. Я заспалъ Графа на при-
 валѣ съ пѣхотою. Онъ лежалъ, подъ сос-
 ною, укушанный въ бурку; около него спю-
 яли Генераль Корфъ и Кварширмейстер-
 ской части шпабъ-офицеръ. Узнавъ обо
 мнѣ, Графъ спросилъ: «Есть-ли у тебя ло-
 шадь?» — Никакой, Ваше Сіятельство,
 кромѣ этой — указывая на клячу. — «Ну,
 шакъ поди, возьми шамъ на дворъ—сказалъ
 онъ показывая на вышюу, гдѣ спюяло нѣ-
 сколько домиковъ — дайше ему уншерь-
 офицера!» — Я пошелъ въ фольваркъ, и
 прямо на конюшню; шущъ увидѣлъ шрой-
 ку добрыхъ коней , выбралъ себѣ вороного

жеребца и велѣлъ унперъ-офицеру вести его за собою. Вдругъ выскочили изъ дома три красавицы, и Полячекъ, какъ Амуръ съ Граціями; онѣ со слезами спали упрощивашь меня, чшобъ я освавилъ имъ жеребца, на котораго полагали всю свою надежду для спасенія опъ Французовъ. Въ такомъ случаѣ не лзя было не разсмѣишь-ся, видя, какъ неравнодушно красавицы распавались съ своимъ жеребцомъ; однако я былъ неумолимъ къ ихъ просьбѣ, и съ добычею спалъ уходишь; вопли красавиць меня преслѣдовали, добрый жеребець опвѣчалъ имъ ржаніемъ, а Полячекъ бѣжалъ вслѣдъ за мною со слезами. Не допуская къ Графу, меня вспрѣшилъ Генераль Корѣъ, который внимаа опчаянію Полячка, умоляваго объ освобожденіи жеребца, и видя на горкѣ женщинъ въ опчаяніи, съ плащами въ рукахъ, сказалъ мнѣ: « Опдай, брашець, имъ; пусшь опвяжущся. Выпроси у Командира своего опъ имени Графа аршиллерійскую лошадь, и повзжай, куда прикажущъ. » — Повинуясь Генералу, я нехотя усшунилъ красиваго жеребчика, который къ общей радости панночекъ запрыгалъ съ Полячкомъ домой. Досадно мнѣ было, чшо я по пущому шрудился, и не понималъ, почему красавицы не хотѣли усшунить мнѣ одной лошади, между шѣмъ

какъ Французы возьмутъ всѣхъ прехъ, да и съ хозяйками конечно поспуляшъ по праву побѣдителей, если заспанутъ ихъ на мѣспѣ.

Шшабъ - офицеръ Кварширмейстерской часпни показалъ мнѣ каршу, разныя по ней дороги, и вручивъ пакешъ, сказалъ, чшобъ я ѣхалъ.

Предметъ даннаго мнѣ порученія состоялъ въ томъ, чшобы опкрышь сообщеніе съ 6-мъ Корпусомъ Генерала Дохпурова, кошорый въ началѣ реширады будучи опдѣленъ Французами опгъ 2-й Арміи, хоши и успѣлъ сблизиться съ нашими корпусами, но Графъ Осперманъ желалъ удостовѣриться, въ какомъ оидаленіи и гдѣ подлинно находился онъ.

Я выпросилъ себѣ изъ роты артиллерійскую лошадь, и вооруженный шпагою, безъ всякаго конвоя, взялъ въ соопушницы одну нагайку, и посканалъ по данному мнѣ направленію. Я выѣхалъ пополудни, и екакалъ во весь галопъ до вечера. На пути не встрѣчалъ ни души; опдалаясь вправо опъ направленія своей колонны, ѣхалъ проселочными дорогами, черезъ поля и рощи, болѣе наугадъ, и не безъ опасенія попастъ въ руки Французамъ. Ввечеру пріѣхалъ я къ одному фольварку, гдѣ, по счастью, нашель добраго эконома, кошорый накормилъ меня,

и по повѣрью моего шуна, скакалъ, что я нѣсколько сбился; при чемъ означилъ обшественную дорогу, по которой мнѣ должно было ѣхать ночью, и совѣтовалъ быть осторожнѣе, чтобы не попалъ къ Французамъ, которые находились близко. Онъ даже перебилъ мою усталую лошадь, съ пѣмъ, чтобы по возвращеніи опадать ее обратно. Само счастье навело меня на мысль добраго человека; не знаю, успѣлъ ли бы я возвратиться безъ его пособія. Подкрѣпивши себя ужиномъ, и на свѣжей лошади, я снова пустился въ скачку.

Ночь сначала была темная; потомъ появилась луна, которая блѣдно освѣщая предметы, казалась мнѣ въ облачномъ видѣ и болѣе утѣшала призраками, нежели присутствіемъ освѣщеніемъ. Я вѣшалъ въ одну лусину дерева, и въ концѣ длинной улицы замѣтилъ движущіяся двѣ конныя фигуры. Это заставило меня основательно повернуть лошадь на спотону, къ ближайшему двору; вступъ, не слѣзая съ лошади, я принялся къ спянкѣ, подъ нѣтъ дома, вѣдая, что меня не могли замѣтить. Вскорѣ прѣмажи шаговъ два драгуна; только при слабомъ свѣтѣ луны я не могъ разсмотрѣть, непріятельскіе ли, или наши. По удаленіи напрула я нѣсколько выждалъ на улицу, пробирался около спрое-

-ній; наконецъ, прибавя рыси, пустился ска-
 кашь въ спорону оцъ дороги съ большого
 осмошрипельносною. Проѣхавши вероим
 шри, я увидѣлъ вдаль огни; но какъ удо-
 сповѣришься чьи они, наши, или непріятель-
 скіе? Для этого надлежало мнѣ сворошннть
 еще къ куспарникамъ; я снвалъ пребирашь-
 ся по-маленьку, мнуя ннвсны, все ближе
 и ближе къ огнямъ; наконецъ, савснхъ въ
 десяти, по длиннымъ ннкамъ и говору, у-
 зналъ своихъ Казаковъ. Удовольствіе мое
 было незьясно. Я вѣхалъ къ нимъ
 шакъ шихо, чшо они меня не зашнпли,
 и ннончалъ спросилъ, не Дохшурова-ли Кор-
 пуса? — Получивъ поднвердншельнай ош-
 вѣнкъ, велѣлъ провсннн себя къ Генералу.
 Была глухая полночь, и луна спряшалаеъ
 въ облака. Войска, казалось, недавно пре-
 шли, и Генераль спалъ въ сараѣ. Меня
 встрѣннлъ его адъюшанннъ, которому я
 подаль накеншъ, и шробовалъ, чшобъ онъ
 разбуднлъ Генерала. Дохшуровъ проснулъ-
 ся при мнѣ, велѣлъ подашъ свѣчу, и про-
 чншавъ бумагу сказалъ: »Экъ они всшре-
 вожнлись! скажн, брашецъ: я цѣлъ и здо-
 ровъ. Дубельнъ! напннн ошвѣнкъ!» —
 Дубельнъ, адъюшанннъ, пошелъ въ свой
 сарай и прннлся пнсать. Тупъ узналъ я,
 чшо въ послѣдней спнбнѣ арріергарда этого
 Корпуса на р. Сквнрь, Маріупальскіе гуса-

ры; прикрывая обозъ, рублились съ Французами на поромахъ, пошерпѣли уронъ, и часнь нашего обоза была опхвачена неприапелемъ. — Успалоспъ одолѣвала мною: Прѣжавши около пятидесяти верспъ, почпи все вскачь, и первый разъ въ жизни спакъ много веркомъ, я чувспвовагь изнеможеніе; голова моя горѣла, сонъ сразилъ меня. Пока адъюпанпъ написалъ опвѣспъ, спесп его для подспси, и запечанпалъ, я, прислонившисъ къ сполу, спалъ, какъ убишпй; но по первому слову его: Эй! гоново! — вскочилъ, взялъ бумагу за пазуху, сѣлъ на лошадъ, и поскакалъ прежнимъ пушемъ, шолько гораздо надежпѣе. Передъ свѣспомъ прѣхалъ я въ фольваркъ къ доброму эконому, взялъ своего лошадъ, поблагодарилъ его, и опсправилсâ далѣе.

25 Іюня, въ 8 часовъ ушра, я вспрѣпилъ М-й Корпусъ на походъ изъ Гайдуковщизны, и сѣзъ съ лошади передъ Графомъ въ шо самое время, когда онъ вышелъ изъ избы, чпвобы садилсâ на подведенную ему лошадъ. Шпшпаясь опгъ успалоспши и бессонницы, я подалъ ему пакелпъ. Графъ, всегда суровый, явилъ шогда мнѣ прѣпшное лицо, и взглянулъ на меня благосклонно. Прочпшавъ бумагу, съ довольною миною сказаъ: « Спущай, опшдохни, и о-

спанься при мнѣ.» — Куда мнѣ было идти опдыхашь? все на походѣ. Изъ нуждъ физическихъ наиболѣе одолевалъ меня сонъ. Съ ушомленнымъ конемъ своимъ, и самъ весь какъ разбитый, пошелъ я спороною въ лѣсокъ, повалился на мягкой лужайкѣ, обвершѣлъ поводъ около руки и легъ спать тогда, какъ всѣ давно уже выспались. Конь мой съ жадностію рвалъ около моей головы траву, и эшимъ шумомъ улаждалъ, вмѣсто журчанія ручейка, давно желанный сонъ.

Часа два я спалъ какъ убитый; солнце припекло мнѣ голову, и заспавило пробудисься; оно ярко блеснѣло въ голубомъ небѣ, и лучами позлащало вершины высокихъ березъ около меня. Мой конь споялъ повѣся голову, и дремалъ въ свою очередь — вокругъ унылая тишина.

Подкрѣпленный сномъ, я оснѣжился, и какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ на вѣрнаго поварища, кошорый маленькой рысцою понесъ меня впередъ. По дорогѣ обгонялъ я успалыхъ; они опдыхали на пенъкахъ около лужицъ. Проѣхавши вершъ пашнадашь, я догналъ пѣхошу 4-го Корпуса, проходившую чрезъ селеніе, гдѣ передъ господскимъ дворомъ спояли лошади свишы Графской. Тутъ, исполняя приказаніе Графа, мнѣ должно было оспановишь-

ся; я привязалъ свою лошадь къ рѣшетчатому забору дома, между другими лошадьми, и вошелъ въ горницу. По срединѣ стоялъ большой, накрытый столъ, и на немъ опущенный завтракъ. Для меня оставались только опрокинутые стаканы, пустыя бушлыки, разлишій по смальтерни соусъ, просыпанная соль, и корки хлѣба; еще стояло блюда два съ кускомъ бѣшка и съ спинкою жареной курицы. У большихъ оконъ сидѣли при порядочно одѣшныя дамы, съ заплаканными глазами и съ плачущими въ рукахъ, сморщившия печально на губахъ, кощерые безпрестанно приходили, уходили, и не спрашиваясь ихъ хозяйничали въ домѣ. Молодежь, гусары и адъютанты Графской свиты, расправляя ушики свои и побрякивая щпорами, спарались любезничать для развлеченія грусти унылыхъ дамъ, и немолжно выманивали у нихъ — горестныя улыбки.

Въ горницѣ я одѣдалъ легкій поклонъ присуществующимъ и, послѣ шрудной поправки весьма проголодавшись, съ удовольствіемъ приступилъ къ любезному бѣшку и закусалъ имъ. Обпаривая бушлыки, я нашелъ въ одной нѣсколько жидко-сиди, и выпилъ чего-то кислаго, похожаго на вино. — Попомъ всѣ мы сѣли на коней, просились съ господами и хозяйками,

и оставя ихъ на произволь судьбы и Французовъ, поѣхали догонять Графа, который ѣхалъ впереди войскъ, погруженный въ думу.

Ввечеру, въ лагерь при Новоселкахъ, я увидѣлся съ поварищами своей роты, рассказалъ имъ о чудномъ спранспвн своемъ, и переночевалъ въ бивачномъ шалашѣ шакъ пріятно, какъ у родныхъ на лежанкѣ.

Въ слѣдующій день мнѣ перемѣнили лошадей и велѣли присоединиться опять къ Графской свитѣ. Тутъ адъютанты, ординарцы и прочіе щеголи, въ красивыхъ, узорчатыхъ мундирахъ, на рѣзвыхъ коняхъ, смошрѣли изъ-за плеча на меня, съ чернымъ борошникомъ, ѣдущаго на подъемной клачѣ съ казачьимъ сѣломъ. Я видѣлъ, что мнѣ шупъ не ловко, и поварищи не по рукѣ, а пошому очень скучалъ; наконецъ, когда Графъ цѣлый день меня не спрашивалъ, шо я, не сказавшись никому, шихонько ушледся къ своимъ, разсудивъ, что если буду нуженъ, шакъ меня позовушъ — эшимъ и балъ кончился.

27 Іюня, ввечеру, войски вшупили въ укрѣпленный лагерь на Двинѣ. Нашей артиллеріи доспалось мѣсто въ концѣ лѣваго фланга, по ошлогосши берега, шакъ, что мы съ пушками спряшавшись въ высокую, зеленую рожь, не могли ничего ви-

дѣшь предъ собою. 4-й Корпусъ съ 2-мъ Кавалерійскимъ расположились на лѣвомъ флангѣ, позади послѣднихъ редушовъ.

Укрѣпленный лагерь на Двинѣ изгошовлялся еще до открытія кампаніи, а пошму намѣреніе наше: респироваться, должно-бъ бышь извѣспно Наполеону, кошпорый могъ предпріянь заранѣ мѣрь, для раздѣленія нашихъ силъ. Положеніе этого лагерьа во многомъ уподоблялось лагерьу Петра I-го подъ Полшавою. Тамъ, позади лагерьа, находились рѣка и крушые овраги, чшобы для Рускихъ не осшавалось ничего инаго, кромѣ смерши или побѣды; здѣсь шакже позади была большая рѣка и крупной берегъ, но для спасенія войскъ, въ случаѣ неудачи, пригошовлено было при большихъ моспа подъ прикрышіемъ окоповъ. Тамъ впереди находились закрышыя лѣсомъ мѣспа, и усшроенные редушы; здѣсь шакже былъ лѣсъ, и очень близко къ лѣвому флангу, гдѣ подѣлали засѣки; передъ фронтшомъ-же всего лагерьа было десяшь редушовъ. Наконецъ, опъ участи сраженія шакже и здѣсь зависѣло спасеніе или гибель одной арміи изъ двухъ враждующихъ силъ. Судя по великимъ шрудамъ и издержкамъ, для усшройсшва укрѣпленій обширнаго Двинскаго лагерьа, надлежало предполагашъ, что Главнокомандующій намѣревался здѣсь дашь

генеральное сраженіе ; однако намѣреніе его не исполнилось. Можеть бытъ Наполеонъ избѣгалъ съ нами встрѣчи въ Двинскомъ лагерѣ, опасаясь участи, постигшей героя Швеціи , или вовсе не намѣренъ былъ пробиваться чрезъ безплодныя губерніи къ северной столицѣ нашей ; однимъ словомъ, онъ не хотѣлъ прешагнуть къ Двинскому лагерю и оснавилъ насъ въ покоѣ.

Скрывшись за редушы, мы имѣли ту выгоду, что нѣсколько дней отдыхали спокойно. Главнокомандующій ожидалъ здѣсь прибытія вѣрой арміи , которая по назначенію долженствовала слѣдовать чрезъ Вилейку и Минскъ ; но пущь ея былъ въ одно время продолжительнѣе пути первой арміи ; сверхъ того, въ началѣ репиреды Наполеонъ употребилъ стратегическое средство для разобщенія двухъ армій нашихъ, пославъ изъ Вильны Маршала Даву съ войсками въ разрѣзъ между нами. Мы не безъ причины безпокоились объ участи Князя Баграціона, и солдаты называли его армію *второю западною*.

День вступленія войскъ въ Двинской лагерь былъ знаменитымъ днемъ Полшавской битвы ; по этому случаю объявленъ Высочайшій приказъ , которымъ поддерживали нѣсколько въ Рускихъ солдатахъ духъ , колебавшійся уже отъ начала не-

обыкновенной рещирады. Сказано было : « что до соединенія армій, временнымъ и нужнымъ опспупленіемъ, удерживаемо было кипящее мужество вонновъ оспановишь дерзкій шагъ непришеля; но шеперь предспоишь новый случай оказашь извѣстную храбросшь и приобрѣшь награду за понесенные труды. » — Въ силу этого приказа всѣ полагали рѣшительно выждать здѣсь непришеля. Мужество снова закипѣло въ сердцахъ Русскихъ солдатъ; другъ другу напоминали преданіе о Полтавской битвѣ, и всѣ готовы были на Двинѣ послѣдовать доспохвальному примѣру предковъ.

Слухи носились, что на аванпосты непришельскіе была подкинуша съ нашей еспороны прокламація къ Французскимъ и Нѣмецкимъ войскамъ. Первымъ предспавляли, что они сущь слѣпья орудіа неограниченнаго и ненасытнаго честолюбца, а вшорымъ объясняли униженіе, кошорому они подвергались служба ушѣспишело ихъ опечесства. Если подлинно была вышущена опгъ насъ шкая прокламація, какъ одно изъ оредспвъ, вредящихъ непришело развращеніемъ нравспвенности солдатъ, то едва-ли она могла бышь шогда дѣйспвишелою. Французы были ослѣплены славою Наполеона, доколь орлы его влекли за

собого побѣду; Нѣмцы-же споль были увѣрены въ неизмѣнносн его могущества , и такъ сильно спрашилися мщенія, что не могли прельсннться никакими предложеніями.

Между нѣмъ въ лагерь у насъ вездѣ служили благодарственныя молебны о побѣдахъ Ашамана Плашова подъ гор. Миромъ, гдѣ онъ разбилъ Польскую кавалерію. Кто могъ проникнуть въ будущее, и предузнать тайны судьбы? Продолжительная реширада, споль необычайная для Русскихъ, и воспоминаніе о непрерывныхъ побѣдахъ Французовъ въ послѣднія кампаніи, невольнo колебали швердоснъ духа нашихъ солдатъ. Въ ошкровенныхъ бесѣдахъ ихъ часно вызывались незабвенныя имена Румянцева, Суворова. Во время службы церковной и молебствія, Русскіе солдаты, дополь увѣренные въ своемъ мужесннѣ, спояли въ уныломъ наклоненіи съ опущенными взорами, какъ будно признаваясь въ своемъ безсиліи, и въ упованіи единственно на помощь небесную, на силу сверхъестественную для защиты любезной родины. Среди печальной тишины и благоговѣйнаго служенія церковнаго, каждый молился съ усердіемъ; у многихъ наверху-вались въ глазахъ слезы.

Побѣды Машвѣя Ивановича Плашова не

нѣсколько радовали солдатъ, но и оживляли въ нихъ надежду на будущіе успѣхи. Они говорили между собою: Вошь одинъ молодецъ, кошорый еще бѣшъ Французовъ по-Русски! — Надобно замѣнить, что солдаты, въ знакъ особеннаго уваженія къ Апаману Казаковъ, называли его не по фамиліи, а всегда по имени и отчеству.

Въ Двинскомъ лагерѣ доходили до насъ вѣсти, что Французская армія уже перешла во всемъ большой недоспашокъ. Точно, идучи слѣдомъ за нами, она долженствовала нуждаться въ продовольствіи. Спрана, оспавляемая нами, была нарочно опущена, чтобы затруднить существованіе непріятелей: густую, высокую зелень разнаго рода яроваго и озимаго хлѣба, наливавшагося въ пучные колосья, мы поспали безъ всякой жалости. Пѣхола наша, идучи всегда по обѣ стороны дороги въ дивизионныхъ колоннахъ, оспавляла по себѣ широкій слѣдъ помятой, мершвой зелени: за войскомъ простирались полосы ея, какъ-бы выжженные ужаснымъ бѣгомъ молніи. Земля отъ дождей и росы была всегда влажна и вредна для здоровья непривычныхъ еще къ бивачной жизни солдатъ; изъ пусыхъ селеній солома съ крышъ была разносима въ лагеря; заборы, двери, спавни разбирались на дрова; оспаль-

ное, по выходѣ войскъ, сожигали Казаки, и непріятель по слѣдамъ нашимъ вездѣ находилъ опустошеніе. Дороги и плошины были повреждаемы; болошныя, низкія мѣста наводнялись дождями. Все это много препятствовало движенію непріятельскихъ войскъ, особенно аршиллеріи и обозамъ. Однимъ словомъ, природа, въ лучшее время года безпорядкомъ спихій, благопріятствовала намъ ко вреду непріятелей.

Въ такихъ обстоятельствахъ, наши люди и лошади переносили болѣе, родившись въ свойственномъ климатѣ, и привыкнувъ къ грубой жизни. Напротивъ того нѣжные Французы, Нѣмцы, Итальянцы должны были чувствовать, что зашли въ сприну своей гибели. Для нашихъ солдатъ несносенъ былъ только лѣтній зной. Въ продолженіе большихъ переходовъ, подъ тяжестію ранцевъ и киверовъ, въ суконной полспой одеждѣ, молодые солдаты скоро уснавали; при всякой лужицѣ они съ манерками бросались черпать теплую, грязную воду, копорую пили съ жадностію, никогда не ушолая жажды; наконецъ, изнеможенные, опсшавали опть полковъ своихъ, заходили въ спорону, и гдѣ нибудь завалившись для опдыха, попадались въ руки непріятелю. Хопя арріергардъ обязанъ былъ всегда подбирать усшалыхъ, но въ

разныхъ обстоятельствъ , по невозможности исполнять это , въ продолженіе реширады шаквая поперя должна быть не малозначуща въ нашей арміи.

Съ 27 Іюня по 2 Іюля мы благополучно опдыхали въ Двинскомъ лагерѣ. О движеніи непріятеля не было никакихъ слуховъ , и войски ободрились , полагая , что Французы , испощенные переходами , уже поравнялись съ нами въ силахъ , и не смѣюшъ нападать на насъ въ укрѣпленіяхъ. Благодаря попеченіямъ Правительства , мы не терпѣли никакого недоспадка : войски получали мясную и винную порцію , лошади овесъ , маркишаншы снабжали офицеровъ чаемъ , сахаромъ и винами. Вечернія зори всегда опходили парадно съ музыкою. Солдаты выспроили себѣ хорошіе балаганы , въ копорыхъ и офицеры имѣли довольно простора. Веселое поварищество сослуживцевъ развлекало предспоящее горе объ опасности опечеству. Дни опдыха были ясные , ночи прохладныя. Валяясь подъ бурками и любуясь звѣздами вечерняго неба , мы засыпали въ спокойной безпечности ; шолько часовые вокругъ лагеря протяжными опзывами на разныхъ голосахъ иногда будили насъ , и этой дикою гармонією напоминали — о войнѣ бѣдспвенной.

ГЛАВА III.

ОТЪ ДВИНЫ ДО СМОЛЕНСКА.

Переправа черезъ Двину. — Переходъ черезъ Полоцкъ. — Ночлеги въ корчмѣ. — Армія при Витебскѣ. — Сраженіе при Островно. — Операция надъ ранеными. — Отступленіе отъ Витебска. — Биваки у Порвчѣя. — Армія у Смоленска. — Размыя извѣстія. — Военное замѣчаніе.

Тщешно ожидали мы Наполеона. Кажалось, онъ съ своими войсками шакже покоился; но если-бы продолжалъ непрерывно движеніе внушрняго разобщенія къ Вишебску, шо могъ-бы успѣшь прежде насъ заняшь эпошь городъ, и заспавишь первую армію описывашь дальнѣйшій кругъ пуши, для соединенія со впорою. — Въ ожиданіи Наполеона, мы узнали, что колонны его взяли направленіе мимо насъ къ Полоцку; шогда и намъ надлежало оспавишь укрѣпленія Двинскаго лагеря, чшобы поспѣшишь для соединенія со впорою армією въ Вишебскѣ, куда, полагали, она прибудешь непременно.

2 Іюля, войски первой арміи спали переправляясь чрезъ Двину: пѣхоша по двумъ понтоннымъ мостамъ, артиллерія по плашкошамъ. Всѣ при мостѣ находились подъ защитою большаго пѣше-де-поиѣ. Переправа произведена съ надлежащимъ порядкомъ; только на противномъ берегу, ошъ скопившакся во множествѣ обозовъ, пѣсно было пробирашьяся; сверхъ того глубокій песокъ, между сосновымъ лѣсомъ, не мало зашруднялъ движеніе. Подъ выстрѣлами и въ виду непріятеля на такой переправѣ не обошлось-бы безъ потерц; но мы перешли благополучно.

4-й Пѣхошный Корпусъ, вмѣстѣ съ своимъ спущникомъ, 3-мъ Корпусомъ, въ день переправы черезъ Двину, перешель по шу сторону черезъ лѣсъ, песчаною дорогою, только до деревни Юспиновой.

На другой день первая армія, исключая Корпуса Графа Випгеншшейна, оставленнаго для защиты С. Пешербургской дороги, двинулась вверхъ по Двинѣ двумя колоннами: лѣвая соспояла изъ 2-го и 5-го Пѣхошныхъ Корпусовъ, а наша правая изъ 3-го и 4-го. Ошъ непріятелей мы отдѣлялись Двиною, и сего числа близъ сел. Прудники бивакировали въ боевомъ порядкѣ.

6 Іюля, въ полдень переходили мы По-

люди. Большия каменныя спроектія обра-
щали на себя вниманіе проходившихъ. Жи-
телей не было видно; рѣдко гдѣ кто по-
казывался; повсюду унылая пустоша.
Только слышенъ былъ спукъ отъ прохо-
дящей артиллеріи; ржаніе коней, и воин-
ственный говоръ солдатъ; шедшихъ въ
гусьныхъ колоннахъ. Идучи при своихъ
пушкахъ; я вслушался въ разговоръ между
коноверами. Одинъ говорилъ: — Видно у не-
го большая сила; прокляпато; смотри; по-
жалуй; сколько ондали даромъ; почти всю
опарую Польшу; воптъ и эмпотъ городъ
ему - же доставется. — «Еще увидимъ;
сказалъ другой, можешъ, его нарочно такъ
далеко заводяшь.» — «Нарочно; или нѣтъ,
а все это чшо-то небывалое. Слыханнос-
ли дѣло, чшобы безъ драки уходилъ такъ
далеко, и ондавалъ шо чшо наше, даромъ!
Видь Поляки шеперь всѣ соберушся за на-
ми, и приспанушъ къ нему; анъ войска-
на у него впрое прибавилъ....» — «Тол-
куй!» отвѣчалъ старый бомбардиръ. «Видно
тебя не спросили, чшо пошли!»... —
Прочіе засмѣялись. Между тѣмъ, по шу
сторону пушекъ я замѣшилъ подошедшаго
къ зарядному ящику гражданина въ синемъ
сюршукѣ, который въ полголоса спраши-
валъ у вдоваго: «Послушай, сколько въ
ящикѣ зарядовъ?» — Тебѣ на чшо?» отвѣ-

чать звать грубо. — «Эпо павіонь! вкри-
чалъ я, держи! лови его!» — Кашошери
бросились за нимъ, но онъ мимышуль въ
переулокъ, и пропалъ.

За городомъ, пройдя версты три, мы
оспановились на биваки въ боевомъ поряд-
кѣ: пѣхота въ двѣ линіи, артиллерія на
флангахъ и между полками. Съ нашего
колонною слѣдовала каваршира Главареман-
дующаго.

Въ слѣдующій день мы расположились
биваками за сел. Оспровянами, надъ Дви-
ною. Земная природа являлась тогда во
всей полнотѣ своихъ прелестей. Заходя-
щее солнце золотило пригорки и деревья;
свѣтлая вода Двины, отражала въ себѣ ла-
зурь небесную, спокойно прошекали между
возвышенными берегами, и свѣжестію про-
хлады привлекали къ струямъ своимъ; де-
ревья съ густою, яркою зеленью, отъ на-
жестія листьевъ нагибались вѣтвями къ
водѣ и, казалось, пили живительную влагу;
носившееся въ воздухѣ благоуханіе цвѣтущихъ
пріятно услаждало обоняніе. Опдалившись
отъ лагеря, уединенно для прогулки, я за-
шелъ на берегъ, развалился на зелени, и
надъ водою, въ тишинѣ любовался приро-
дою. Самымъ меншальностію моею распрога-
лась; я устремилъ взоры на опдаленный
берегъ и погрузился въ романтическую меч-

пашельность. Видя шпичекъ, копоры, гонясь однѣ за другими, припались въ мусшарникъ, говорилъ я самъ себѣ : Природа дышишь любовью и разсыпаетъ свои дары для наслажденія человеку , а онъ къ чему спремился ? къ испребленію себѣ подобныхъ , къ разрушенію общеспвеннаго благососпоянія . . . . Незвѣспная груспь давила мое сердце, мой духъ опдѣлился онъ враждебнаго міра людей, и носился въ прелеспной обласпи фаншазіи; воображеніе рисовало мнѣ очаровашельный садъ; я слышалъ звукъ арфы и нѣжный голосъ пѣвицы; вдали на берегу видѣлъ рѣзвыхъ Нимфъ, играющихъ цвѣшами . . . . и веселый хохотъ ихъ разносился эхомъ . . . . Но что эпо ? — Увы ! эпо арпельщики съ гремящими кошлами, шедшіе черпашъ воду для своей кашицы ! — Проспшите милые призраки фаншазіи ; я вспомнилъ о своей печальной сущеспвенности , вздохнулъ — и пошелъ на биваки.

10 Іюля перепли мы за Спарое Село. Нашей арпиллеріи доспалось спояшь близъ корчмы. Пошелъ сильный дождь , и мы , не имѣя палашокъ, побѣжали подъ зашщину Жидовскаго жилища ; но оно было запершо. Принесли шопоры — и внушрешность храма опшверзлась передъ нами. Радуюсь приспаницу, мы расположились въ пущпой

корчмъ , какъ не лзя лучше. Каждый за-
 нялъ себъ уголокъ , кшо на лавкѣ , кшо на
 печкѣ , кшо въ Жидовской спальнѣ. При-
 несли сѣна , разоспслали ковры — шакой
 доброй вваршары у насъ не было ошь са-
 мой Вильны , а биваки уже надовли. При-
 несли самоварь ; сѣли въ кружекъ , закури-
 ли шабачекъ , напильсь чаю , обсутились ,
 развеселились. Тушь кшо во что гораадъ-
 одинъ забавникъ гдѣ-що оцкрылъ спарый
 гардеробъ Жидовскій , нарядился , и пред-
 сшавиль намъ Еврея на молитвъ ; другой
 нарядился Жидовкой — и прелесшничаль.
 Мы хохопали. Но эша площадная фарса
 скоро наекучила важнымъ командирамъ ;
 они разочаровали Жида и Жидовку. Яви-
 лась другая , милѣйшая сцена. Передъ по-
 ходомъ посшупиль къ намъ въ бригаду мо-
 лодой лекаръ , копорый для услажденія
 сердца везъ съ собою молодую , прекрасную
 супругу , саншменпальную Нѣмочку. Ви-
 дѣшь на походѣ красавицу , есть что-що
 особенно привлекательное для холоспыхъ
 и женспыхъ , ибо одинъ взглядъ ея возжи-
 гаетъ — живошпный магнетизмъ. Бѣдный
 лекаръ въ дождливую погоду не зналъ ку-
 да дѣвашься съ милою подругою ; кромѣ
 брички онъ ничего не имѣлъ , но вѣчно
 жишь въ бричкѣ — въ шакой шѣснопѣ —
 хопъ кому наскучишь. Мы вспомнили о

красавицѣ, и, для сохраненія ея здоровья, предложили лекарю на время укрыться отъ непогоды съ нами, въ собраніи честныхъ кавалеровъ. Скромность и спыдливость колебали даму принять предложеніе; однако необходимостъ отдохновенія подъ какимъ-либо сухимъ кровомъ, превозмогла ея робостъ: супруги перешептались между собою, взяли за руки, и, казалось, условились не разлучаться, разумѣя у насъ какую-то для себя опасностъ. Они вошли, и сѣли вмѣстѣ. Ей поднесли чаю, а лекарю пушчу — спакавъ за спаканомъ; начались вопросы, отвѣты, шушки — лекаря ошперли отъ подруги и усыпили. Тушъ (однакожъ не то, что вы думаете, любезный чипашель) вся молодежь спала увиваться около улыбающейся, румяной Нѣмочки, какъ шмели около розы... иные вздыхали, иные были внѣ себя отъ какого-то магнетическаго или гальваническаго дѣйствія взоровъ красавицы.... Развязка была-бы любопытна, но вдругъ принесли кашпрюлю съ кашницею, и сковороды съ бишкомъ. Тогда отъ идеальнаго перешли къ матеріальному; сѣли обѣдашь — при захожденіи солнца. Сунный ароматъ защекопалъ обоняніе спящаго лекаря, звонъ жестяныхъ шарелокъ и ложекъ коснулся его слуха; онъ проснулся, вспомнилъ.

49 верстахъ отъ Виттебома. Наши авангарды были уже въ дѣйстви. Лейбъ-Гусары у кортмы сняли пикетъ Французовъ, и сполько ободрились успѣхомъ, что бросились съ 6-ю конными орудіями преслѣдовавъ бѣгущихъ; но Французы этого ожидали; они въ превосходныхъ силахъ напали на Гусаровъ, порубили, погнали ихъ и опяли всѣ 6 пушекъ. Нѣжинскій Драгунскій полкъ подоспѣлъ на помощь Гусарамъ, а Сумской и 4-й Егерскій полкъ удержали дальнѣйшій напискъ непріятеля.

Мы приближались къ мѣсту сраженія, и видѣли возвращавшихся Лейбъ Гусаровъ въ красивыхъ мундирахъ, подъ киверами съ Императорскимъ гербомъ, на спалчныхъ сѣрыхъ лошадяхъ; они ѣхали шагомъ, съ опущенными поводами, покрытые пылью, иной съ перевязанною рукою, другой съ окровавленнымъ лицомъ. Сколько эти раненые возбуждали въ насъ состраданія, сполько, напрошивъ, утѣшительно было видѣть раненыхъ Французовъ, которыхъ путь-же, человекъ шесть, гнали въ плѣнъ Нѣжинскаго полка Драгуны. Я съ любопытствомъ разсматривалъ спрашныхъ враговъ: въ синихъ и красныхъ панталонахъ, они шли безъ мундировъ; на запялкахъ у нихъ висѣли толстые пучки съ плещешками подъ саломъ; люди были

рослые, здоровые — драгуны. Шапкая походна ихъ обнаруживала усшалосинь; понкъ, мѣшавсь съ пылью, обезображивалъ лица. У иныхъ щеки были порублены и покрышы запекшеюся кровію; у другихъ расѣчены руки; однако всѣ они смотрѣли бодро и безъ унынія.

Чѣмъ ближе подходили мы къ мѣсту сраженія, по аллеѣ большой дороги, тѣмъ сильнѣе были слышны пушечные выстрѣлы. Не доходя до мѣста съ верспу, остановились: велѣно приготошовишься. Пѣхотинцы спали заряжашъ ружья и зазвѣли шомполами; аршиллеристы наполнили сумы зарядами, офицеры обнажили шпаги. Уже по дорогѣ валялись каски нашихъ драгуновъ, изломанные палаши и мундирные лоскушы; уже мимо насъ часто спали проходишь раненые, окровавленные и хромающіе егери — но убищыхъ еще не было видно. Явленіе близкаго сраженія, первый разъ въ жизни, меня очень занимало. Я не могъ еще соспавить себѣ яснаго понятія о бишвахъ; мнѣ казалось, что всѣ сходящіеся должны непременно погибнуть, что каждое ядро или каждая пуля убешъ или ранишь человека, а потому полагалъ навѣрное, что врядъ-ли и мнѣ уцѣлшь. По крайней мѣрѣ, видя какъ всѣ идушь отважно умирашь, мнѣ ничего

ниго не оспавалось, какъ слѣдовашь ихъ примѣру. Въ шакомъ раздумь сидѣлъ я на лафетѣ своей пушки и разсмащивалъ съ большимъ вниманіемъ все происходящее. Бригадный командиръ нашей артиллеріи, проходя мимо, увидѣлъ меня спокойно сидящимъ на лафетѣ, и сказалъ: « Оздыхай, брашъ, скоро начнешь работа. » — Это были послѣднія слова его, ибо едва онъ показался на мѣсто сраженія, какъ вдругъ ядро непріятельское ударило его въ грудь, и, пролетѣвши насквозь, распорило вмѣстѣ съ сердцемъ червонцы, копорые находились у него въ боковомъ карманѣ.

Солдаты приготовились къ бою и смѣло пошли на встрѣчу смерти, копорой, казалось, съ нешерпѣніемъ ожидали. Наша рота артиллеріи шла между Кексгольмскимъ и Перновскимъ полками 11-й дивизіи; начальникъ оной, Генералъ Бахмешевъ 1-й, и Бригадный Генералъ Чоглоковъ, ѣхали впереди; за нами шла вторая бригада той-же дивизіи, Елецкій и Полоцкій полки; потомъ 23-я дивизія Генерала Бахмешева 2-го; пѣхода въ сомкнушыхъ дивизионныхъ колоннахъ шла впереди довольно скоро. — Уже начали визжашь надъ нашими головами убійственныя ядра и вырывашь ряды; пѣхода побѣжала впереди, артиллерія рысью; сфѣлки разсыпались по кустар-

никакъ, бапарен поспривилъсь — и нача-
лась пошпака.

Десять орудій 3-й легкой роты нашей повернули на мѣстѣ сраженія вправо съ дороги, и шущь же выспривилъсь, начали дѣйствовать; непріятельскія бапарен съ шрехъ споронъ сбивали наши орудія: ядра прыгали всюду, какъ зайцы. На дорогѣ лежали убитые солдаты: у одного голова опорвана, у другаго вырванъ живощь, шрешій лежалъ безъ ногъ.... Сердце содрогалось ошъ такихъ предметовъ. Непрѣшное чувствво овладѣло мною, глаза помрачались, колѣна сгибались.... Я оспавался еще съ двумя пушками на дорогѣ безъ дѣйствіи, но вошъ Свинскій Полковникъ подѣхалъ ко мнѣ и велѣлъ ошаль по лѣвую сторону аллеи, указавши памъ на небольшое возвышеніе. Тогда я очнулся ошъ ошмѣнія, въ конпоромъ нѣсколько минутъ находился. Между шѣмъ Кексгольмскій и Перновскій полки пошли съ дороги, одинъ вправо, другой влѣво; оба развились фронтномъ по опушкѣ лѣса, для подкрѣпленія находившихся впереди спрѣлковъ и для прикрышія артиллеріи; къ Перновскому полку на лѣвомъ флангѣ приспроился въ линію Елецкій полкъ.—Смершоносная канонада съ обѣихъ споронъ усилилась.

Старые воины замѣчаютъ, что страхъ превозмощитъ сердце молодого солдата только до испуга въ сраженіе, когда еще вниманіе его на свободу занимается окружающими ужасами смерти, копорые производятъ въ немъ непріятное впечатлѣніе; но когда онъ вступилъ въ битву, страхъ заглушается ожесточеніемъ. Солдатъ, жершвуя погду собою, дѣлается самъ дѣйствующимъ лицомъ; и смерть перестаетъ пугать его; сердце заливается кровію, онъ презираетъ опасность, и дѣлается какъ будто безчувственнымъ. Туть человекъ выходитъ изъ сферы обыкновеннаго существова своего: физическій организмъ его раздражается, и всѣ способности души дѣлаются напряженными. — Я находился въ такомъ положеніи, когда началъ съ пушками выстрѣиваться на показанномъ мѣстѣ. Вдругъ засвистѣли мимо меня ядра: одно ударило въ коннаго артиллериста, а другое опорвало ноги у кововера съ зарядною сумою; онъ упалъ передо мною, и жалобно вскричалъ: «Ваме Благородіе! спасише!» При видѣ убитыхъ передъ эшимъ я содрогался, но теперь былъ безжалостенъ, и велѣлъ только опшадить его въ спорону, чтобы не мѣшалъ спрѣлать намъ.

Двѣ пушки мои спали прошивъ прехъ

непріятельскихъ, и объ, наведенныя мною на одну прошивную, съ первыхъ выстрѣловъ рикошетомъ подбили ее; солдаты увидѣвши что Французы свозятъ подбитую пушку, опять радостно крикнули: Ура! Поравнявшись въ числѣ орудій, мы начали подбивать другъ друга съ равнымъ успѣхомъ. Ядра непріятельскія, ударяя въ близкіе мои пушки, засыпали насъ землею, а гранаты разрывались на воздухъ съ адскимъ визгомъ. Замѣшивъ, что Французы стрѣляютъ по моимъ пушкамъ довольно цѣльно, и убили еще одного кононера, я подвинулся шаговъ на десять впередъ; тогда большая часть смертоносныхъ ядеръ спали перелетавъ черезъ меня; но за то они вырывали ряды изъ спявшей позади пѣхоты. Въмѣсто одного подбитого орудія, Французы прошивъ моихъ двухъ выславили еще два, и спали крѣпко жарить по мнѣ изъ четырехъ. Между оглушительнымъ шумомъ пушечныхъ выстрѣловъ, и пороховымъ дымомъ, вниманіе мое развлеклось. Непріятельскія ядра жестоко били спявшую позади меня пѣхоту; тогда я самъ вздумалъ обратишь свои выстрѣлы на непріятельскія колонны, когорыя въ это время спали двигатьсь впередъ по большой дорогѣ. Кононеры, повернувъ пушки вправо, пустили рикошетомъ шакъ

удачно, что содѣйствіемъ своихъ выстрѣловъ съ среднею башареею произвели замѣшательство въ непріятельской пѣхотѣ, копорая не пошла далѣе. Генераль Чоглоковъ, споявшій шупъ-же передъ линією, замѣшилъ это, и подзавъ меня, благодарилъ за удачное дѣйствіе артиллеріи. Ободренный, я усерднѣе приступилъ къ пушкамъ, какъ вдругъ канонеры закричали: «Ваше Благородіе! Кавалерія! — смолрише, въ кустахъ близко!» Точно, я увидѣлъ впереди линію красныхъ Гусаровъ, приближавшихся рысью, и до половины видныхъ изъ-за кустовъ; шопчасъ велѣлъ зарядишь каршечью, но вдругъ непріятельское ядро ударило въ колесо моей пушки, и она съла на бокъ; ее пошацили назадъ. Между шѣмъ подскакалъ ко мнѣ Елецкаго полка Маіоръ Тишинъ, и просилъ, чшобы я поспѣшилъ съ оставшеюся пушкою на лѣвый флангъ линіи, гдѣ ничего не было для подкрѣпленія противъ кавалеріи. Это случилось въ шо самое время, какъ Французскій Генераль Орнано съ легкою кавалерією повелъ ашаку по обѣимъ споронамъ дороги на нашу линію. Я съ пушкою побѣжалъ за Маіоромъ. Впереди по кустарникамъ застѣшіе спрѣлки наши спарались удержалъсь, но красные Гусары ихъ окружали; егери ошспрѣлива-

ясь во всё споронь, сбѣгались въ кучку. Только успѣлъ я съ пушкою въѣхашь въ линію пѣхошы, какъ вижу, эскадронъ храбрыхъ Французскихъ гусаровъ завернулъ правое плечо впередъ, и съ саблями бросился на спрѣлковъ нашихъ; вдругъ пѣхоша изъ линіи пустила бапальный огонь, я ударилъ карпечью, и весь эпошь эскадронъ разсыпался: многіе попадали съ лошадей, другіе бросились назадъ, и спрѣлки наши были спасены. Такимъ образомъ первая ашака Французовъ была неудачна.

Между тѣмъ мои арпиллерисшы проспрѣлялись зарядами. Я взялъ опть ящика лошадь и поскакалъ черезъ дорогу опыскивашь ропнаго командира, чпобы попросишь у него пушѣу и зарядовъ. Но въ какомъ положеніи предспавилась мнѣ наша арпиллерія по правую спорону дороги! Нѣсколько пушекъ лежало подбишыхъ или опрокинушыхъ; между ними валялись убишые канонеры и лошади. Сосспавляя ценспральную бапарею, наша ропша была пронзаема непріашельскими выспрѣлами съ шрехъ споронъ, пошдѣмъ Французская кавалерія пролешѣла сквозь карпечь всей бапарей, ворвалась между орудіями, порубила канонеровъ, схватила въ плѣнь офицера, и чупь не увезла двухъ пушекъ; но Кексгольмскій полкъ шакъ-же хорошо оп-

билъ опсюда Французовъ, какъ Елецкій и Перновскій на лѣвомъ флангѣ. — Подполковника своего я нашелъ въ большихъ суетахъ. Увидѣвши меня, онъ спросилъ: «Ты еще живъ?» — Какъ видишь, только дайше мнѣ пушку и зарядовъ. — «Чего, брашецъ!» продолжалъ онъ: «у меня вся рота разбила; Горянова взяли въ плѣнъ, Шлиппенбаху и Брайко опбили ноги (*) . . . . » Подполковникъ подѣхалъ тогда къ Графу Осперману, и спалъ докладывать ему, что на его батарею много убилихъ канонеровъ, и естъ поврежденныя пушки, копоры не могушь дѣйствовать. «Какъ прикажете, Ваше Сіапельство?» — Графъ, нюхая табакъ, отвѣчалъ опривиспо: *Стрѣлять изъ тѣхъ, какія остались.* — Съ другой спороны кпо-шо докладывалъ Графу, что въ пѣхотѣ много бьютъ ядрами людей, не прикажутъ-ли оподвинушься? — «*Стоять и умирать!*» отвѣчалъ Графъ рѣшишельно. Еще пренцій Адьюшантъ подѣхалъ и хопѣлъ Графу что-шо говорить, какъ вдругъ ядро опорвало у него руку и пролетѣло мимо Графа. Офицеръ сваллся на лошадь, копорая замаясь. «*Возьмите его!*» сказалъ Графъ, и повернулъ свою лошадь. Такое непоколеби-

---

(*) Три ропные офицера.

мое присущствіе духа въ начальникѣ , въ
по время какъ всѣхъ бьютъ вокругъ него,
было истинно по характеру Рускаго , о-
жеспоченнаго бѣдствіемъ опечесства. Смо-
тря на него , всѣ скрѣпились сердцемъ и
разѣхались по мѣстамъ, умирашь.

Я опыскалъ зарядный ящикъ , привезъ
его къ своей пушкѣ, и опяшь принялся за
работу. Въ помощь мнѣ прислали съ од-
нимъ Прапорщикомъ два бапарейныя ору-
дія , и мы спали смѣло огрызашься опъ
усиленной непріятельской башарен.

Канонада возобновилась по всей линіи съ
большимъ ожеспоченіемъ. По нашей упор-
ности, Французы , конечно, думали, что
мы подкрѣпляемы были значительными
силами, скрывавшимися за лѣсомъ, передъ
копорымъ спояли войски по обѣимъ спо-
ронамъ дороги. Генералы ихъ, чшобъ луч-
ше высмопрѣшь насъ , выѣхали съ дороги
впередъ, прошивъ лѣваго фланга. Я шощ-
часъ велѣлъ повернуть на нихъ пушку ,
при чемъ аршиллерисшы шакъ удачно на-
вели , чшо ядро ударило прямо въ кучу
генераловъ и рассыпало ихъ ; шогда нѣ-
сколько нашихъ шшабъ-офицеровъ подѣ-
ѣхали къ пушкѣ и похвалили канонеровъ.
Мнѣ пріятно было видѣшь вредъ , нано-
симый непріятелю моими пушками : ко-
нечно , шолько въ одномъ эшомъ случаѣ

позволилъсь радovaťся злу , причиняемоу людямъ , сдѣлавшимся волею или неволею нашими врагами. Я еще навелъ съ усердіемъ, и ошошелъ, чптобы видѣшь удачу прицѣла, какъ вдругъ изъ непріятельской пушки, среди густаго дыма, показалось прошивъ меня ядро , въ видѣ черной почки. Это былъ ударъ омертви, но внушительнее чувство спасенія или испинкптъ толкнулъ меня опять къ пушкѣ ; однако я упалъ: ядро меня сшибло. Солдаты подбѣжали и, положивъ меня на ружья, ошнесли за линію. Я думалъ, чпто мнѣ оторвало ноги, и не смѣлъ взглянуть на нихъ. Едва мои носильщнки вошли въ лѣсъ , какъ вдругъ открылась по линіи еще разъ ужасная ружейная сшрѣльба прошивъ непріятельской кавалеріи ; несшіе меня солдаты, полагая видѣшь близко Французовъ, оспавили меня въ лѣсу, и сами возвратились на свое мѣсто.

Я чувствовалъ, чпто правая нога у меня была въ спупени разбиша , а на лѣвую могъ спупиншь. Поднявши полсшый сукъ для подпоры себѣ, я, кой-какъ, вышелъ на дорогу. Тупъ увидѣлъ оспрашную сумашоку: пьяные уланы непріятельскіе провалились по дорогѣ даже до обоза нашего, и надѣлавъ шамъ куперьмы , сами большею часптію оспались жершвоку своей дерзостн,

не найдеть себя выхода. Мнѣ вспрѣшнл-
 ся ползущій и раненый въ ногу спарый
 фейерверкеръ Осиповъ, копорый, увидѣвъ
 меня чужь передвигающагося изъ лѣса,
 воскричалъ почти со слезами : « Ахъ! Ваше
 Благородіе ! вы еще живы ; а у насъ про-
 клятые Радзивиловскіе уланы всѣхъ по-
 рубили ! » Отъ этого добраго солдаша
 узналъ я, какъ пьяные уланы впорично
 перелешѣли черезъ карпечъ нашей баша-
 реи, ворвались и рубили безъ разбора все,
 что попадалось : людей, лошадей, колеса,
 лафеты, даже царапали саблями пушки.
 « Они — говорилъ эшошь солдашь — шакъ
 безъ шолку махали, что фейерверкеръ Мак-
 симовъ сшибъ одного съ лошади приборь-
 никомъ, ударивъ его по запылку. » Кекс-
 голмскій и Перновскій полки впорично
 опбили Французовъ и спасли нашу баша-
 рею. Фейерверкеру моему попала пистолеп-
 ная пуля въ ляшку, въ самую кость. Я,
 опершись на свою дубину, помогъ ему, кой
 какъ, подняшся, и подалъ другой сукъ
 для подпоры ; тогда вмѣспѣ, ковыляя и
 охая, мы дошацились до своего обоза.
 Сраженіе продолжалось. Во время пуши я
 не смѣлъ взглянушь на свою правую но-
 гу, и съ шрудомъ могъ волочинъ ее ; боль
 усиливалась и ломоша распроспранялась
 по всей ногѣ; я весь горѣлъ, какъ въ огнѣ.

Въ обозѣ случился нашъ бригадный казначей ; онъ совѣщовалъ мнѣ скорѣе садиться на артиллерійскія дроги, кошорыя везуть раненаго Тушолмина, Дивизионнаго Адъютанта. У этого несчастнаго была опорвана правая рука выше локтя. Взмошпившись на дроги, я рѣшился взглянуть на свою ногу, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что только задняя часть сапога у пятки была разбита, и прогорѣла, какъ опъ огни : ядро лепѣло ошорвашъ мнѣ ноги, но внутренній инстинкъ спасъ меня и ударъ коснулся только пятки правой ноги, прорвавши весь сапогъ. Ударъ былъ очень силенъ; я не могъ пошевелить ногою и держалъ ее согнувши. Тушолминъ, безъ руки, шяжеле меня раненый, лежалъ какъ полумертвый. Казначей рассказывалъ мнѣ, что Шлиппенбахъ и Брайко ранены въ ноги гранатными черепками, а старшій Поручикъ Горяиновъ взятъ въ плѣнъ.

Наша рота въ этомъ сраженіи поперѣла значительный уронъ: канонеровъ было перебито человекъ до 60., и выброшено до 30 лошадей; у чешырехъ пушекъ подбиты лафеты и колеса; одинъ офицеръ взятъ въ плѣнъ и шрое ранено; она выдержала двѣ кавалерійскія атаки и непришельскій перекрестный огонь изъ нѣсколькихъ батарей. Польскіе уланы, сфор-

мированные Княземъ Радзивиломъ, нанесли много вреда намъ; за шо и самъ Князь во время ашаки ранень карпечью въ ногу. — Когда еще до ошкрышя кампаніи мы кваршировали въ Несвижъ, шо Князь часпо бывалъ у насъ, въ лагерь на пракнической спрѣльбѣ, при разбишии городка, или на пирушкахъ у ропныхъ командировъ; даже передъ походомъ мы были у него два раза на великолѣпныхъ балахъ. Кшо - бы подумалъ, чшо обсподшельства сведущъ насъ, сдѣлающъ врагами, и заспавяшъ нанесши другъ другу шакой вредъ?

За эшо сраженіе, по предспавленію Графа Оспермана, Главнокомандующій наградилъ насъ, трехъ раненыхъ офицеровъ, первымъ военнымъ орденомъ Св. Анны 4-й спешени на шпагу, а командира роты шо-го-же ордена 2-й спешени на шею.

Какъ думали, шакъ и случилось. Первое сраженіе вышло горячее и упорное. Графъ Осперманъ-Толстой опразилъ мужеспвенно неприяшелей, и вознаградилъ шѣмъ первую неудачу своего авангарда; къ вечеру онъ опшшупилъ за лѣсь.

Такимъ образомъ случилось, въ первой встрѣчѣ двухъ враждующихъ силъ, гвардейской кавалеріи нашего Императора рубишья съ шакою-же кавалерією Наполе-

она, 4-му Корпусу Русскихъ войскъ спрѣ-
лившись съ плаковымъ-же Корпусомъ Фран-
цузовъ, и Князю Радзивилу съ своими ула-
нами бросаешься на карпечи нашей артил-
леріи, копорая госпила у него въ Несви-
жѣ. Спранная встрѣча!

Дроги, на копорыхъ я лежалъ съ Ту-
шполминимъ, проѣхали мимо колоннъ 3-й
пѣхотной дивизіи, споявшей по споро-
намъ дороги для подкрѣпленія Корпуса
войскъ Графа Оспермана. Изъ одного дома
передъ городомъ выскочилъ слуга и спро-
силъ у меня: « Не прикажеше-ли, оударъ,
вина? » — « Кшо послалъ шебѣ? » — « Ба-
ринъ. » — « Благодари его; нѣкогда намъ
пишь вино шеперь. » — Эшо угощеніе пред-
лагаемо было всѣмъ раненымъ ошъ добраго
дворянина, копорый изъ соспранданія же-
лалъ оказашъ послѣднюю услугу своимъ
соошечественникамъ. Насъ привезли въ
городъ, и положили въ одной комнашѣ, въ
домъ мѣщанина. У Тушполмина опкрылась
горячка. Ввечеру пришли къ намъ городо-
вые хирурги. У меня разрѣзали сапогъ и
скинули его; пашка правой ноги моей ока-
залась вздушою, посинѣвшею и сворочен-
ною на спорону. Она горѣла, какъ въ ог-
нѣ, и прикосновение къ ней причиняло не-
сперпимую боль; однако прохладительный
примочки ушолали воспаление. Насъ обо-

ихъ перевязали. Бѣдный Туполминъ, изнуренный испеченіемъ крови и жизненныхъ соковъ, долженъ былъ приготоовишься къ еспрашной операціи: рука у него, опорванная выше лопля, и перевязка, сдѣланная въ полѣ наскоро, представляли хирургамъ необходимость сравнять кость, подобравъ въ одинъ узелокъ желки, однимъ словомъ—рѣзать. Они обладажили насъ своимъ завсрашнимъ посъщеніемъ, и шѣмъ навели безсонницу.

14 Юля, между шѣмъ какъ Генераль Коновницынъ опражалъ Французовъ на своей позиціи при корчмѣ Песчанкѣ, господа городовые хирурги, по обѣщанію, не замедлили явиться къ намъ — съ инструментами. Тогда показались они мнѣ срашнѣе Французской кавалеріи. Синій фракъ и пудренный парикъ главнѣйшаго Операшора съ длиннымъ носомъ, нѣсколь-ко ночей сряду снились мнѣ ужасными привидѣніями. Хирурги обратились сперва къ Туполмину, ободрили его, обласкали, дали какихъ-то капель, попомъ посадили на спуль, и спали развязывашъ руку. Я съ постели своей усремиль внимашельные взоры на происходящее. Рѣзали обмыли рану, изъ кошорой клочьями висѣло мясо и видѣнъ былъ оспрый кусокъ кости. Операшоръ въ пудрномъ па-

рикѣ вынулъ изъ ящичка кривой ножъ, засучилъ рукава по локоть, попомъ шпихомъ-ко приблизился къ поврежденной рукѣ, схватилъ ее, и шакъ ловко повернулъ ножомъ выше ключевъ, что они мигомъ ошпали. Туполминъ вскрикнулъ и спалъ охашъ; хирурги заговорили, чшобы шумомъ своимъ заглушить его, и съ крочками въ рукахъ бросились ловить жилки изъ свѣжаго мяса руки; они ихъ вышпунули и держали; между шѣмъ пудренный Операторъ спалъ пилишь косиль. Эше причиняло, видно, ужадную боль: Туполминъ вздрагивалъ, споналъ, и, шерпя мученіе, казался изнеможеннымъ до обморока; его часто вспрыскивали холодною водою, и давали ему нюхашъ спиртъ. Оппиливши косиль, они подобрали жилки въ одинъ узелокъ, и зашпунули. опрѣзанное мѣсто натуральною кожею, вопшорая для эшого была оспавлена и ошворочена; попомъ зашили ее шелкомъ, приложили компрессъ, увязали руку биншами — и шѣмъ кончилась операція. Туполминъ легъ въ постель, какъ полумертшый.

Спрашный Операторъ въ пудреномъ парикѣ, съ засученными рукавами, не оспавляя криваго ножа обратился ко мнѣ, и, видно, разоходившись рѣзать, спросилъ: «Ну, какъ у васъ?» Я испугался, и за-

крывая ногу рукою, отвѣчалъ: — У меня хорошо-съ, мнѣ не надобно рѣзать. — «Посмотримъ, покажи!» Я не смѣлъ сопротивляясь: моя скривленная пяпка, раздувшись, была вся синяя и казалась охваченною Анпоновымъ огнемъ. Хирурги въ очкахъ разсматривали ее со вниманіемъ, прикасались къ ней, заговорили между собою по-Лашыни, и пудренный дарикъ былъ въ нерѣшимости, рѣзать-ли ему мою ногу, или нѣтъ. Можешь быть онъ думалъ, что у меня повреждена въ цыпкѣ Ахиллесова жила. Признаюсь, въ такомъ положеніи, почтенный Операторъ, съ кривымъ ножомъ предъ моими глазами, былъ ужаснѣе Наполеона съ Французами. Въ его наморщенномъ челѣ я читалъ себѣ приговоръ жизни или смерти, потому что, по слабости своего здоровья, не надѣялся выдержать операціи. Къ счастью моему, приговоромъ общей Лашыни кривой ножъ былъ опложенъ, и вынулъ маленькій перочинный — однако все не обошлось безъ рѣзанья. Меня повернули навзничъ, схватили крѣпко мою ногу, и по распухшей пяпкѣ вдругъ черкнули ножомъ. Я вскрикнулъ, и вмѣстѣ съ болью почувствовалъ облегченіе: изъ раны пошла густая кровь, кошорая, отъ удара скопившись подъ кожей, своею синешою казалась Анпоновымъ ог-

немъ и шѣмъ привела въ сомнѣніе хирурговъ. Такимъ образомъ нога моя уцѣлѣла, бывши близка къ разлученію съ шѣломъ. Я очень обрадовался, когда меня осматривали не изуродовааннымъ; за то послѣ открылась сильная горячка, какъ необходимое послѣдствіе ранъ, ошъ воспаления крови.

По утру, когда мы отдыхали, пришли къ намъ разные офицеры, знакомые и незнакомые; они рассказывали о дѣйствіи происходившаго сраженія. Всѣ радовались, что наши не уступаютъ Французамъ, и не смотря на великія силы ихъ, храбро отражаютъ нападенія.

Передъ вечеромъ, когда мы съ Тушолминимъ оспались одни, вошелъ къ намъ мѣщанинъ, хозяинъ дома; побрякивая въ рукѣ рублевиками, онъ спросилъ: «Нѣтъ-ли у васъ, господа, серебрца? Я-бы вамъ далъ съ *промытомъ* ассигнаціями, сколько угодно.» — «На что тебѣ?» — «Да вотъ, придутъ господа — отвѣчалъ онъ улыбаясь — чшобъ спасти душу и домишко, надобно чѣмъ нибудь опшланишься.» — «Хорошъ гусь! — сказалъ я. Онъ усмѣхнулся и вышелъ. Въ семьѣ не безъ урода.

15 Іюля войска нашей арміи спояли въ боевомъ порядкѣ на правой сторонѣ р. Лучесны, за городомъ, на опкрытыхъ воз-

вышенихъ ; правый флангъ былъ прикры-
 ваемъ большою массою кавалеріи, а лѣвый
 упирался въ лѣсистыя высоты. По упор-
 ному сопротивленію Рускихъ въ первые
 два дни, Наполеонъ могъ думать безоши-
 бочно , что нашъ Главнокомандующій на-
 мѣренъ шущь соспязашься съ нимъ воин-
 скими паланшамн и счастьемъ ; онъ могъ
 съ удовольствіемъ ожидать шоржеспва, ибо,
 имѣя подъ рукою войска до 190,000, на-
 дѣялся нашихъ 90,000 смять и попопилъ
 въ Двинѣ. Главнокомандующій , казалось ,
 гошовъ былъ на опшважное предпріятіе, въ
 ожиданіи, что армія Князя Баграціона бу-
 дешъ ему содѣйспвовашь и наляжешъ на
 Французовъ съ пылу , въ то время какъ
 завяжешся дѣло, и еще въ помъ соображе-
 ніи , что войски , неперпѣливо желая сра-
 зитшья, уже показали въ первые два дни
 опытъ своего ожеспоченія и храбрости.
 Но вдругъ получено извѣспіе , что Князь
 Баграціонъ нашель Могилевъ занятымъ
 Французами, и не будучи въ соспояніи о-
 владѣть имъ, обратился чрезъ Старый
 Быховъ къ Рогачеву , чшобы шамъ, пере-
 правившись черезъ Днѣпръ окольною доро-
 гою, соединитшья съ первою арміею, хопя
 въ Смоленскѣ. Сполъ важное извѣспіе про-
 извело шопчасъ всеобщее движеніе въ на-
 шей арміи. Среди дня войски начали снн-

маться съ лагеря и проходишь черезъ городъ. Французы, удаленные за пять верстъ отъ главныхъ силъ нашихъ, не могли замѣнить этого движенія, а если и замѣнили, то конечно приняли за обыкновенную переспановку войскъ для генеральнаго сраженія, и не ожидали чшобъ мы, показавши грозный видъ, опсшупили.

Въ эпошъ день мы съ Туполмнымъ пролежали спокойно; намъ было легче, только діеша привела насъ въ ослабленіе; приносимую намъ деньщиками Спаршанскую похлебку мы не могли ѣспъ съ аппешпомъ. У меня горячка начинала разыгрываться, но я могъ сидѣть у окна и смосрѣть на мимо проходящія войски; спухъ и шумъ отъ реширующихся продолжался день и ночь; только на разсвѣтъ слѣдующаго дня, мы съ Туполмнымъ могли уснуть немного.

Наполеонъ, конечно, удивился, и вмѣстѣ съ шѣмъ прогнѣвался, когда по упру 16 Юля, не только Большой арміи нашей, но даже ни одного Казака не увидѣлъ предъ собою; пухъ для него былъ опкрытъ до города, и въ пустомъ городѣ — опкрытыя вороша. Только шяжело раненые и убишыя вспрѣчались его побѣдоносному войску, подходившему къ городу съ шріумфомъ. Въ продолженіе ночи, арріергардъ нашъ

умѣлъ искусно уйдши изъ виду непріятелей ; Рускіе показали шупъ , что они научились также масперски опспупать , гдѣ эшо нужно , какъ и наспупать .

По ушпру въ городъ была опмѣнная пшшина ; ни въ домѣ нашемъ , ни на улицѣ не слышно никакого шума . Опъ скуки я поднялся съ поспели , и , какъ день былъ ясный , шо , прошащившись , сѣлъ у опкрышаго окна : мнѣ въ голову не приходило , чтобы войски наши совершенно опспавили городъ и Французы шли къ нему безпрепятспвенно . Вижу — проскакало нѣсколко Казаковъ ; попомъ какой-шо гражданскій чиновникъ , верхомъ , замѣпивъ мое блѣдное , взнеможенное лицо , подѣхалъ къ окну и спросилъ шоропливо : « Кто шупъ ? » — Раненые , опвѣчалъ я . — « Какъ ! васъ еще не убрали ? . . . » и скрылся . Чрезъ пшль минушъ явился онъ съ двумя креспьянскими шѣлежками , и велѣлъ намъ , какъ можно поспѣшнѣ садиться и ѣхать , попому что Французы уже у засшавы города . — « Право ? а наши гдѣ ? » спросилъ я . — « Садитесь , садитесь . . . . » и ускакалъ .

Съ помощію креспьянъ - погонщиковъ (деньщики наши спаслись заблаговременно) мы вышли и сѣли , каждый на свою шѣлежку , запряженную парою лошадей . На улицѣ не видно было ни души — повсюду

шаншпвенная , ужасная шишина , преры-
ваемая шолько спономъ раненыхъ , копо-
рые въ разномъ положеніи валялись на мо-
шповой ; между эшими несчастными замъ-
шилъ я наиболѣе сврыхъ Сумскихъ гуса-
ровъ и Егерей.

Здѣсь я распался съ Туполминимъ , и
не знаю спасся-ли онъ , будучи не въ со-
спояніи скоро вхашъ опъ чрезмѣрной боли
въ рукъ , причиняемой шряскою шѣлж-
кою ; но мой мужичекъ погналъ своихъ кля-
чей рысцою прямо за городъ , куда пошли
войски. Тамъ я увидѣлъ Казаковъ , и да-
лѣе велѣлъ вхашъ шише , пошому что и
мнѣ было весьма дурно опъ насильшвен-
наго движенія. Опъвхавши верспъ 12 по
дорогъ къ Порѣчью , я увидѣлъ войски , рас-
положенныя въ боевомъ порядкѣ на бива-
кахъ , и шупъ-же нашелъ свою ропу. Ме-
ня почипали пропащимъ , и удивлялись
спасенію , копорое , шочно , было счастли-
во : не вспанъ и съ поспели къ окну , шо
дождался-бы Французовъ.

Меня извѣстили о продолженіи репира-
ды всей Первой арміи къ Смоленску , для
соединенія шамъ со Второю. Нашъ 4-й
Корпусъ съ 2-мъ сосшавляли лѣвую ко-
лонну. — Между шѣмъ аршиллерійскую
ропу , въ копорой я служилъ , распроен-
ную въ сраженіи подъ Оспровно , пополнилъ

людьми, лошадьми и зарядами, но не офицерами. После Подполковника М*** осматривался только один казначей съ братомъ, да я больной; Шшабсъ-Капитанъ Фигнеръ находился гдѣ-то въ командировкѣ; Шлиппенбахъ и Брайко были отправлены съ подвижнымъ госпиталемъ.

17-го Іюля пришли мы къ гор. Поръчью. Войска расположились на долину передъ городомъ; для ночлега построили биваки, между копорыми скоро задымились утѣшительные огоньки. Погода была сырая и ночь холодная. Горячка обнаружилась во мнѣ сильнѣйшимъ образомъ, и я пересѣлъ въ коляску убишаго Полковника Кошлярова, копорая осматривалась въ ропномъ обозѣ.

Успрашенные жители Поръчьи, съ семействами, въ слезахъ и опчаяніи, въ виду нашемъ разбѣгались изъ города въ лѣсъ, на разныя спороны; дома ихъ наполнились войсками, копорыя распаскивали все на биваки, и только нѣсколько строеній осматривались неприкосновенными, гдѣ спановились Генералы и полковые командиры съ своимъ штабомъ. Тутъ сошлись при пѣходинѣ Корпуса: 2-й, 3-й, 4-й, и пошому всѣмъ было очень пѣсно.

Картина разрушенія и человѣческихъ бѣдствій, въ моемъ положеніи представляла.

Часть I.

лась ужасною : мы коснулись опечислен-
ной обопишенности ; окружающіе предме-
ты, въ болѣзненномъ состояніи моемъ, при-
водили меня въ глубокое уныніе ; мрачныя
мысли кружили голову ; я бредилъ о пре-
дательствѣ , объ измѣнникахъ , о отпра-
номъ Наполеонѣ , котораго дѣйствительно
въ умѣ, распаленномъ горячкою, предста-
вался какимъ-то сверхъестественнымъ
существомъ подъ повривельствомъ ад-
скихъ силъ. Мы мерещились красные Гу-
сары въ медвѣжьихъ шапкахъ , скачущіе
прямо на меня съ обнаженными саблями ;
мерещились шочи и загорѣлые Итальян-
скіе еспрылки, пробирающіеся, какъ гienы,
между кучами, и цѣлящіе въ меня смер-
тоноснымъ оружіемъ . . . . Такъ всѣ пред-
меты прошедшихъ ужасовъ представля-
лись теперь гораздо живѣе ; я закрывался
руками, чяобы не видѣть этихъ призра-
ковъ, и съ содроганіемъ воображалъ гибель
Россіи. Въ жару горячки, я нѣсколько
дней не могъ дѣлать никакихъ наблюдений.

20-го Іюля, всѣ Корпусы подошли къ Смо-
лелюку, съ правой стороны Днѣпра, и рас-
положились въ боевомъ порядкѣ, на возвы-
шенной равнинѣ въ виду города, лицомъ
къ Порѣчью , предполагая тамъ главныя
силы неприятелей.

Разсказахъ велико было отправилъ въ

Духовщину; хотѣли и меня разлучить съ ротною, но я спрашился опдаиъся въ незнакомыя руки и сказалъ, что мнѣ легче, надѣясь опъ ротнаго фельдшера болѣе удачи въ пользованіи, нежели опъ походнаго лекаря, заняшаго сошнями больныхъ въ подвижномъ госпиталѣ. Въ своей ротѣ я былъ какъ у родныхъ; каждый солдатъ принималъ участіе въ моемъ положеніи, пакъ-же какъ и оставшіеся офицеры; всѣ оказывали мнѣ возможное пособіе. До сего времени ѣхалъ я въ коляскѣ, вмѣстѣ съ обозомъ, но пошдмъ, какъ шумъ и снукъ артиллеріи меня безпокоили, я пересѣлъ въ шѣлежку, и, взявши одного потонника, поѣхалъ особо. Пользуясь благопріятною погодою, останавливался я подъ шѣнію рощицы, у свѣзлаго ручейка, въ споронѣ опъ дороги, валялся на мягкой зелени, цѣлалъ около себя цвѣты, и на нѣсколько минутокъ забывалъ о своей болѣзни; между шѣмъ потонникъ мой, пуспивши лошадей на праву, варилъ кашницу и жарилъ грибы; я любовался огонькомъ и суельливоспію своего повара-самоучки. Такимъ образомъ, не принимая никакихъ лекарствъ, и пользуясь одною перевязкою раны, я опалъ чувствовалъ облегченіе; можетъ быть чиспота воздуха, діета, сама натура моя, и нѣсколько дней опдохновенія послужили къ

укрепленію горячки. Я прїѣхалъ къ Смоленску 22-го Іюля, съ значительнымъ облегченіемъ отъ болѣзни, но будучи слабъ, все еще жилъ въ обозѣ, копорый стоялъ позади войскъ, надъ Днѣпромъ, прошивъ города. Впередѣ, вершины за двѣ, видны были биваки, отъ копорыхъ доходилъ ко мнѣ только гулъ, а за Днѣпромъ представлялся городъ съ зашпоглавыми церквами и съ бѣлокаменными палапами, окруженный древнею опѣною, какъ въ Косморамѣ. По дорогѣ, между городомъ и войскомъ, была безпрерывная дѣятельность; поминутно взадъ и впередъ ходили обозы и команды. Въ хорошую погоду я выходилъ изъ повозки на копыльцѣхъ и садился на разостланномъ коврѣ; отсюда любовался окрестностями, кирпичною воинскаго снама, и видомъ города; читалъ книги и составлялъ свои походныя Записки. Такимъ образомъ я прожилъ около шести дней. Отдохновение на чистомъ воздухѣ, свобода и спокойствіе были для меня цѣлительныѣ всякихъ миксчуръ въ госпитальной атмосферѣ. День отъ дня спановилось мнѣ лучше, и моя рана заживлялась.

Слухи были, что Апшаманъ Плашовъ съ Казаками переправился ниже города, для присоединенія къ первой арміи и прикрытія ея лѣваго фланга. Вскорѣ за симъ у-

зналъ я, что и вся Вшорая армія подошла къ Смоленску съ лѣвой стороны Днѣпра. Тогда у насъ радость была всеобщая, по-тому болѣе, что армію Князя Баграціона почишали мы, по незнанію, противною. Рускіе снова ободрились; собранными силами нашего православнаго воинства внушали каждому солдату пріятную увѣренность, что опятъ снѣтъ Смоленска: победа будетъ въ нашихъ рукахъ, вмѣстѣ съ шѣмъ предѣлъ стремленію завоевателей и нашей безконечной репирадѣ. Одно имя Генерала Баграціона, извѣснаго храбростію, подкрѣпляло надежду въ войскахъ. Я самъ, соглашаясь съ общимъ ожиданіемъ, спольно былъ въ шомъ увѣренъ, что въ письмѣ къ ошцу своему, жившему въ Ярославской губерніи, писалъ между прочимъ: «Войски «наши ошспунили къ Смоленску; можете «быть пойдуть и далѣе; но—*Богъ—рати* *Оте* съ нами, и мы—будемъ въ Парижѣ!»— При шогдашнихъ обшповиельстввахъ, имя Баграціона для Рускихъ заключало въ себѣ какое-шо шайнслвенное знаменованіе прошивъ апокалипсическаго имени Наполеона, какъ добраго гевія прошивъ демона.

Послѣ репирады, почти два мѣсяца продолжавшейся, войски нуждались въ ошдохновеніи и подкрѣпленіи свѣжимъ продовольствіемъ. Слухи носились, что непріятель-

свая армія имѣла во всемъ недоснашокъ и была изнурена отъ безпрерывныхъ маршей по опустошенной странѣ. Такія извѣстія насъ радовали. Говорили, что въ арміи Наполеона ропотъ: будущее войска его не кончатъ наши дѣла — въ справу Смедовъ. Но по надменности и кичливому духу пѣвчыхъ Французовъ, не лзя было въ помъ удооповѣряться. Они все не унывали, и говорили, что скоро всѣхъ насъ постигнетъ равная имъ участь — сколько они были утрачены въ непобѣдимости Наполеона.

Сосредоточенное опсштупление нашихъ двухъ армій отъ границъ Имперіи до Смоленска, позволило непріятелю, почти безъ боя, овладѣть пространствомъ земли на 300 верстъ пуши. Губерніи Виленская, Гродненская, Минская, Курляндія, часть Вло-русскія и Смоленской губерніи были заняты войсками Наполеона. Первая армія прошла безъ усилія около 550 верстъ почти въ 30 дней, за исключеніемъ отдыха въ Двинскомъ лагерѣ; но Вторая армія принуждена была усильно пройти отъ Гродно до Могилева пространство 650 верстъ въ 18 дней, что есть болѣе 35 верстъ въ сухки. Какъ-бы ни крепились духомъ Рускіе, но физическія силы, отъ непрерывнаго напряженія, приходили въ ослабленіе;

шрудный путь по пескамъ и болопамъ , гдѣ проходила Впорая армія , могъ изнурить солдатъ и предасть въ руки непріателя не малое число успалыхъ , копорыхъ не успѣвали подбирать . Россія всегда будетъ признашельна къ воинскимъ досшонисшвамъ Кнзя Баграшона , копорый съ особеннымъ благоразуміемъ умѣлъ набѣгнущъ распавленныхъ ему сѣпей , и весьма искусно доваелъ свою армію до Смоленска .

Соединившисъ , двѣ арміи наши соспавляли около 120,000 ; у Наполеона-же опѣ Випебска до Днѣпра находилось до 200,000 войска .

Наполеонъ , приводя въ исполненіе превосходное соображеніе свое , раздѣливъ наши арміи , не достигъ желаемой цѣли ! Какъ самыя лучшія предположенія полководцевъ всегда совершаюшя въ половину , пошому что не въ силахъ умъ человеческій управлать всѣми обстоятельствомами по своему произволу , шо и намѣреніе Наполеона въ раздѣленіи нашихъ армій свершилось въ половину ; неудача его опшосилася къ числу нашихъ Генераловъ сполько-же , сколько удача зависѣла опѣ искусства его военачальниковъ , копорые дѣйствовали вершншельно .

ГЛАВА IV.

ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА.

Движеніе войскъ передъ Смоленскомъ. — Нападеніе Французовъ. — Картина Смоленской битвы. — Отступленіе. — Сраженіе на р. Страгани. — Подвигъ Фиггера. — Движеніе къ Дороговужу. — Переходъ чрезъ Вязму. — Привытіе къ арміи Князя Кутузова. — Отступленіе къ Бородину.

: Владсвие приняшаго на военномъ совѣтѣ нашихъ Генераловъ предположенія: атаковать отдѣльный непріятельскій Корпусъ у Порвчя, соединенныя войски нашихъ армій нашихъ, изъ заняшаго ими лагерь двинулись впередъ, по направленію къ м. Руднѣ.

: Послѣ продолжительной реширады это было первый наступательный шагъ; движеніе само по себѣ малозначащее, но въ военномъ отношеніи довольно важное по своему грозному виду; и этого достаточно было, чтобы оживить надежду Русскихъ вонновъ съ перваго шага, по старой привычкѣ — идти впередъ.

27-го Іюля узнали мы , что Французы, укрѣпившись въ Порѣчьѣ , засѣли въ лѣсахъ позади болотъ , оградилась засѣками и не смѣютъ идти далѣе. Это ободрило солдатъ нашихъ , которые уже начали усмиривать счастливыя послѣдствія отъ рѣширады. Полагая непріятелей въ изнеможеніи, послѣ перенесенныхъ трудовъ и нужды, мы почисляли вѣроятною его мнимую робость. Уже, страшное до сего времени, превосходство силъ Французскихъ казалось теперь незначительнымъ противъ свердоси силъ Рускихъ.

Казалось, Главнокомандующій намѣренъ былъ дѣйствительно атаковать скрывающагося за лѣсами у Порѣчья непріятеля ; но войски спояли три дня на мѣстѣ и скучали бездѣйствіемъ.

Насъ обрадовало пріятное извѣстіе о первомъ ударѣ наступательнаго дѣйствія: говорили, что Ашаманъ Плашовъ, накануне, съ Казаками въ авангардѣ, напалъ на Французовъ при с. Молево - болото , взялъ въ плѣнъ одного Генерала , до 30 офицеровъ, и 500 рядовыхъ. Эта новость принята всеми съ воспоргомъ; никто не сомнѣвался въ вѣроятности, потому что каждый солдатъ принялъ тогда грозный видъ защитника опечесива — каждый былъ героемъ; побѣда казалась обыкновеннымъ дѣ-

ломъ, неудача была-бы почтена извѣрженною, поспыдною. Раздраженное мнѣніе Россіянъ требовало не одной победы — испребленія враговъ..

4-го Августа явился я, полудорожній, къ рошѣ. Еще рана моя не совсемъ зажила; нога была перевязана бинтами, и копыль еще служилъ мнѣ подпорою. Свою рошу нашелъ я расположенною между линиями пѣхоты, въ кустарникѣ; ею командовалъ Шпабсъ-Канишанъ Фигнеръ. Остѣ самыхъ Свенціанъ до сюда я съ нимъ не видался. Прежняго командира рошы, Подполковника М***, перевели въ башарейную рошу на мѣсто убишаго. Полковника Кешлярова, съ назначеніемъ командиромъ бригады. — Здѣсь войски 2-го и 4-го Корпусовъ бивакировали близъ сел. Луци, и находились подъ начальствомъ Генерала остѣ кавалеріи Уварова.

Въ первый разъ я почувствовалъ здѣсь безпокойство бивачной жизни: цыганскіе шалаши изъ хвороспа, кой-какъ сплоченные и покрытые справою, соспавляли временныя жилища наши. Дождевая мокрота и ночной холодъ заспавляли безпреспавно передъ шалашии имѣшь курящіеся коопры; дымъ остѣ сыраго хвороспа, мѣнялъ съ набачнымъ остѣ куряльщикоовъ, выѣдалъ глаза, щеконялъ горло и вынуждалъ слезы

и кашель. Товарищи, развалившись на мокрой соломѣ подъ бурками, забавлялись, кшо во чью гораздъ ; но я не зналъ куда дѣвашься съ ногою; вездѣ было мнѣ не ловко, больно, и, какъ говоришся, не понушру. Тушъ я внимательнѣе спалъ замѣчалъ Фигнера. Онъ любилъ играшь въ боспонтъ, и въ есайду; лицо у него было открытое, иногда веселое, но болѣе задумчивое ; говорилъ онъ скоро и довольно краснорѣчиво. Хотя замѣчаютъ нныя, что женатые офицеры и солдашы, разивъживаясь семейственной жизнью, большею частію пераюшъ мужесшво, но Фигнеръ сохранилъ его имѣ прекрасную жену, оставленную имъ во Псковѣ. Впрочемъ, для него природа, кажешся, не была скупа въ дарахъ своихъ.

2-го Августа войски перепли верспъ 45 впередъ, и расположились на равнинѣ прошивъ Каспийна озера. Яровые хлѣба были въ полной зрѣлости, высокіе, наливные, шаятъ, что выше пояса закрывали солдашъ. Разноцвѣтными полосы хлѣбной зелени на поляхъ прельщали зрѣніе ; жаль было омирѣшъ, какъ все эшо солдашы равнодушно шопшали, спановляъ лагеремъ — и плодм трудолюбія испреблялись.

Между шѣмъ какъ наше войски переходили съ мѣста на мѣсто передъ Поръчьемъ, Наполеонъ пригошовлялъ намъ ударъ

съ пыла. Отрядъ Генерала Невѣровскаго въ гор. Красномъ едва не былъ испребленъ; особенное присущіе духа этого Генерала и мужество солдатъ сохранили честь Русскаго оружія: они пробились черезъ многочисленныхъ непріятелей съ немалою жершвою, но ни одинъ не сдался. Объ этомъ мы узнали не прежде какъ въ ночь съ 3-го на 4-е Августа, когда уже Французы подступили къ Смоленску.

Съ разсвѣшомъ дни 4-го Августа всѣ войски наши двинулись къ городу весьма поспѣшно. Полки перегоняли одинъ другой, спѣша для защиты Смоленска, къ копорому пришли ввечеру, почти бѣгомъ сдѣлавши 30 верствъ, и спали на правомъ берегу Днѣпра. Войски 4-го Корпуса расположились правѣ, ниже предмѣстья. На пуши мы слышали канонаду, и думали, что городъ уже въ рукахъ Франгузовъ. Всѣ съ безпокойствомъ спрашивали встрѣчающихся объ участии Смоленска, шоль важнаго своимъ положеніемъ и славнаго древностию, на копорый Россія всегда опиралась, какъ на инвердыню: Смоленскъ всегда былъ ключемъ къ ея сердцу. Узнали съ удовольствіемъ, что Генераль Раевскій опразилъ Франгузовъ, подступавшихъ къ Королевскому басѣнку. Они думали въ этотъ день шезоименитства Наполеонова взять городъ, и

пѣмъ подарить его; для пуржесства, говорашъ, напились до пьяна и бросились къ крѣпости; но храбрый Генераль, съ частію войскъ запершись въ городъ, уничтожилъ первое покушеніе ошважныхъ. Говорили, что Французы, сбивши Казаковъ и опрядъ Невѣровскаго, успѣли подойти уже къ ворошамъ городскимъ, и были задержаны шолько семью спами хлѣбопековъ, подъ начальствомъ одного храбраго Маіора, доколь не подоспѣлъ Генераль Раевскій съ своимъ Корпусомъ. Впрочемъ, вреда городу еще никакого не было сдѣлано; шолько лучшіе жишелы выѣхали.

5-е Августа, день роковой для города, и кровопролитный для враждующихъ войскъ! Еще до свѣта, 6-й Корпусъ Генерала Дожурова и 3-я дивизія Генерала Коновницына, смѣнивши Корпусъ Раевского, заняли городъ, наружные посты и всѣ укрѣпленія. Прочіе корпусы Первой арміи спояли на правой сторонѣ рѣки, за Днѣпровскимъ предмѣстьемъ; Вшорая армія спояла по Дорогобужской дорогѣ, въ 8-ми верспахъ отъ Смоленска. — Намъ предспояло двѣ крайности: или выдержалъ генеральное сраженіе, или репировалъ; первого, по неудобности мѣстоположенія, невозможно было сдѣлать не подвергаясь великой опасости въ случаѣ неудачи, а на вшорое

пустишься было-бы не ловко. И такъ , мы рѣшились на то и другое : защищать городъ , и ретиrowаться .

Наполеонъ обложилъ Смоленскъ сперва со стороны Малаховскихъ востовъ . Съ 4-хъ часовъ утра началась шумъ перестрѣлки , которая продолжалась до полудня съ равномернымъ усиленіемъ съ обѣихъ сторонъ . Наполеонъ , казалось , выжидалъ отъ насъ наступательнаго дѣйствія на своей правой флангъ , который былъ нарочно открытъ ; ему весьма желательно было выманить наши войски за Днѣпръ , чтобы послѣ наступить на нихъ ; однако , замѣтивъ осторожность нашего Главнокомандующаго , который ограничивался только защитою города , онъ съ полудня началъ дѣлать рѣшительное нападеніе . Тогда , противъ правой стороны и середины города , открылась ужасная канонада . Маршалъ Ней спалъ тишиной справа , а Даву приступилъ къ Мстиславскому предмѣстью . Окрестности Смоленска , по лѣвую сторону Днѣпра покрыты кустарникомъ и пересѣкаемыя оврагами , весьма способствовали неприятельскимъ стрѣлкамъ . Мы съ праваго берега видѣли , какъ они , перебѣгая изъ куста въ кустъ , пускали гибельный дымокъ . Уже Французы близко подступали къ городу по Красенской дорогѣ . Канонада продол-

жалась ужасная; наша артиллерія, въ глазахъ передъ нами, взрывала непріяшельскіе зарядные ящики, и смѣшивала его колонны; наши спрыжки непрерывнымъ огнемъ вскрѣчали Французовъ, но они лѣзли, какъ бышенье. Скоро и съ лѣвой стороны города показали ихъ спрыжки, а потомъ и колонны; за ними выскочила конная бапаря, и, выспрившись близъ рѣки, спала бышь по мостамъ, чѣобы прервать сообщеніе города съ нашимъ берегомъ. У насъ пошчасъ была выспавлена бапаря, копоря ошибчала непріятельской съ равнымъ упорствомъ: канонада громила съ обѣихъ споронъ убійственна.

Къ вечеру сраженіе усилилось до опчашнаго боя, и ужасы его были неизяснимы! Нѣсколько сотъ ядеръ и гранатъ свистѣли и лопались одни за другими, воздухъ вокругъ города помрачался опъ дыма, земля спонала, и, казалось, изъ упробы своей извергала адское пламя — смернь не успѣвала глонашъ свои жершвы. Громъ, шрескъ, пламя, дымъ, спонъ, крикъ, все вмѣстѣ предспавляло ужасный хаосъ разрушенія міра.

Въ 6 часовъ вечера Французы овладѣли всѣми предмѣспіями города по шу спорону рѣки; полько осшавалось у насъ одно Днѣпровское на правомъ берегу. Гранашы

непріятельскія зажигали внутри города отпроеія, и предъ нами явилась новая картина ужасовъ: битва среди пожара. Какую швердоспъ духа имѣли тогда Рускіе, оспавленные для защиты пылающаго Смоленска! Ядра, пули, обломки камней, падающія съ огнемъ бревна, все несло на нихъ смерть и разрушеніе. Но примѣромъ мужества командующихъ въ городъ, Генераловъ Докшурова, Принца Евгенія, и Кововницына, Россіане были шверды: они умирали среди пламени въ развалинахъ города, презирая всъ ужасы. Рускіе не измѣнили чести своего оружія; они не впустили въ стѣны города непріятелей до самой полуночи, и не иначе оспавили развалины его, какъ повинувась воля Главнокомандующаго.

Съ другой стороны предспавилось намъ прогашельное зрѣлище. Несчастные жители, бѣдные граждане, спарцы и жены, въ слезахъ, съ опчаяннымъ воплемъ выбѣгали изъ города черезъ мостъ и, поднимая руки къ небу, взывали гореспно: «Гдѣ Ты, Наша Машушка! Чудотворная Икона!» Эша икона Смоленской Божіей Матери за-благовременно была вывезена изъ города; въ продолженіе репиреды къ Москвѣ ее везли въ общемъ паркѣ аршиллеріи, на занасномъ лафелѣ башарейной рошы Полков-

ника Воейкова. — Не мало жителей погибло въ городъ и на мосту. Это бѣдствіе казалось имъ свѣшопресшавленіемъ , а Наполеонъ сущимъ Антихристомъ, съ воинствомъ дьяволовъ.

Съ берега Днѣпра смошрѣли мы на пылающій городъ, и невольный препенъ сердца показалъ намъ, яшо мы еще слабы числомъ прошивъ сильнаго завоешателя. Въ 9 часовъ вечера спрѣльба ушшла — Рускіе удержались въ городъ.

Въ Смоленской бишвѣ наши войски показали примѣръ опчаяннаго сопрошивленія. Можелъ бышъ, здѣсь они въ сосшояніи были-бы ошановишъ спремленіе непріятеля, если-бъ бой продолжился, ибо въ цѣлый день, при всемъ усилии, Французы не могли овладѣль городомъ. Въ арміи носилель слухи, что, по окончаніи эпои кровопролишной бишвы, спаршіе Генералы Рускіе упрашивали Главнокомандующаго , чтошбы еще, хошя на одинъ день, замедлилъ сдачею города, предспавля въ уваженіе ему разспройшво непріятеля ; они ручались за успѣхъ швердосшю Русскихъ солдатъ , гошповыхъ до послѣдняго погибнушъ въ развалинахъ Смоленска, или испребленіемъ непріятеля спасши опечешво. Но Главнокомандующій имѣль болѣе причинъ поступишъ иначе ; онъ приказалъ решировашьяся.

Въ полвочь Генераль Дохшуровъ началъ переходить съ ошпашками храбраго войска, защищниками Смоленска, черезъ мостъ, шакъ что Французы не могли шого замѣ-
пишь. Въ городъ былъ ошпавленъ шогда
Генераль Корфъ съ кавалерією, для прикры-
шїя ошспупленїя.

6-го Августа мы перемѣняли часшо по-
зиціи по дорогѣ къ Порѣчью, какъ будшо
въ ожиданїи генеральнаго сраженїя. Фран-
цузскїя колонны показались было на на-
шей споронѣ изъ-за Днѣпра, но были про-
гнаны дивизією Генерала Коновницына.
Мы видѣли съ какимъ шоржеспвомъ Фран-
цузы вшупали въ развалины ошпавленна-
го имъ города: музыка и барабанный бой
сопровождали парадъ ихъ. Главнoкоман-
дующїй нашъ, подѣхавъ къ одному аршил-
лерійскому офицеру, шоявшему съ пуш-
ками прошивъ города, сказалъ: « Поздравь-
ше ихъ хорошенько!» Офицеръ навелъ
пушки на шощъ домъ, гдѣ, полагали, о-
шпановился Наполеонъ, и пушилъ въ него
два брандсугедя. Пожаръ продолжался
въ городъ, и его зарево, среди пасмурнаго
дня, освѣщало печаль на лицахъ Русскихъ
солдашъ.

Бишва одного дня подъ Смоленскомъ бы-
ла несравненно кровопролишнѣе шрехъ дней
сраженїя подъ Вишебскомъ. Войски обвїхъ

враждующихъ силъ дрались упорно, жестоко, опчаянно. Чесць сраженія принадлежала особенно Генералу Дохшурову, который съ 30,000 Рускихъ могъ удержаться противъ 72,000 осаждавшихъ его Французовъ.

Въ ночь на 7-е Августа войски Первой арміи двинулись опть Смоленска двумя колоннами: лѣвая, состоявшая изъ 5-го и 6-го Корпусовъ пѣхоты съ двумя кавалерійскими, пошла чрезъ сел. Прудиче, безопасною дорогою, а правая, состоявшая изъ Корпусовъ 2-го, 3-го, 4-го, съ арріергардомъ Генерала Корфа, долженствовала слѣдовать гористыми мѣстами, чрезъ с. Крахопкино и Жабино къ Бредихину, для доспуженія большой дороги, которую прикрывалъ передъ дер. Лубиной отрядъ Генерала Тучкова 3-го.

Мы съ правою колонною пронужились опть Смоленска въ 9 часовъ вечера 6-го Августа, и во всю ночь на 7-е число шли чрезъ горы и овраги, покрытые кустарникомъ. Ночь была темная, сырая. Передъ разсвѣтомъ сонъ ошягопилъ глаза мои; я сълъ на лафетъ, и прислонясь головою къ передку, сладко задремалъ. Въ то время, какъ пушка моя спускалась съ одной крутизны, случился шумъ Англійскій Лордъ Вильсонъ; канонеры поддерживали меня, что-

бы я сонный не упалъ съ лавсета, но увидѣвши Генерала, спали будишь; почтенный Лордъ замѣшилъ эпо, и любуясь по печеніемъ канонеровъ о своемъ офицерѣ, далъ имъ знакъ рукою, чшобъ оставили меня въ покоѣ. Когда я пробудился, то они рассказали о добромъ *красномъ* Генералѣ, о которомъ узналъ я послѣ, что эпо былъ Англичанинъ, находившійся при Главнокомандующемъ, уполномоченный опъ своего Посланика бышь свидѣтелемъ происшествій.

На разсвѣтѣ дня 7-го Августа мы подходили къ большой дорогѣ, гдѣ ожидалъ насъ опрядъ Генерала Тучкова, и слышали позади себя канонаду. 2-го Корпуса дивизія Принца Виртембергскаго опнимала у Французовъ деревню Горбунову, копорую они заняли, и шѣмъ опрѣзали арриергардъ Генерала Корѣа. Послѣ этого Французы сворошили на большую дорогу и насшупательно приближались къ опряду Генерала Тучкова, копорый занялъ позицію между деревнями Топоровщиной и Латышиной, на рѣчкѣ Сшрагани. Непрiятели завязали дѣло съ этимъ опрядомъ, прежде нежели 2-й Корпусъ нашъ, задержанный въ Горбуновой, успѣлъ выйдши на большую дорогу. Мы съ 4-мъ Корпусомъ, будучи впереди 2-го, уже прошли деревню Лубину, какъ насъ опяшь

вернули назадъ, для подкрѣпленія опрѣда Генерала Тучкова, кошораго Французы шакъ сильно пѣснили, что онъ принужденъ былъ опшунить за рѣчку Спрагань.

Въ 3 часа по полудни сраженіе усилилось. По всей линіи, черезъ кустарникъ, производилась ужасная стрѣльба; дымъ опъ ружейныхъ выстрѣловъ, выходявшій непрерывно, предспавлялъ весь кустарникъ горящимъ. Нѣсколько часовъ Французы шщепно спарались сбить цештръ нашъ; смертоносный свинець повергалъ много жерпвъ; стрѣлки почти не видали другъ друга, и смерть невидимо похищала храбрыхъ. Наступапельныя колонны непріятельскія испреблялись карпечью нашихъ башарей и шпыками гренадеровъ. Между шѣмъ, прошивъ лѣваго фланга у насъ, на горѣ показался Французскій Корпусъ Генерала Жюно съ многочисленною кавалерією; прошивъ него шопчасъ былъ выспавленъ 4-й Корпусъ пѣхошны.

Шпабсъ-Капшнанъ Фигнеръ, будучи командиромъ 3-й легкой роты аршиллеріи, еще находился въ резервѣ, когда полки нашего Корпуса пошли влѣво, на гору; однако предузнавая скорое участіе въ сраженіи, велѣлъ раздать канонерамъ имѣвшуюся въ запасъ винную порцію. Эшопъ способъ

поддерживашь храбросшь въ солдатахъ онъ перенялъ у Французовъ, у копорыхъ, когда они попадались намъ въ плѣнъ, мы находили въ манеркахъ за ранцами, вмѣсто воды, ромъ или водку. Фигнеръ, приговоря канонеровъ къ дѣйствию, предсказывалъ имъ удачу сраженія, по своимъ замѣчаніямъ надъ дымомъ непріятельскихъ выстрѣловъ: или онъ шарался поддерживать суевѣріе солдатъ, или самъ былъ суевѣренъ. Послѣ того Фигнеръ поѣхалъ впередъ, изъ обыкновеннаго любопытства посмотреть на сраженіе, но скоро возвратился, и всѣмъ канонерамъ велѣлъ садиться на лафеты и ящики, кшо какъ успѣлъ. Вопль мы поскакали на лѣвый флангъ, черезъ болошо, которое быспрошу нашу держало. Проѣхавши шопкое мѣсто, пушки спали поднимающься на крушую гору, гдѣ происходила кавалерійская свалка; мы слышали опшуда страшный гуль, крикъ, и изрѣдка пушечные выстрѣлы: вдругъ, влѣво опъ насъ, посыпались съ горы Казаки; нѣкоторые изъ нихъ возвратились опашь на гору, а шрое спустились, провожая одного Виршембергскаго, шолсшаго шрубача, сбшшаго ими съ лошади. Онъ былъ въ синемъ колелѣ съ красными лацканами, и въ большихъ башфоршахъ, въ копорыхъ идучи пушалоа; бѣдняга, видно, много

спрубилъ, ибо весь былъ въ попу, и очень красенъ, какъ обыкновенно бываетъ послѣ большой работы; но онъ, казалось, гордился тѣмъ, что свое провожали его одного.

Поднявшись на гору, мы увидѣли зрѣлище любопытное. Черновскій полкъ сползалъ въ линію, на вершинѣ горы; къ правому флангу его приспроились наши шестъ пушекъ, а прочія, по недоспапнику мѣсна, оспались всѣ на оплогоспи. Передъ Черновскимъ полкомъ спюяли, за кустарниками, по-эскадронно, синіе, красные, сѣрые и зеленые гусары, съ конными орудіями. Кавалерійская свалка происходила у насъ передъ глазами. Занимашельно было видѣшь, какъ нѣсколько эскадроновъ Французскихъ гусаровъ бросались на нашихъ, какъ наши уходили во весь галопъ, но, подкрѣпленные свѣжими эскадронами, оборачивались и гнали Французовъ: шолько карпечи и нули оспанавливали ихъ спремленіе; наши оборачивались назадъ, и были опяшь преслѣдуемы Французами. Такое дѣйствіе походило болѣе на рыцарскія попѣхи: иные кавалерисшы сваливались съ коней; иной, попавши въ среднну чужихъ, опмахивался саблею; одинъ спрѣлялъ изъ писполеша, другой рубилъ; лошади спалкивались, мялись, и разбѣгались. . . . Правѣ горы, по продолженію ея оплогоспи

проспирался лѣсъ , въ кошоромъ споялъ Князь Гуріаловъ съ Полоцкимъ пѣхошнымъ полкомъ ; онъ двинулся было впередъ , чшобы изъ лѣса ударить во флангъ непришельской кавалеріи , но , самъ угрожаемый шѣмъ-же , пріосшановился .

Пушки Фигнера спояли безъ дѣйшвіа , пошому чшо надобно было спрѣлать черезъ своихъ . Между шѣмъ я , обозрѣвая общій ходъ сраженія , увидѣлъ справа , подѣ нашею горою , пробирающуюся черезъ кушарникъ Французскую пѣхошу , кошорая сильно шѣснила нашихъ егерей , о чемъ оказалъ Фигнеру , и замѣшилъ опасность , если Французы зайдуть къ намъ въ шылъ . Тогда онъ велѣлъ мнѣ съ шесшью орудіями спуститься внизъ , и выйдши на большую дорогу , а съ оспальными самъ кошѣлъ слѣдовашъ за мною . Болошо подѣ горой меня задержало , кошя я успѣлъ переправить пять пушекъ ; но подѣ шесшою лошади замялись . Спрѣлки изъ кушарника прямо выбѣгали на мои пушки ; Французы за нами , видя близко мою артиллерію , спѣшили ко мнѣ . Ихъ пули спали рѣзко жужжашъ ; шѣснопа мѣша и косогоръ не позволяли мнѣ высшроиться для дѣйшвіа , а пошому я спарался скорѣе выбрашъся на большую дорогу . Трескъ ружейнаго огня съ дымомъ подходилъ все ближе ко мнѣ съ лѣвой спо-

роны ; пули навывлетъ спали пробивашъ канонеровъ, лошадей, и лѣпишься въ лафеты.... Наши егеря, свѣсивъ ружья и нагибаясь, спѣшили укрыться за мои пушки отъ смертоноснаго свинца ; офицеръ ихъ кричалъ : « Куда вы, брашцы ? ворошишесь, пожалуйспа, какъ не спыдно вамъ ! » — Никшо не слушалъ его. Вдругъ на встрѣчу намъ явились Генералы : Главнокомандующій Барклай-де-Толли, при немъ Лордъ Вильсонъ, Графъ Кушайсовъ, Осперманъ, Орловъ, Корфъ и прочіе. Всѣ они кричали бѣгущимъ : « Куда ! спой ! назадъ ! » — и бѣгущіе оспанавливались. Главнокомандующій, подѣхавъ ко мнѣ, спросилъ грозно : « Ты откуда ? » — « Отшуда, » отвѣчалъ я, показывая влѣво на гору — и онъ поѣхалъ далѣе. Вслѣдъ за Генералами шли въ густыхъ колоннахъ лейбъ-гренадеры Графа Аракчеева полка и Екашеринославскіе: рослые молодцы, держа ружья на перевѣсъ, съ блѣдными лицами шли скорымъ шагомъ — на встрѣчу смерти. Съ крикомъ ура ! они бросились въ кусты, и возспановили порядокъ шпыками. Черезъ пять минушъ уже многіе изъ нихъ возвращались окровавленные и полумершвые, на плечахъ своихъ поварищей.... Смотри на эполтъ увядающій цвѣшъ силы Россіянъ, не лзя было не содрогашся.

Наступившій мракъ ночи не могъ положить предѣла битвѣ ожесточенныхъ. Не смотря на упорное сопротивленіе съ нашей стороны, не уважая великой поперности своей, Французы не переспавали драшья до глубокой полуночи. Они пошерали шупъ убишымъ своего дивизионнаго Генерала, но за шо и у насъ взяли въ плѣнь самого опряднаго командира, Генерала Тучкова, опъ чего и спрѣлки побѣжали. Генераль Коновницынъ съ своими гренадерами поправиль дѣло, и удержался на мѣспѣ.

Шшабсъ-Капитанъ Фигнеръ съ шесшыю пушками, послѣ меня все еще оспавался при Перновскомъ полку, на горѣ лѣваго фланга; шолько личное его мужеспво могло спасши завязшую въ болошѣ мою пушку, и явило намъ первый опышъ его удалсшва. Увидѣвши съ горы, что Французы погнаши изъ кустарника спрѣлковъ нашихъ, и, приближаясь къ моеѣ аршиллеріи, могли взять завязшую пушку, онъ съхалъ внизъ, вооруженный саблею и писполопомъ. Мужеспвеннымъ голосомъ Фигнеръ вмигъ оспановиль и собралъ человѣкъ пшнадцашъ бѣгушхъ солдатъ, съ копорыми пришанлся за кустарникомъ. Когда Французы шолною шли впередъ, повпорья безпреспанно : avance ! avance ! и приблизилсь къ его засадѣ, онъ велѣлъ своимъ уда-

ришь залпъ , попомъ въ шпыки , а самъ съ обнаженною саблею и пистолетомъ бросился на офицера, кошорый велъ шолпу, и кошораго онъ, схвативши за грудь, грозилъ убиць. Эшопъ сюрпризь ошпановилъ авасеровъ ; офицеръ спардонился , а шассёры его показали запылки. Фигнеръ , паща за шиворотъ кавалера почешнаго легіона, вспрѣшилъ съ Главнoкомандующимъ , кошорый, узнавъ о подвигѣ, шущъ-же поздравилъ нашего героя Капишаномъ. Мы весьма радовались эшому случаю, и поздравляли Фигнера; но онъ съ шого времени спалъ необыкновенно задумчивъ и разсѣянъ , не хощѣлъ ничѣмъ занимашся въ рощѣ, и всѣ заботы о ней предоспавилъ мнѣ , какъ ешаршему по немъ офицеру.

Пушечная и ружейная спрѣльба послѣдняго дѣла сполько впечатлѣлась въ мою голову , а бѣжавшіе спрѣлки и близкая опасность сполько напугали , чшо, признаюсь , въ продолженіе ночи я все еще слышалъ спрѣльбу , кошорой не было , и все еще видѣлъ черномазыхъ , шощихъ спрѣлковъ Французскихъ, преслѣдующихъ нашихъ егерей. Недавно прошедшая горячка , и непрерывное повшореніе военныхъ ужасовъ воспламенили мою голову ; сверхъ шого, прошедши со-вчерашняго вечера опъ Смоленска по весьма дурной дорогѣ, въ ночь,

болѣе 30 верстъ, мы весь день были на ногахъ, въ дѣйствіи, и еще снова пустились на всю ночь рехироваться. Такое напряженіе силъ привело не одного меня въ разслабленіе; люди пащились кой-какъ, а лошади насилу везли.

Послѣ сраженія оспановились мы ночью, часа на два, у Главной кварширы, перешли р. Бровенку, и при д. Лубинной примкнули къ прочимъ войскамъ, съ кошорыми пощнулись далѣе въ рехираду.

8-го Августа перешли Соловьеву переправу на Днѣпръ. Этошъ пунктъ столько былъ важенъ, что если-бы заняпиемъ его Французы насъ предупредили, то надѣлали-бы намъ много хлопощъ. Берега шущъ, низкіе, песчаные, покрышые съ обѣихъ споронъ небольшимъ лѣсомъ, весьма неспособны были для удержанія непріятеля. — Въ 4-хъ верскахъ за переправою оспановились мы для ночлега.

Отсюда Французы не горячо насъ прелѣдовали; послѣднія драки охладили жаръ въ нихъ. Къ шому-же говорили, что Наполеонъ въ Смоленскѣ — призадумался.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня вся артиллерія Первой арміи поднялась общимъ паркомъ по Московской дорогѣ; мы шли по-рошно, гдѣ можно, одинъ другаго перегоняя. Пыль и зной были несносны. Ар-

artilлерія шпинулась въ шесть рядовъ по широкой дорогѣ, кошорую шакъ взмѣсили, что въ нныхъ мѣспахъ по колено шли въ мѣлконспершой землѣ, какъ въ пуху, и колеса капились безъ спука. Всѣмъ паркомъ аршиллеріи командоваль Полковникъ Воейковъ. На нѣсколько верспъ впередъ и назадъ ничего не видно было, кромѣ аршиллеріи и обозовъ, въ густыхъ облакахъ пыли, возносившейся до небесъ. Мы шли, какъ въ шуманъ: солнце казалосъ багровымъ; ни зелени около дороги, ни краски на лафесахъ не лъзя было различить. На солдапахъ съ ногъ до головы, кромѣ сѣрой пыли, ничего инаго не было видно; лица и руки наши были черны ошъ пыли и поща; мы глопали пыль и дышали пылью; шомаясь жаждою ошъ зноя, не находили чѣмъ освѣжиться. Въ шакомъ положеніи случилосъ намъ проходить мимо шолпы плѣнныхъ Французовъ, взяшыхъ въ послѣднемъ сраженіи; они съ удовольспвіемъ смошрѣли на нашу поспѣшную решираду, и насмѣшливо говорили, что мы не уйдемъ ошъ Наполеона, потому что они шеперь сосшавляютъ авангардъ его арміи.

Должно признашся, что послѣ Смоленскихъ битвъ наши солдапы очень приуныли. Пролишая на развалинахъ Смоленска кровь, при всѣхъ усиліяхъ упорной за-

щипы нашей, и опусупленіе по Московско́й дорогѣ въ нѣдра самой Россіи, явно давали чувствовашь каждому наше безсиліе передъ спрашнымъ завоевателемъ. Каждому изъ насъ предспавлялась печальная картина погибающаго опечества. Жипели съ приближеніемъ нашимъ выбѣгали изъ селеній, оспавляя большую часпъ своего имущества на произволъ пріятелей и непріятелей. Позади насъ и по споронамъ, вокругъ, пылающія селенія означали пушь приближающихся Французовъ; Казаки испребляли все, что оспавалось по проходѣ нашихъ войскъ, дабы непріятели всюду находили одно опусупошеніе. Опчаинная Россія перзала тогда сама свою ушробу.

Сдѣлавши переходъ 26 версптъ, мы оспавновились на биваки при селѣ Успвалтъ, не доходя Дорогобужа 8 версптъ.

На другой день артиллерію опашь размѣспили по полкамъ. Двигаясь съ мѣспна на мѣспно, войски два раза перемѣняли позицію; къ вечеру едва успроились, какъ и эша позиція оказалась ненадежною. Мы здѣсь проспояли только до ушра слѣдующаго дня.

44-го Августша непріятель ашакował нашъ арріергардъ, и вся армія вспревожилась. Насъ перевели по другую спорону большой

дороги ближе къ городу , гдѣ войски просполяли до ночи въ позиціи, между шѣмъ какъ арріергардъ дѣйствоваль. Въ полночь на 12-е число, разложивъ на бивакахъ большіе огни, мы опошли 7 верспъ, къ самому Дорогобужу. Здѣсь Главнокомандующій, казалось , намѣренъ былъ ожидать Французовъ для генеральной битвы, ибо войски расположены были въ крѣпчайшей позиціи; для прикрытія пушекъ на бапаряхъ сдѣлали окопы. Нашей ротѣ аршиллеріи доспало мѣсто на краю праваго фланга, въ огородахъ предмѣстія. Городъ на горѣ оспавался у насъ почти въ пылу.

Въ арріергардѣ опличались Казаки незабвеннаго Машвѣя Ивановича ; они непрерывно выдерживали сшибки съ непріятельскою кавалерією, и, по собспвенному ихъ выраженію: несли на плечахъ Французовъ. Мы сошлись на дорогѣ съ нѣсколькими Казаками, провожавшими изъ арріергарда раненыхъ поварищей своихъ, и вступили съ ними въ разговоръ. Они очень жаловались, что даже имъ спало не въ мочь споятъ пропивъ вражеской силы; что именно сего дня (12 числа) они шибко схвапились съ Французами, шакъ , что въ гуспой пыли другъ друга не узнавали — « и шупъ-шо, « бапюшко , примолвилъ Казакъ , нашихъ « пропало сошни шри. Нѣшъ ужъ мочи

« держаться: шакъ и садншея; окаанный,
 « на шею; а не что ихъ пушки: шолько
 « что мы пригошовимся ударнше на гуса-
 « ровъ, какъ пуспяшь, прикляшые, въ
 « насъ хлопущками (гранашами) и кашыш-
 « ками (каршечью).... Право, ужъ и
 Машвѣй Ивановчъ опкажешся; вокойше
 себѣ сами, какъ хошше. » — Дѣйствн-
 шельно, черезъ нѣсколько дней мы услыша-
 ли, что Апшаманъ Плашовъ сдѣлался боленъ
 и уѣхалъ изъ армн. Такія вѣспн были
 непрншны. Въ продолженіе похода солда-
 ты шли довѣснвъ головы; уже не соблюда-
 лось стргой дисциплины; каждый шелъ,
 какъ хошлъ, и думалъ: что-то будетъ?
 Офнцеры, собираясь по нѣсколько вмѣшъ,
 шолковали о близкой гибели опечешва, и
 не знали, какая учасъ ихъ самнхъ по-
 спнгнешь. Оружіе, кошорое сначала несли
 шакъ бодро для зашщны опечешва, ше-
 перь казалось бесполезнымъ, шягоспнымъ;
 припомъ пыль и зной заспавляли мно-
 гнхъ солдашъ бышь ушпалыми и уходишь
 въ спорону опъ дороги — на разгулье.

Подъ Дорогобужемъ мы не долго спояли
 въ крѣпкой познціи. Узнавъ, что главныя
 силы непрншеля спремнлись вверхъ по
 Днѣпру, для обхода насъ при Вязьмѣ, 12-го
 Августа на ночь пуспнлись всѣ войски
 опашъ въ решираду. Арріергардъ зажегъ

мосны, и пламя опъ нихъ коснулось города.

Опасаясь, чшобы насъ не опрзали, мы и во весь день 13-го Августа прошли 60 верстъ, къ самой Вязьмъ.

Находившись съ рошою близъ Вязьмы, я полюбобылшшовалъ създишь въ городъ : думалъ, не ошыщу-ли шъхъ пряниковъ, кошорые сполько прославили Вязьму. Городъ показался мнъ очень порядочнымъ ; много каменныхъ домовъ , церквей и лавокъ ; но все было пусто. Жишели , не успъвшие выбрашься изъ города, бъгали въ спрашныхъ суешахъ по улицамъ , а иные выпроваживали изъ своихъ дворовъ повозки съ пожишками. Лавки были отккрыты ; товары хопя всъ убраны , но еще довольно кой-чего оспавалось для пожившки солдашамъ, кошорые, подъ предлогомъ услилоспи , или водицы напишься , входили въ дома и хозяйничали на просторъ.— Не нашедши пряниковъ , я посмошрълъ на суешу мърскую , покачалъ головой , и съ горешко возвратился на биваки.

Въ ночь на 15-е Августа мы вышпунили съ мѣспа, и пройдя городъ, расположились въ виду его на позицію, около 10 часовъ ушра. Ночью ходишь намъ было легче и прохладнѣе ; пришомъ мракъ ночи скрывалъ печальныя лица , а дремоша дневная

приводила въ забвеніе всю гореснь предспоящаго.

На другой день прошли только 10 верст къ сел. Федоровскому. Аррьергардъ расположился было въ крѣпкой позиціи передъ Вязмою, но кпо-шо ночью попоропился зажечь мосшы, опгъ чего занялся и городъ пожаромъ; шогда аррьергардъ перешель въ бродъ и спалъ за городомъ.

Опгъ Вязмы до Царво-Займища ровнее мѣсположеніе весьма способствовало кавалерійскимъ эволюціямъ; а пошому на эпихъ равнинахъ спекалось съ непріятельской и нашей спороны по множеству полковъ разнаго рода кавалеріи съ конными бапареями. Всъ они, въ виду одинъ другаго, маневрировали, и подвигались шо назадъ, шо впередъ, между шѣмъ какъ фланкеры шѣщились переспрѣлкою. Французы не заводили горячей драки, пошому чшо вся наша армія находилась вблизи и была въ готовності подкрѣплять аррьергардъ свой; сами-же они, нуждаясь въ продовольствѣи, шли опдѣльно, колоннами по обѣимъ споронамъ большой дороги, пошому чшо по слѣдамъ нашимъ находили одно опуспошеніе. Война выходила изъ предѣловъ человечества, дѣлалась опчаянною, непримиримою, испребительною; конецъ ея долженствоваль довести до ги-

бели одну изъ двухъ враждующихъ державъ. Но еще Французы, въ превосходящій силъ своихъ и въ поржесшвѣ духа, могли ожидать славнаго для себя окончанія кампаніи; напрошивъ шото мы, пошерывши нѣсколько губерній, ушрашивши половину силъ своихъ, не бывши въ сосполнн основаны неприятели ни въ Вишебскѣ, ни въ Смоленскѣ, были повергнуты въ глубокое уныніе, и помышляли единственно о несчастной участи своего опечесшва. Имѣя силы, мы казались безсильными; имѣя оружіе, казались обезоруженными; нѣсколько тысячъ храбрыхъ шли разсыяно. Такъ насполнціа бѣдствія родины повергали Русскихъ въ извинительную слѣпоту. Кто могъ ожидать счастливаго переворота собышій? Всѣ жаждали рѣшительнаго боя, какъ единой оспрады, единого средсшва побѣдою искупить спасеніе погибающему опечесшву, или пашь подъ его развалинами.

Въ такомъ расположеніи духа находились войски, какъ вдругъ элекшрически пробѣжало по арміи извѣстіе о прибышн новаго Главнокомандующаго, Князя Кутузова. Минуша радости была неизяснима: имя этого полководца произвело всеобщее воскресеніе духа въ войскахъ, опѣ солдата до генерала. Всѣ, кто могъ, до-

легли на вопреку почтенному вождю, принять отъ него надежду на спасеніе Россіи. Офицеры весело поздравляли другъ друга съ счастливою переменною обстоятельствомъ; даже солдаты, шедшіе съ кошами за водою, по обыкновенію, вяло и лѣнливо, услышавъ о пріѣздѣ любимаго полководца, съ крикомъ: ура! побѣжали въ рѣчку, воображая, что уже гонятея непріятелемъ. Толпчась у нихъ проявилась поговорка: пріѣхалъ Кутузовъ, бить Французовъ!... Старые солдаты припоминали походы съ Княземъ еще при Елизаветѣ, его подвиги въ прошедшихъ кампаніяхъ, сраженіе подъ Кремлемъ, послѣднее употребленіе Турецкой арміи на Дунай; все это было у многихъ въ свѣжей памяти. Вспоминали также о его чудесной ранѣ отъ ружейной пули, насквозь обоихъ висковъ. Говорили, что самъ Наполеонъ давно называлъ его *старой лисицей*, а Суворовъ говаривалъ, что *Кутузова и Рибаса не обманеть*. Такіе рассказы, перелепая изъ устъ въ уста, еще болѣе утверждали надежду войскъ на новаго полководца, Русскаго именемъ, умомъ и сердцемъ, извѣстнаго знаменитостію рода, славнаго многими подвигами; однимъ словомъ, съ пріѣздомъ въ армію Князя Кутузова, во время самаго критическаго положенія Россіи, ко-

гда Провидѣніе являло на нас мрачный покровъ гибели, обнаружилось явно, сколько сильно было приутищеніе любимаго полководца воскресить упавшій духъ Русскихъ, какъ въ войскѣ, такъ и въ народѣ. Чшо любовь войска къ завѣщанному полководцу есть не мечна, а существовавшая, производящая чудеса, шо доказала всему свѣту незабвенный для славы Россіи Суворовъ, съ горещію слыновъ ея.

Князь Кутузовъ, прѣхавши къ арміи, узналъ, чего жадаютъ непрерывно Рускіе. Для утоленія жажды ихъ мщенія, онъ видѣлъ необходимость дать генеральное сраженіе; но равнины за Вязмою не представляли удобствъ расположенія выгоднымъ образомъ всѣ роды войскъ, и потому онъ рѣшился опуступить еще дальѣе, принявъ уже грозный видъ ~~жестокости~~ ~~жестокости~~ Россіи.

Наполеонъ въ Вязмѣ узналъ о прибытіи къ намъ новаго Главнокомандующаго; онъ вспомнилъ о *старой эмисіи*, и, кажется, взялъ болѣе предосторожности въ наступательномъ дѣйствіи, позволивъ намъ 18-го Августа имѣть дневку.

20-го Августа, опойдя вершъ 5 за гор. Гжашскъ, спали мы въ боевую позицію при д. Дурыкиной. Квартирьеры, въ числѣ копорыхъ и я находился, занимали

мъша шумя , въ ожиданіи рѣшительнаго боя.

Мы узнали , что Наполеонъ , занявши Гемпскъ , остановился съ войсками , чтобы дать имъ отдохнуть и освѣжившоя для генеральнаго сраженія , котораго ожидалъ опъ Князя Купузова. Насъ порадовало еще другое извѣстіе , о прибытіи къ арміи современника Суворову , Русскаго вѣстия , Генерала Милорадовича съ 15,000 молодого войска. Все принимало лучшей видъ , приходило въ надлежащій порядокъ ; все обновлялось. Уже стали слышны въ бивакахъ пѣсни и музыка , чего давно не бывало. Не смотря на то , что отіспутленіе продолжалось , мы думали идти на встрѣчу къ Французамъ. Сколько присутствіе Князя Купузова воскресило духъ во всѣхъ войскахъ.

***

ГЛАВА V.

ОТЪ БОРОДИНА ДО МОСКВЫ.

РАСПОЛОЖЕНІЕ войскъ при Бородинѣ. — Предварительная сшибка. — Приготовление къ бою. — Картины Бородинской битвы. — Контузия. — Разные случаи. — Продолженіе ретирады къ Москвѣ.

22-го Августа, черезъ сел. Бородино, войски вошли въ избранную новымъ полководцемъ позицію, не доходя 8-ми версшъ до Можайска. Тушъ въ первый разъ увидѣли мы народное ополченіе: Русскихъ мужичковъ съ пиками и ружьями, копорыхъ они еще не умѣли держашъ.

Пользуясь дневкою, мы на другой день съ Фигнеромъ поѣхали по линіи, осматривашъ расположеніе войскъ нашихъ. Наскоро и въ ближайшемъ разспояніи не лзя было-бы найдши лучшаго мѣсца. Рѣчка Колоча прошекала передъ линіею, выходя слѣва изъ большаго лѣса, и, заворачиваясь около праваго фланга, впадала въ Москву рѣку; возвышенія по правому ея берегу съ

нашей стороны были довольно круты и командовали лѣвымъ берегомъ ; большая дорога отъ Смоленска въ Москву пересѣкала р. Колочу при с. Бородинѣ, почти въ центрѣ позиціи. Высокій курганъ на нашемъ берегу, казалось, нарочно предназначенъ былъ для обозрѣнія Главнокомандующему всего пространства поля битвы. Отсюда цѣпь возвышеній тянулась къ лѣвому флангу, закругляясь до большого лѣса, который покрывалъ весь эшпартъ фланга и пылъ нашъ. На эшпартѣ пространства, отъ лѣса до устья Колочи, почти на семь верстъ протяженія, расположены были Россійскія войски съ резервами въ три линіи. По всему фронту на высотахъ, для прикрытія артиллеріи, подланы были окопы ; ихъ строили при насъ, день и ночь, пришедшіе ратники ополченія. Во время объѣзда Фигнеръ замѣтилъ слабость лѣваго фланга нашей позиціи, не смотря на редузы, его прикрывающіе; онъ припомнилъ, что въ прошедшихъ кампаніяхъ мы терпѣли сраженія отъ слабости нашихъ лѣвыхъ фланговъ, на которые Наполеонъ всегда усремлялся ; онъ предсказывалъ и здѣсь то-же. « Вспомни мое слово, » говорилъ онъ, « если Наполеонъ не бросится всѣми силами на эшпартъ фланга и не прикрепитъ насъ къ Москвѣ рѣкѣ. » — По вни-

напешельномъ разсмотрѣніи мѣстоположенія, шочно, какъ ни казалась наша позиція крѣпкою, спарая Смоленская дорога къ Можайску, идущая черезъ лѣсъ прошивъ лѣваго фланга, въ шылъ нашъ, оспавалась не заняшою; правый же флангъ былъ слишкомъ расцлнупъ ошъ ценшра позиціи къ д. Масловой. Непрїятель, слѣдуя ошъ с. Валуева прошивъ нашей середины къ Бородину, могъ, по евойспву мѣстоположенія, развернувшись всѣми силами прошивъ лѣваго фланга и подавивъ его на средину, занявши спарую Смоленскую дорогу; такимъ образомъ ошъ могъ-бы нашу армію запереть въ уголь между успьемъ Колочи и Москвою рѣкою. Однако послѣдствія показали, что Наполеонъ, встрѣпившись съ Русскими войсками, жаждалъ шолько рѣшишельнаго сраженія, и безъ спрашегическихъ шонкоспей думалъ сокрушитъ насъ ошкерышою шакшикою. Князь Купузовъ вскорѣ проникнулъ важность занятія спарой Смоленской дороги, и въ день сраженія пославилъ намъ корпусъ Генерала Тучкова съ егерями, и Московское ополченіе.

24-го Августа, Французы, поднявшись ошъ д. Грядневой, атаковали аррїергардъ нашъ, находившійся передъ Колоцкимъ монастыремъ, подъ начальствомъ Генерала Ко-

ковница. Преследованіе было горячее до самой Бородинской позиціи. Мы съ утра слышали приближающуюся къ намъ канонаду. Наконецъ, по полудни, Наполеонъ и мѣль удовольствіе увидѣвъ всю армию нашу въ грозномъ ополченіи, гонимую вспрѣдшишь его войски рѣшительнымъ боемъ. Замѣшивъ противъ нашего лѣваго фланга ощѣльный редупъ, выпавленный ему какъ-бы для приманки, онъ поспѣшь приказалъ своимъ взять его, и къ вечеру редупъ былъ въ рукахъ Французовъ, хотя съ большимъ для нихъ урономъ. Ошѣюда Наполеонъ спалъ раздвигавъ свои оны, избравши взямый редупъ центромъ наступательныхъ дѣйствій.

На другой день, войски обѣихъ враждующихъ армій спояли въ виду одни противъ другихъ, въ шайнспивенной шипинѣ, какая бываетъ передъ ужасною бурей. Вожди занимались распоряженіями для предполощей битвы.

Легкая рота артиллеріи Капитана Фигнера была разсыяна въ кустарникъ, противъ Новаго Сельца, которое прошедшею ночью нарочно было выжжено, чшобы не могло служить закрытіемъ для непріятелей. Фигнеръ, на досугъ, пригласилъ меня и Поручика Нагеля съѣздить за цѣпь, посмошрѣвъ вблизи непріятельскій станъ.

Мы перешли въ бродъ Колочу, прошивъ обгорѣлыхъ развалинъ сожженной деревушки. Вершины за полшоры впереди, на полѣ, увидѣли мы кавалерійскую цѣпь Французскихъ драгуновъ, а за нею взводъ спѣшившихся, споящихъ на пикешъ. По близости къ нимъ находилась деревня Логинова, гдѣ множество кавалеристовъ набирали солому въ большія вязанки, съ кошорыми паццились къ своимъ бивакамъ. Мы подѣхали къ ведошамъ почши на ружейный выспрѣлъ, шакъ чшо могли разглядѣшь мужественныя лица драгуновъ подѣ огромными шишаками; они покрышы были свѣцлыми плащами и сидѣли верхомъ, какъ вкопаные, на своихъ мѣспахъ. Далѣе за цѣпью примѣшно было движеніе войскъ, переходившихъ съ мѣсша на мѣспо. Намъ смотрѣвшисъ до сыша, мы оптѣхали къ своимъ пушкамъ благополучно, не бывши наказаны за свою дерзосшь никакимъ несчастіемъ.

Передъ вечеромъ, во всѣхъ полкахъ происходило молебствіе о дарованіи побѣды православному Россійскому воинству въ предешоящей бишвѣ. Вскорѣ вышелъ приказъ оптѣ Главнокомандующаго, въ коцпоромъ между прочимъ было сказано, чшобы всѣ роды войскъ, во время сраженія, подкрѣпляли другъ друга, кавалерія цѣ-

хопу, а пѣхота артиллерію; чшобы по нѣскольку здоровыхъ не опводили одного раненаго, и не оставляли-бы пушшпы въ рядахъ; чшобы резервы упошреблялись шолько по его приказанію, а главнѣйшее, чшобы спарались избѣгать напрасной спрѣльбы. Князь Кушуровъ, объѣзжая ряды и видя бодрость на лицахъ Русскихъ воиновъ, готовыхъ умереть за опечесшво до послѣдняго, говорящъ, сказалъ окружающимъ: «Французы переломаютъ надъ нами «свои зубы, но жаль, чшопе, разбивши ихъ, «намъ нечѣмъ будете доколачивать.» — Русскихъ силъ, шочно, было недосшашочно: у насъ считалось до 115,000 регулярнаго войска, 7,000 Казаковъ, 10,000 оподченія, и 640 пушекъ; у Французовъ было 190,000 лучшаго войска и до 1,000 орудій. Впрочемъ, наше неравеншво силъ замѣнялось любовью къ опечесшву и жаждою мщенія. Вспоминая прежнюю славу Русскаго побѣдоноснаго оружія, каждый солдатъ горѣлъ неперпвнѣмъ сойдшися съ неприятелими, чшобы въ ихъ крови омышь навесенное всѣмъ оскорбленіе. Всѣ мы были въ полномъ увѣреніи на распорядишельмосщъ мудраго, посѣдѣвшаго въ браняхъ полководца. Французы шакже готовились къ рѣшишельному бою, шолько не съ чувсшвомъ любви къ опечесшву, а съ жадно-

спію къ добычѣ и славѣ завоеванія. Они зашли слишкомъ далеко, и для спасенія себя желали воспоржесшвовашь побѣдою, желали сохранить честь своего оружія. Два съ половиною мѣсяца они ожидали рѣшишельнаго боя, копорый довелъ-бы ихъ до цѣли предпріяшя. Французы понесли великія шрудности, претерпѣли неизвѣспныя дополь нужды. Имъ предспавлялось два конца: если будущъ побѣждены, шо погибель ихъ неизбѣжна; если-же оспанушся побѣдишелями, шо пріяшнѣйшія надежды льспили ихъ чесполобію. Москва лежала передъ ними — за полемъ битвы. Имъ надлежало шолько пройдши по шрупамъ сыновъ ея, чшобы достигнуть добычъ, чувспвенныхъ наслажденій, славнаго мира, и возвращенія въ опечешво. Такъ на поляхъ Бородинскихъ долженшвовала рѣшишья участь великой арміи Наполеоновой, совокупныхъ силъ почти цѣлой Европы. Французы, Нѣмцы, Ишальянцы, Испанцы, Поляки, всѣ гошовы были для прихоти одного необычайнаго человѣка — побѣдишь или умереть. Но они умерли вмѣшѣ со славою эпого генія-испребишеля.

День пригошвленій къ спрашному бою казался скоропечнымъ. Общая шпшина въ войскахъ была предвѣспницею близкихъ ужасовъ. Сколько тысячъ несчастныхъ

жертвъ человеческой вражды въ эпоху день еще наслаждались жизнью, а завтра должны спивали смѣшались съ прахомъ земли! Сколько опважныхъ честолюбцевъ топовились ознаменовашь себя подвигами, не помышляя о смерти, а завтра они должны спивали ринушья въ вѣчность забвенія!... Такъ определено человеку бышь игралищемъ спрашей: умошь возношишь къ небу, и исчезашь въ земной ничпожностпи.

Солнце свѣсило ярко, и золопыми лучами скользило по смерпоносной спали шпыковъ и ружей; оно играло на мѣди пушекъ ослѣпительнымъ блескомъ. Все успроивалось для кровопролишя слѣдующаго дня: Московскіе рашники оканчивали насыпи на башаряхъ, аршиллерію развозили по мѣстамъ, и пригошовляли папроны. Солдапы чиспили, осприли шпыки, бѣлили порпупен и перевязи; словомъ, въ обѣихъ арміяхъ 300,000 воиновъ топовились къ великому, спрашному дню.

Наспупила ночь; биваки враждующихъ силъ запылали безчисленными огнями, кругомъ верспъ на двадцашь проспранспва; огни опражались въ небосклонъ на шемныхъ облакахъ багровымъ заревомъ: пламя въ небъ предзнаменовало пролишье крови на землю. Велики были собранныя силы, ве-

ливо предстояло побойще — знаменитое въ лѣтописяхъ міра.

Бородинская битва многими очевидцами описана, и почти всякому извѣстна; а потому, избѣгая повторовъ, опишу только нѣкоторыя каршины и случаи.

Съ восхожденіемъ солнца, по всей линіи отъ лѣваго фланга до середины, открылась ужасная канонада изъ пушекъ, гаубицъ, единороговъ. Выстрѣлы шакъ были часты, что не оставалось промежутка въ ударахъ: они продолжались непрерывно, подобно раскату грома, производя искусственное землетрясеніе. Густыя облака дыма, клубясь отъ башарей, возносились къ небу и зашлѣвали солнце, кошорое покрывалось кровавою пеленою, будто измѣняясь отъ ожесточенія и ярости человѣческой. Мысль Фигнеромъ на правомъ флангѣ долго оставались спокойными зрителями этого явленія, и безмолвно спояли при своихъ пушкахъ, ожидая ежеминутно себѣ назначенія для участія въ общей битвѣ. Ядра непріятельскія долетали до насъ послѣдними прыжками, или кашились на излѣпѣ; гранаты хлопали въ воздухъ и, рассыпаясь осколками, производили страшные звуки.

На лѣвомъ флангѣ происходила жестокая битва; Рускіе мужественно дер-

жались въ окопахъ, Французы за каждый шагъ впередъ плашили несмѣшною пошерю людей. Не лзя не удивляться опчаянцю, съ какимъ они лзли на смершь; не лзя не удивляться присупснвию духа Рускихъ, съ какимъ они защищались, удерживая спремленіе превосходныхъ силъ непріятеля.

Когда Французы въ срединѣ нашей линіи овладѣли въ первый разъ курганнымъ люнепомъ, и были опрокинуты, въ то время приказано пѣхошѣ 4-го Корпуса двинуться на подкрѣпленіе сражающихся около люнеша. Въспѣ о подвигахъ нашихъ, сбившихъ въ эпомѣ мѣспѣ непріятеля, быспро распротспранилась по линіи. Елецкаго полка Маіоръ Т***, въ воспоргѣ воинскаго духа, скакалъ опѣ мѣспа сраженія по нашей линіи, провозглашая всѣмъ, что Французы разбиы и Неаполитанскій Король взяпѣ въ плѣнъ. Эшопѣ Маіоръ немного каршавилъ, а пошому невольню раземѣшилъ насѣ своимъ провозглашеніемъ, крича изъ всей силы: « Бьяпцы! Мюяпа взяли! » — Но эшопѣ мнимый Мюрапнѣ былъ Генераль Бонами. Когда Русскій гренадеръ хошѣлъ его колопѣ, то онѣ для спасенія своего вскричалъ: « Я Король! » — Тогда усачѣ, взявши Короля за шиворопѣ, пошацилъ къ Главнокомандующему. Князь Кушуповѣ

пусть же поздравить рядового унтера орденомъ, и наградили его знакомъ ордена Военнаго ордена Св. Георгія. Встрѣча около дюмета не дешево и намъ сполна, пушка на башарей убили начальника всей артиллеріи Графа Кушайсова, Генерала, общаго шаго много, оными личными дощками спвами.

Пѣхота 4-го Корпуса пошла къ цѣнстру, но артиллерія еще оставалась въ резервѣ. Мы съ Фитнеромъ безиреешанно ожидали, не позовуць ли и насъ на кровавое мѣсто. Фитнеръ, опъ наперивній, безиреешанно ѣздилъ къ Генералу Милорадовичу, командовавшему тогда правымъ флангомъ, подвинушимъ къ цѣнстру, и просилъ, чтобы дали мѣсто для дѣйствія его роты; но еще не было въ насъ надобности, и мы до полудни оставались въ штепномъ ожиданіи. Намъ вѣрно было только вывезши изъ душпарниковъ орудія, поспавишь ихъ вмѣстѣ и бышь въ кошовности. Изъ любопытства я възѣхалъ на ближайшій курганъ, передъ дер. Горки, съ котораго Русская башарей свѣржала въ непріятельскія колонны. Тутъ открылось передо мною обширное поле сраженія. Я видѣлъ, какъ наша пѣхота, въ густыхъ массахъ, стояла съ непріятельскою; видѣлъ, какъ приближаясь одна къ другой, пускали они

блitzный огонь, развертывались, рассыпались, и наконец исчезали: на мѣстѣ оставались только убитые, а возвращались раненые. Другія колонны опять сходились, и опять такимъ же образомъ исчезали. Это зрѣлище испребленія людей сполько поразило меня, что я не могъ долѣе сморѣть, и съ сжатымъ сердцемъ опѣхалъ къ своимъ пушкамъ. Французскіе кирасеры и уланы сдѣлали нападеніе на пѣхоту 4-го Корпуса, но ружейнымъ огнемъ были отбиты; въ этомъ случаѣ отличились полки: 34-й Егерскій и Перновскій. Последний, предводимый храбрымъ Генераломъ Чоглоковымъ, послѣдовалъ въ батальонныя каре, и самъ пошелъ на непріятельскую кавалерію; передней шеренги гренадеры даже бросали въ догонку Французовъ ружья со штыками. Находившіеся для подкрѣпленія этого полка, гусары и уланы преслѣдовали Французскую кавалерію до непріятельской пѣхоты.

Казалось, Главнокомандующій не перялъ еще надежды на побѣду, доколѣ большой лощицѣ, въ центрѣ линіи, и село Семеновское, на лѣвомъ флангѣ, находились въ нашихъ рукахъ. Опшляя, сколько возможно, увеличившюся на лѣвомъ флангѣ опаснѣе, онъ спарался поперянное возвращеніе, и всѣ силы употреблялъ на то,

чшобы колеблющуюся побѣду обратитъ къ Русскимъ знаменамъ. Для развлеченія вниманія непріятелей, онъ приказалъ Генералъ-Лейтенанту Уварову съ 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ перейдши р. Колочу, и атаковавъ ихъ лѣвый флангъ, ошкрытый за сел. Бородинымъ. Мы съ удовольствіемъ смошрѣли, какъ кавалерія наша, по шу сторону рѣчки, длинными линіями красныхъ, синихъ гусаровъ и улановъ, двигалась впередъ, пошомъ ударила на Французскую кавалерію, и прогнала ее далеко за Бородино; шамъ нашла она на бапарен, причемъ Елисаветградскій гусарскій полкъ ошнялъ двѣ пушки. Но чешыре полка непріятельской пѣхоты, ошъ Бородина пошронившись въ каре, пошли на нашу кавалерію; она попеременно атаковала каждое каре, и будучи не въ сошпоянїи ни одного разбишь, ошспушила. Въ эшо время Фигнеръ получилъ приказаніе съ артиллерією подойдши къ д. Горкамъ; на пуши мы слышали вправо сильную ружейную спрѣльбу, производимую Французами прошивъ нашей кавалеріи — и вдругъ нѣсколько разсѣянныхъ гусаровъ проскакало мимо насъ. Нѣкошорые изъ нихъ, проспрѣленные, шушь-же падали съ лошадей; въ шомъ числѣ одинъ прекрасный офицеръ, пробившій пулею въ грудь, упалъ съ лоша-

ды, въ двухъ шагахъ передъ нами... Вокорь за шѣмъ увидѣли мы два Донскіе Казачьи полка, довольно искусно прошедшіе въ разсыпную впередъ, подъ ядрами, безъ всякаго урона; потомъ они собрались и ударили вмѣстѣ на Французовъ.

По полудни, когда Вице-Король Испанійскій дѣлалъ послѣдній приспущъ на нашу куртанный люнетъ, баптарейный и ружейный огонь, бросаемый съ него во всю сторону, уподоблялъ эшопъ курганъ огнедышащему жерлу; припомъ блескъ сабель, палашей, шпыковъ, шлемовъ и лапъ опъ яркихъ лучей заходящаго солнца, все вмѣстѣ представляло ужасную и величественную картину. Мы опъ дер. Горки были свидѣтелями этого кровопролитнаго приспуща. Кавалерія наша мѣпалась съ непріятельскою въ жестокой сѣчѣ: опрѣлялись, рубились, и кололи другъ друга со всѣхъ сторонъ. Уже Французы подошли подъ самый люнетъ, и пушки наши, послѣ окончательнаго залпа — умолкли. Глухой крикъ давалъ знакъ, что непріатели ворвались на валъ, и началась работа шпыками. Французскій Генераль Колениуръ первый ворвался съ шпыла на редушь, и первый былъ убитъ; кирасеры же его, вспрѣченныя внѣ окопа нашею вѣскопою, были засыпаны пулами и прогнаны съ боль-

нимъ уромомъ. Между нѣмъ гнѣкопа не-
пріятельская лѣзла на валъ со всѣхъ сто-
ронъ, и была опрокидываема штыками
Рускихъ въ ровъ, который исполнялся
штыками убитыхъ; но свѣжія колонны за-
ступали нѣша разбитыхъ, и съ новою
яростию лѣзли умирая; нѣмъ съ равнымъ
ожесточениемъ воспріяли ихъ, и сами имъ
дали выспѣ съ врагами. Наконецъ Фран-
цузы съ бѣшенствомъ ворвались въ лю-
нетъ и колоды всѣхъ, всю нѣмъ пощадили;
особенно поперѣгли артиллеристы, смер-
тельно дѣйствовавшіе на батарею. Тогда
куртанный люнетъ оспался въ рукахъ не-
пріятелей. Это было послѣдній ирровой
мощнейшихъ силъ ихъ. Груды плѣтъ ло-
жили внутрь въ нѣмъ окоца; почтѣ всѣ храб-
рые защитники его пали. Такъ жестока
была битва.

Еще оставался на нашей сторонѣ одинъ
большой редутъ, съ котораго продолжа-
лась упорная канонада противъ Бородина;
но какъ уже Французы, претерпѣвъ боль-
шой уромъ, испощились въ силахъ, и у
Наполеона оставалась только одна гвардія
въ резервъ, то посему и не предприни-
мали они нѣмъ присупа на этотъ по-
слѣдній редутъ. Непріятели довольство-
вались только стрѣльбою артиллеріи. Вой-
ски ихъ старались снасть въ закрытыя

мѣста огнь убійственнаго огня нашихъ батарей. Каноада съ обѣихъ сторонъ продолжалась до самаго вечера; съ наступленіемъ мрака она спала ослабѣвая, прежде у непріятелей. Это было проливъ обыкновенія, ибо Французы имѣли обычай къ вечеру всегда усиливать огонь и манискъ во всѣхъ мѣстахъ, въ знакъ своей побѣды; теперь же они признавались въ безсиліи. Наконецъ ихъ артиллерія замолчала, наша также утихла, и мало по малу ужасная битва прекратилась.

Багровое свѣщило дня, омочивъ въ крови ноги нашихъ послѣдніе лучи свои, уже скрылось за горизонтъ, какъ будто содрогаясь огнь ужаснаго побоища; мракъ ночи покрылъ: ризалище смерти, и пороковой дымъ и смрадъ ложились шпжельнымъ шуманомъ на необозримое поле битвы.

Такимъ образомъ кончилась знаменитая битва 26-го Августа. Непріятели овладѣли всѣми нашими редушами на лѣвомъ флангѣ и по лѣвую сторону большой дороги; они одвинули насъ съ позиціи только на одномъ флангѣ, и заняли прешью часш ея; посему они выиграли не болѣе какъ вполовину. Побѣда ихъ не была побѣдою; Рускіе не были разбишы, приведены въ замѣшательство, ни гдѣ не бѣжали. Наши силы еще оспавались сосредоточен-

ными опъ сел. Горки по Семшовскому оврагу до старой Смоленской дороги, и спояли во всей гошовности отражаны дальнѣйшія покушенія непріятелей. Они первые замолчали, посему первые признались въ своемъ изнеможеніи; у Наполеона въ резервъ оставалась только одна гвардія, не бывшая въ дѣлѣ, шакъ-же какъ и у насъ оставались нѣкоторыя полки. Князь Кутузовъ употреблялъ резервы съ благоразумною экономіею, и могъ еще держаться до послѣдней крайности въ добромъ порядкѣ. Наполеонъ позволилъ намъ отступити къ Можайску безъ всякаго съ своей стороны преслѣдованія; посему видно было, что онъ почно обломалъ зубы, и, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что ему уступили поле сраженія для удостовѣренія въ несмыслиной попорѣ, которую понесли его войски, особенно кавалерія, ибо лучшіе полки кирасиръ и драгуновъ были испреблены. Эша попоря осталась невозвращною: здѣсь-шо увидѣли цвѣтъ Французской арміи, здѣсь-шо впервые сокрушились грозныя силы завоевателя Европы.

Кровопролитіе Бородинской битвы еще не случилось для Наполеона. Судя по значительному урону съ обѣихъ сторонъ въ генералахъ, она въ почномъ смыслѣ была

генеральского. Не смотря на многочисленность неприятелей, никогда Русские не дрались съ такимъ ожесточеніемъ, какъ въ этотъ знаменитый день: убылые ряды переднихъ потчасъ заступались задними. Съ сжатымъ сердцемъ спояли всѣ подь ударами ядеръ и пуль, имѣя въ рукахъ смерть врагу и принимая смерть опъ него.

Рота артиллеріи Капитана Фигнера, не смотря на его пламенное желаніе поколотиться съ Французами, не была въ дѣйствіи. По полудни подвинули насъ къ д. Горжамъ, откуда мы были свидѣтелями военныхъ ужасовъ. Когда, послѣ взятія неприятелами бурганнаго люнета, войски наши сосредоточились въ ожиданіи новаго нападенія, къ намъ пріѣхалъ Адъютантъ Генерала Милерадовича, и повелъ нашу роту къ самому центру, который тогда сдѣлался правымъ флангомъ боевой линіи. Мы прирешившись, и ободривъ солдатъ, полатая потчасъ всступили въ дѣло; напрошивъ жего Адъютантъ довелъ насъ только до драгуновъ, и, оставивъ позади ихъ, самъ уѣхалъ. Тушь увидѣли мы не мало убитыхъ Русскихъ солдатъ и одинъ взорванный артиллерійскій зарядный ящикъ, вокругъ котораго земля была выжжена, а лошади и вѣдовой разбросаны обгорѣлые. Выправо опъ насъ, во сна саженьхъ за окопомъ,

спотыкали четыре конныя орудія: непріятельскія ядра доколачивали ихъ; около пушекъ вершлось челоуѣка по шри канонеровъ, а прочіе вокругъ лежали убитые. Драгуны передъ нами безпреспанно валялись съ лошадей опъ ядеръ и пуль. Мы за ними спотыкали очень шѣсно, пушка подлѣ пушки, не скидывая съ передковъ, въ ожиданіи назначенія. Фигнеръ на правомъ, а я на лѣвомъ флангахъ, находились верхомъ передъ орудіями. Ядра, гранаты, карпечъ, и даже пули, перелетая черезъ драгуновъ, били нашу артиллерію, опъ чего мы потеряли нѣсколько людей и лошадей. Тупъ испыталъ я, что нѣтъ ничего хуже во время сраженія, какъ спотыкаться подъ непріятельскими выстрѣлами безъ дѣйствія: почти каждый солдатъ провожаетъ ядро глазами, и невольно опдаептъ ему почтение. Повернувши свою лошадь, я подѣблалъ къ Фигнеру, и только что опалъ говорю ему: «Видно, мы не дождемся приказанія! Станемъ лучше рядомъ съ этими артиллеристами, копорыхъ намъ доколачиваюптъ, и будемъ сами дѣйствовать, чѣмъ переплетемъ....» Я не досказалъ, какъ вдругъ что-то пролетѣло мимо лѣваго виска моего — и спило меня съ лошади. Я упалъ безъ чувствъ на землю, и четверть часа лежалъ какъ мертвый.

Меня не поднимали, полагая убитымъ; но, когда послѣ крѣпкаго обморока чувствуя мои спали оживляясь, и память возвращалась, я ощутилъ себя лежащимъ на землѣ, и спалъ шевелишься. Канонеры, примѣшивъ во мнѣ движеніе, подошли и подняли меня. Я шатался какъ одурѣлый; разбилая голова моя переваливалась съ плеча на плечо; она горѣла съ чрезвычайною болью; причѣмъ не могъ я различать предметовъ: все вокругъ меня вершлось и казалось какъ будшо въ шуманѣ. По минутномъ опдохновеніи меня взвалили на лошадь, и я, склонившись на ея шею, поѣхалъ, по данному направленію, самъ не зная куда. Лошадь моя шла и часпо оспавливалась опѣ прыгающихъ ядеръ съ правой стороны; на пущи множесиво валилось убитыхъ и раненыхъ солдатъ, копорныхъ рашники Московскіе, увершывался опѣ ядеръ, подбирали и уносили назадъ. Наконецъ я попалъ какъ-шо на дорогу, и увидѣлъ въ куспахъ онашь рашниковъ: не забошася о предшоящемъ, они дружно сидѣли около огонька, надъ копорымъ висѣлъ кошель. Я спросилъ у нихъ слабымъ голосомъ, гдѣ перевязываютъ раненыхъ, и одинъ мужичекъ привелъ меня къ мѣспу. Тушъ было множесиво несчастныхъ, въ разномъ положеніи, испускающихъ спонѣ

и крикъ. Особенно спрашенъ и жалокъ былъ одинъ Ташаринъ, Теплярскій Казакъ: въ то время какъ я подвѣхалъ, у него изъ спинной лошашки вырѣзывали пулю, отъ чего онъ ужасно корчился и кричалъ, имѣя черное, опшврашипельное лицо. Лекаръ подошелъ ко мнѣ, помогъ слѣзши съ лошади, и осмошрѣвъ мою голову, сосшавилъ примочку; пошомъ приложилъ компрессъ и обвязалъ ее биншами. — Послѣ говорили мнѣ, что я былъ спшибенъ съ лошади гранашнымъ осколкомъ, кошорый очень близко пролетѣлъ мимо головы моей: опашь конпузія! Фигнеръ поѣхалъ къ Генералу Милорадовичу, и предшавилъ ему невыгодное положеніе своей рошы, въ кошорой безъ дѣла переранило нѣсколько каношеровъ и убило офицера. Тогда Французы не предпринимали ничего важнаго, и сраженіе прекращалось, а пошому Фигнеру приказано было съ рошою ошойдши къ общему парку на Можайскую дорогу, по кошорой уже двинулись всѣ обозы и разбишья рошы аршиллеріи. Перевязанный, я приспалъ къ своей рошѣ въ то время, какъ она проходила мимо. Французы не далеко находились отъ нашего шыла, и ядра ихъ долетали до дороги, по кошорой началось ошспупленіе; небольшой напшскъ съ эпош спороны могъ-бы произвешти безпорядокъ

въ нашемъ обозѣ, ибо всякаго рода повозки, въ нѣсколько рядовъ, везли раненыхъ и здоровыхъ съ большою поспѣшностію. Къ ночи выбрались мы за Можайскъ, на поляну; въ безопасное мѣсто, гдѣ и ночевали. Во всю ночь я не зналъ куда дважься съ разбитою головою, коңсоря горѣла и заспавляла меня бредниъ, какъ въ горячкѣ.

Небывалому на войнѣ показешся невѣроятнымъ шавое дѣйствіе ядереъ, какое иногда случается видѣшь во время сраженія. Я нѣсколько разъ замѣчалъ, что ядра вепрїательскїа, часто минуя ряды и колонны, попадаютъ, какъ въ цѣль, въ однокїхъ людей и лошадей; скипавощїхся позади фронша, а попому считалъ всегда опаснѣе бышь назади, нежели впереди. Случилось мнѣ видѣшь, что одно нечаянное движеніе, поворопъ съ мѣста спасали огнѣ удара смерпш, или подвелии подъ него; иногда самое ничпложное прикосновение ядра на излѣпъ бывало причиною смерпш. Такъ разсказывали про одинъ случай во время Бородинскаго сраженія. Арпиллерїйскїй Полковникъ В***, находясь въ резервѣ съ своею рошою на мѣспѣ биваковъ, около полудня, въ продолженіе сраженія, велѣлъ податъ въ палашку обѣдъ, и расположилса съ офицерами кушашъ. Самъ онѣ сидѣлъ

на барабанъ, а прочіе лежали. Ядра летѣли вокругъ, но не порпили аппеппиша офицеровъ, кощорые продолжали свою прапезу. Вдругъ одно шеспи-фуншовое ядро, на излѣнѣ, вкочило въ палашку и легло у самага живонна на ногъ Полковника. Ударъ показался ему сполько слабымъ, что онъ взявши ядро въ руки, покапиль его среди шарелокъ и сказалъ шушя: « Воигъ вамъ, брашцы, на закуску. » — Ропа его до конца ураженія оспавалась безъ дѣйствіа. Полковникъ, къ вечеру, спалъ чувспивовапъ въ живонѣ, опъ прикосновенія ядра, боль, кощорая безпреспанно усиливалась; на другой деиъ одѣлалось въ желудкѣ воспаленіе, а на шретій — онъ умеръ. Еще разсказывали другой случай, гораздо чудеснѣе этого. Непрїапельская граната ударила въ грудь одной лошади подъ кавалериспомъ; лошадь не успѣла наопъ, какъ граната въ живонѣ ея лопнула, и кавалериспъ, съ сѣдломъ брошенный вверхъ, оспался невредимъ. Все это, какъ будшо изъ *Не мо-бо не слушай*; но очевидцы увѣрили, что дѣйствительнѣно шакъ случилось. Нѣсколь-но непрїапельскихъ ядеръ попадали въ самыя дула нашихъ орудій; не мудрено, что, въ шакомъ множеспвѣ летая съ одной спороны на другую, они спалкнва-

лись, и, опскакивая назадъ, били своихъ.

Говорили, что, въ началъ сраженія, надъ головою Князя Купузова носился орель, и Князь, снявши шляпу, будшо привѣщивовалъ его, какъ предвѣщика побѣды; но многіе сомнѣвались, чтобы Главнокомандующій спалъ заниматься орломъ въ то время, когда всѣ мысли и вниманіе его были успрямлены на дѣйствіе боя. Вѣроятнѣе могло бытъ, что случайное появленіе орла во время сраженія показалось инымъ за нѣчто предвѣщательное. Не лзя оспоривать и того, что благоразумные полководцы не упускають малѣйшихъ случаевъ для внушенія мужества своимъ воинамъ. Такъ Наполеонъ, желая утвердить въ войскахъ своихъ надежду на побѣду, при восхожденіи солнца, въ день Бородинской битвы вскричалъ: « Это солнце Аусперлицкое! » — Но онъ жестоко обманулся.

Съ наступленіемъ ночи наши войски опошли къ опушкѣ лѣса; Французы опсавались на занятыхъ ими мѣстахъ, и не преслѣдовали насъ. Говорили, будшо они опспунили за чепыре версты опъ мѣста сраженія; но этому немногіе вѣрили. Не лзя было ожидать, чтобы Наполеонъ опспунилъ, не будучи сбитъ, и опча-

спи поспѣсивши насъ. Если - бы это было справедливо, то Князь Купузовъ не пошелъ-бы назадъ. Плодомъ полуодержанной побѣды непріятеля были холодъ и голодъ на полѣ, влажномъ опгъ пролишой крови рашоборцевъ. Мнимые побѣдители, послѣ великихъ шрудовъ дня, должны спивовали зябнуть ночью на голомъ полѣ, едва ли имѣя кусокъ сухаря для подкрѣпленія чрезъ мѣру испощенныхъ силъ своихъ. Вошъ гдѣ суешность воинской славы въ глазахъ философа!

27-го Августа, съ разсвѣтомъ дня, войски наши спали опспунашъ къ Можайску и оспановились за городомъ. Наполеонъ, въ эшопъ день, пушилъ за нами шолько одну кавалерію, и шю не задирая, безъ малѣйшаго напора.

На ночь поднялись мы изъ-подъ Можайска и продолжали опспушпеніе до сел. Землина. Французы пошчасъ заняли Можайскъ, послѣ легкой спибки съ арріергардомъ, копорымъ спалъ командовашъ Генераль Милорадовичъ.

Проходя, при разсвѣтѣ дня, по большой дорогѣ, чрезъ пущыя деревеньки, мы встрѣчали множесшво Московскихъ рапниковъ, суешащихся около огромныхъ кошловъ съ кашею и каршофелемъ: эши войны, проспавши ушро, не успѣли еще ни сварить,

ми помучашь. Гдѣ они намъ ни встрѣчались, вездѣ мы ихъ заспавали или за топчамми, или опдыхающихъ на пригоркахъ. Наши ушомленные и проголодавшіеся солдаты называли этихъ неукровъ саранчю. Одинъ рашникъ нашель земляка-аршиллера-риша въ нашей ротѣ, приспалъ къ нему и рассказывалъ, какъ ихъ водили въ прошломъ сраженіи, всею вапагою, на Француза. «Сначала, царень, говорилъ онъ, шли мы бодро, какъ пухъ не слыжали; но лувкавые Французы подпустили нашу рашъ поближе къ кущамъ, и ударили изъ пушекъ и ружей пакъ, чшо мы, ишо куда, всѣ бросились въ рассыпную. Тупъ пустили за нами ихъ уланы, и мы, кормидець, вовсе пропали-бы ошъ злодѣевъ, коли-бъ не подоспѣлъ къ намъ на подмогу Машвѣй Ивановичъ съ Казачками. Онъ, нашъ голубчикъ, дай Богъ ему здоровья! закричалъ: Убирайшесь ошсель, покуда живы! — и самъ ударилъ на Французовъ. Казачки-шо, спасибо, за насъ поспояли, а мы пошли подбирашъ раненыхъ.»

Войски продолжали решировашься, и дошли до рѣч. Нары, къ д. Крушицѣ. Французы ешали форсировашъ. Упорешью наше-Оп арриергарда, почши въ виду всей арміи, спешило порядочную ешибку. Гвардія Не д... не учаспвовала въ Бородинскомъ ошсп.

сраженіи, хотѣла опдичиться въ преслѣдованіи; однако благоразумными распоряженіями арріергарднаго начальника, Генерала Милорадовича, спремленіе непріятелей было удержано. Мы имѣли удовольствіе даже видѣть нѣсколько десяшковъ Наполеоновыхъ гвардейцевъ, взявшихъ въ плѣнъ, копорыхъ Казаки гнали мимо насъ: рослые и спройные молодцы, съ мужеспвенными лицами, одѣты были въ синіе щегольскіе мундиры съ красными опворошами, а на головахъ имѣли медвѣжьи, высокія шапки съ бѣлыми киспями.

Между шѣмъ головъ моей спало лучше. Искусный лекарь нашей бригады соспавилъ мнѣ шакую спасительную примочку, опъ копорой воспаленіе и боль въ головѣ скоро ушлились; діэпа, легкое движеніе и чиспый воздухъ прогнали горячку. Я съ повязанною головою могъ ѣхашъ верхомъ. Конспузія въ лѣвый високъ, копя не шакъ была сильна какъ въ ногу, однако произвела во мнѣ попомъ часпое головокруженіе, обмороки опъ малѣйшаго угара, и, чпо хуже всего, совершенно ослабила память. Вошъ брениоспъ сущеспва челошческаго! Не ударъ, а шолько прикосновеніе сгущеннаго воздуха ввергнуло меня въ безчувспвіе. Могу сказапъ, чпо въ

продолженіе пашнадаши - мнуплеаго об-
морока, я не сундеснивоа.гъ въ міръ, почно
вакъ убилпый.

ГЛАВА VI.

ОТЪ МОСКВЫ ДО ТАРУТИНА.

ПРИБЛИЖЕНИЕ КЪ МОСКВѢ. — ЭНТУЗИАЗМЪ ФИГНЕРА. — ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ МОСКВУ. — ОТСУПЛЕНИЕ ПО РЯЗАНСКОЙ ДОРОГѢ. — ПОВОРОТЪ КЪ ПОДОЛЬСКУ. — ВАЖНОСТЬ СОЖЖЕНІЯ МОСКВЫ. — РѢЧЬ КЪ ВОЙСКУ ГЕНЕРАЛА БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ. — ВОЕННОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. — ПЕРВЫЕ УСПѢХИ. — ДВИЖЕНІЕ ОТРЯДА ГРАФА ОСТЕРМАНА-ТОЛСТАГО. — ПОЖАРЪ ВЪ ВОРОНОВѢ. — СДѢЛКА ПРИ СПАСѢ - КУПЛѢ.

30-го Августа пришли мы къ д. Мамоновой, въ укрѣпленный лагерь, въ 49-ти верстахъ отъ Москвы. Приятные холмы, увѣчаемые рошницами, и красивыя мызы, до половины выглядывающія изъ-за вершинъ древесныхъ, означали уже окрестности древней столицы нашей, окрестности, до того времени спокойно разцвѣтавшія въ тишинѣ сельской, и отъ времени Опрепѣва не выдавшія предъ собою вражеской силы; а шеперь — все спремилось къ ихъ испребленію! Горестно взирали мы на прелест-

...долженствующіе вскорѣ иска-
 ... военныхъ бѣдшвій; невольно
 ... къ сердцу Царства Русска-
 ... съ поникшими головами, спы-
 ... взглянуть на злашверхую машуш-
 ку, которую не могли защишишь опъ ги-
 ... Смертоносное оружіе въ рукахъ вон-
 ... казалось бесполезнымъ, и сила чело-
 ... недѣйствительною проптивъ шор-
 ... врага, поправшаго царства
 Христіанскія. Въ слабыхъ умахъ утверди-
 лась мысль о сверхъестественности На-
 полеоновой; припоминали всеобщее о немъ
 въ церквахъ прокляшіе, и грамотѣи гово-
 рили, что его имя почто находится въ
 Апокалипсисѣ. Такъ физически и нравствен-
 но сокрушались многіе изъ Русскихъ вон-
 новъ, презиравшіе до шого всѣ ужасы
 смерти.

Въ слѣдующій день не дошли мы только
 4-хъ верстъ до столицы. Войски располо-
 жились на Воробьевыхъ горахъ въ боевую
 позицію; по линіи фронта построены бы-
 ли редушы, и пошому ожидали, что и
 шущъ произойдетъ рѣшительная битва,
 ужаснѣе Бородинской. Злашверхая Москва
 разспялалась вдали, по всему горизоншу,
 передъ нашими взорами, на необозримое про-
 странство, и, казалось, вопіяла къ сынамъ
 своимъ защишишь ея неприкосновенность.

Одинъ видъ эпои прекрасной и древней сполицы Русскаго Царства, въ сосполннн былъ вдохнушь въ воиновъ опчаянное мужество, для ея защиты. Смотри на ихъ мрачныя лица, казалось, что каждый гошовъ былъ умереть защищая родимое, въ чемъ заключалась послѣдняя слава и величье Русскаго народа. Но обспояпельсшва гошповили вовсе иное, неожиданное.

Среди общаго волненія духа и мыслей, на краю гибели опечесшва, никто не опшавался безъ участія. Товарищи мои, и всѣ офицеры, были задумчивы; опъ рѣдкаго изъ нихъ можно было добиться слова; кто что чувспвовалъ, не могъ выразишь. Командиръ нашей роты, Капитанъ Фигнеръ, часпо, и болѣе всѣхъ, предаваясь мрачному молчанію, не слышалъ того, о чемъ ему доносили по службѣ; онъ только развѣзжалъ верхомъ для разсвяннн, и предосшавилъ мнѣ попеченіе о ротѣ.

Впечатлѣннн при видѣ погибающей сполицы, и ненависть къ врагу опечесшва, споль сильно пошревожили и мое воображеніе, разгоряченное послѣдспвіями коншузії въ голову, что я къ ушпру видѣлъ подлинно патріотическій сонъ. Мнѣ предосшавилось, что какимъ-шо случаемъ я очутился въ непріятельскомъ лагерѣ, перодѣшый какъ Французъ, для того, что-

жизнь ему то, что можешь быть (думалъ Фигнеръ) отъ него скрывали. Онъ объяснилъ въ своемъ замѣчаніи, что во всѣхъ боевыхъ позиціяхъ прошедшихъ кампаній, слабость лѣвыхъ фланговъ нашихъ армій всегда заставляла непріятеля усpreмляшь на нихъ главные свои силы, и чрезъ то достигать вѣрной побѣды. Переписавши на бѣло свое военное замѣчаніе, Фигнеръ выбрился, пригладилъ голову и поѣхалъ въ главную кварширу. Онъ былъ тогда въ какомъ-то энтузіазмѣ.

Между тѣмъ въ главной кварширѣ составилъ военный совѣтъ изъ всѣхъ старшихъ Генераловъ, и Фельдмаршалъ рѣшилъ войскамъ релироваться, а Москву оставилъ непріятелю — для его гибели. Опдашь безъ боя древнюю столицу Имперіи, могъ только одинъ Фельдмаршалъ Князь Купузовъ, какъ истинный сынъ Россіи, вскормленный ея сосцами; всякой другой полководецъ, въ народномъ мнѣніи былъ бы признанъ за эпу жертву явнымъ измѣнникомъ. Такъ, для спасенія цѣлой націи, великая жертва позволительна, если она предложена отъ перваго, избраннаго защитника.

Вечеру Фигнеръ возвратился въ лагерь, и съ удовольствіемъ рассказывалъ, какъ ласково принялъ его Фельдмаршалъ, хотя

досхупъ до него былъ пруденъ; какъ милосхиво выслушалъ военное замъчаніе, поблагодарилъ его, обласкалъ и общалъ упохребилъ *для важнаго дъла*. Фигнеръ говорилъ, что болъе всъхъ способсховалъ ему доступилъ къ Фельдмаршалу Начальникъ его Шшаба, Алексѣй Пепровичъ Ермоловъ. Фигнеръ съ особеннымъ чувсховомъ превозносилъ этого Генерала, и называлъ его — *щитомъ отечества*.

Въ ночь съ 1-го на 2-е Септября прохулись всъ войски. Подъ видомъ того, что бы не позволилъ непріятелямъ обойдти насъ съ фланговъ, приказано было идти черезъ Москву. Нашъ 4-й Корпусъ, уже съ разсвѣхомъ дня, послъдній шелъ къ городу за другими. Арріергардъ, подъ начальсховомъ Генерала Милорадовича, осхавался на мъсхъ, для вспръчи Французовъ. Охсхупленіе наше производилось въ спрогомъ порядкъ и въ унылой пишинъ. Приближаясь къ осирошъвшей спюлицъ, махери городовъ Русскихъ, войны съ сокрушенными сердцами взирали на великолъпныя зданія, осхавляемые врагу: Пашкова домъ, особенной архисхекшуры, многіе другіе огромные и красивые дома, наконецъ Кремль съ гописхескими башнями, съ высокими палатами древнихъ Царей Русскихъ, и съ злапоглавымъ Иваномъ-Великимъ, безмолвными сви-

дѣшеями предспоящихъ бѣдспвій — все это оспавлялось въ жерпву неприяпелю ! И пысячи Рускихъ бѣгупть ошъ него съ оружіемъ въ рукахъ ! Споль скорбныя мысли приводили насъ въ неописанную гореспь, и, спѣсная грудь, испорпали слезы. Несчастныя жипели своимъ опчаяніемъ увеличивали общую гореспь. Священники передъ церквами, въ полномъ облаченіи, благословляли Св. Креспомъ и кропили Св. водою проходящихъ мимо солдатъ, освяжая пѣмъ упадшій духъ. На каждомъ шагу предспавлялись гореспныя явленія: жены, спарцы, дѣши плакали и выли, не зная куда дѣвались. Иные выбѣгали изъ домовъ блѣдныя, опчаянныя, и суешились не понимая о чемъ: все въ глазахъ ихъ разрушалось и казалось, съ приближеніемъ Антихриста, свѣшпоспавленіемъ.... Мужеспвентѣйшіе войны содрогались, взирая на спакія явленія въ погибающей сполицѣ своего опчеспва. Общее движеніе, шумъ проходящихъ, мракъ осенняго дня, и спрашная мысль о приближеніи неприяпела, были предзнаменованіями всѣхъ ужасовъ разрушенія Москвы.

Солдаты шли уныло въ рядахъ, Генералы и офицеры по своимъ мѣспамъ. Во время перехода войскъ по набережной, между Кремлевскою спѣною и рѣкою, у Каменнаго моста, для наблюденія за поряд-

комъ марша, споелъ Главнокомандующій 1-ю армію.

Мы прошли за Кремль, внутрь города, и всюду видѣли горе, плачь, опчаяніе. Офицеры спали сходясь вмѣстѣ для бесѣды о предсвопомъ, которое для всѣхъ было чрезвычайно непонятно; шутъ и рядовые, водъ предлогомъ напишья водицы, ускользали въ ближайшія лавочки, дома и погреба, открытые, какъ будто для угощенія проходящихъ: шамъ-по прощались они съ мапушкой Москвою....

Передъ заспавою, мы вышли на большую, широкую улицу, заспавленную въ нѣскольکو рядовъ обозами: коляски, брички, шѣлеги ѣхали, вмѣстѣ съ артиллерією, по обѣ стороны. Тутъ предспавлялась спранная смѣсь всякаго званія людей и экипажей; повозки были наполнены сундуками, узлами и перинами, на копорыхъ сидѣли служанки, а лакеи, сзади повозокъ, вели лошадей и борзыхъ собакъ. Казалось, всякой въ шорпахъ забиралъ только одни любимые предмешы, для спасенія изъ города. Иныя повозки выпѣсняли одна другую изъ рядовъ. Фигнеръ позволилъ многимъ изъ нихъ приспашъ къ своей артиллеріи, до самаго выѣзда. Пѣхона опъ насъ ошдалилась, и проходила городъ окольными улицами. За заспавою, вся дорога и поле были устланы

разнаго рода экипажами, людьми, лошадыми, собаками: всѣ спѣшили, въ одномъ направленіи съ войсками, по Рязанской дорогѣ. Верспы за при, жищели спали опгъ насъ ошдѣляться, и мало по малу разсѣялись по проселочнымъ дорогамъ.

Къ вечеру опошли мы опгъ Москвы до сел. Панки (15 верспъ) и увидѣли въ городѣ пожаръ: эпо было шолько начало. Черезъ ночь пожаръ усилился, и по упру, 3-го Септября, уже большая часпъ горизонпа надъ городомъ означилась пламенемъ: огненные волны восходили до небесъ, а черныи гущой дымъ, клубясь по небосклону, разспилался до насъ. Тогда всѣ мы невольнo содрогнулись опгъ удивленія и ужаса. Суевѣрные, не поспигая чпѣ совершается предъ ихъ глазами, думали уже, съ паденіемъ Москвы, видѣшь паденіе Россіи, поржество Аншихриспа, попомъ скорое явленіе спрашнаго суда и кончину свѣща. Мѣсто удивленія заспуило негодование: «Вошь шебъ и злапоглавая Москва! Кра-« суйся, машушка, Русская сполица!» говорили солдапы съ большою досадою. Вечеру, когда смерклось, Фигнеръ подѣхалъ ко мнѣ и сказалъ: «Ну, брапъ Илья! « прощай! ѣду въ Москву. Если черезъ недѣлю не возвращусь, по не считай въ « живыхъ. Я просилъ Генерала Ермолова,

« чшобъ ты оспался безъ меня командо-
 «вашь рошою, » — пожалъ руку и скрыл-
 ся. Эши слова изумили меня не менѣ Мо-
 сковскаго пожара: « ѣду въ Москву, черезъ
 педѣлю не счишай въ живыхъ » — были
 спрашною загадкою.

Послѣ роздыха 3-го Септября, въ слѣ-
 дующій день пронулись мы въ походъ по
 Рязанской дорогѣ. Пламя горящей споллицы
 разливалось по небу, и клубящійся дымъ
 взвивался высоко, образуя густыя, черныя
 облака. Погода была пасмурная, холодная
 и влажная, соопвѣшсшвующая обспояшель-
 сшвамъ.

На эпомъ переходъ случай доспавилъ мнѣ
 чеспъ говоришь съ самимъ Фельдмаршаломъ
 Княземъ Кушзузовымъ. Я съ аршиллерією
 долженъ былъ переходить, проселочною до-
 рогою, черезъ одну рѣчку, по весьма сла-
 бому мосту, кошорый расшатаался опъ
 прошедшей по немъ пѣхошы и аршиллеріи.
 Осмопрѣвши его съ крушыхъ береговъ, я
 замѣшилъ опасносшь, и, никакъ не рѣшаясь
 пройди по немъ съ своими пушками, во-
 рошилъ на большую дорогу, чшобы, хопя
 нѣсколькo далѣе, въ обходъ, но перейди
 безопаснѣе. Мое обратное слѣдованіе съ ро-
 шою аршиллеріи замѣшилъ Фельдмаршалъ,
 ѣхавшій въ крышой коляскѣ, подозвалъ ме-
 ня къ себѣ и спросилъ, чшо эшо значишь?

Я отвѣчалъ ему; тогда онъ приказалъ, одному изъ находившихся при немъ колонновожатыхъ, провести артиллерию удобнѣйшею и ближайшею къ нашей дивизіи дорогою, по которой далъ направленіе и прочимъ обозамъ. Говоря съ Княземъ, я видѣлъ его важное и спокойное лицо; казалось, онъ былъ въ полномъ увѣреніи о предположенномъ переворотѣ судьбы непріятелей, и ожидалъ только успѣха, долженствующаго увѣнчать его мудрыя предпріятія для спасенія опечесива.

За рѣчкою я примкнулъ къ своей пѣхотѣ. Мы проходили мимо одной великолѣпной мызы и села, на Москвѣ рѣкѣ лежащихъ. Все было шустъ пусто и оставлено на произволъ проходившихъ. Артиллерию пришлось идти черезъ садъ, мимо длинной оранжереи, наполненной лимонными и помаранцевыми деревьями, почти съ зрѣлыми плодами. Я прогулялся по ней, среди разнообразной зелени, и съ сожалѣніемъ видѣлъ много вадокъ и горшковъ опрокинутыхъ, деревьевъ поломанныхъ, и сшеколъ выбитыхъ. Такъ война испребляла въ самыхъ недрахъ опечесива произведенія изящныхъ залпѣй.

Переходъ былъ не болѣе 15 верстѣй. Мы перенесли Москву рѣку у Боровскаго переезда, по мосту, и расположились въ бое-

вошь порядкъ на висопахъ извесчковаго берега. Съ энихъ холмовъ ясно предспавлялась намъ каршина пылающей со всѣхъ споронъ споллицы. Только что расположились мы на бивакахъ, какъ вдругъ раздался ужасный взрывъ пороховаго погреба въ городѣ: эшопъ ударъ попрясъ всѣ окреспности, и эхо спрашнымъ грохопомъ передало его во всѣ концы горизонпа. Во мнѣ попчасъ мелькнула мысль о Фигнерѣ, и его прощань....

Продолжая опспуленіе, 5-го Сенпября мы вдругъ поворопили на право, къ югозападу, и пошли по р. Пахрѣ, мимо Никшска; для ночлега оспановились прошивъ Фроловскаго яма.

Слѣдуя далѣе по Пахрѣ, 6-го Сенпября спали прошивъ города Подольска. Генералы заняли кварширы въ городѣ, а войски за нимъ, въ верспѣ распоянїа, расположились биваками, по обѣимъ споронамъ дороги. Уже время года было осеннее, земля влажная, обнаженная; покуда солдапы успѣвали поспроить кой-какїе шалаши и добыть дровъ, офицеры довольно зябли. Впрочемъ хлѣба, мяса, водки и овса у насъ было доспапочно; передъ Москвою намъ вволю всего надавали; только для лошадей шрудно было найдши сѣна. Въ Подольскомъ Казначейспѣ, къ нашей не-

большой оспрадъ, оспавалась кака-шо пш-желая казна мѣдныхъ денегъ, съ кощорою, въ насшощей опасншши, не знали чшо дѣлашь, а пошому заблагоразсудили раз-дашь ее войскамъ. Ошъ каждаго полка и аршиллерійской ролы пошребовали коман-ды для приняшя денегъ, сколько прихш-дилось кому по разсчешу; въ пошь числѣ и ко мнѣ въ ролу принесли чшо слѣдовало, пшшаками. На походъ ошъ самой Вильны, мы пошспрашлись деньжонками, и задол-жали маркипаншамъ; прилива-же никако-го не имѣли, и даже думали, чшо, пош-рявши Москву, вовсе не будемъ получашь жалованья, а пошому эшощъ скудный даръ былъ намъ весьма кспалши.

Между шѣмъ шещь дней и шещь но-чей Москва умирала, превращаясь въ пе-пель. Пламень ея разрушенія сдѣлалъ не-изгладимое впечапшлѣнше въ умахъ и чув-сшвахъ не однихъ сыновъ Россіи, но и въ неприяшеляхъ. Ея гибель пошрасла не шолько Россію, но и всю Европу — даже оспразилась по вѣмъ спранамъ свѣша, ибо съ минушы ея превращенія въ пепель, по-спешенно спали являпшся пѣреворшпы въ полишическомъ мшрѣ обоихъ машериковъ свѣша. Такъ въ шещшй день исчезло шо, чшо расло и процвѣшало шещь вѣковъ. Легли въ прахъ злшшшвершіе храмы, гордо

возвышавшіеся къ небесамъ; легли въ прахъ произведенія изящной архитектуры, предметы наукъ и художествъ; легли въ прахъ всѣ радости и наслажденія роскошной жизни. Только Кремль съ башнями еще оспался, чпобъ бышь свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ, и передашь попомспву событіе. Пожаръ Москвы еспъ происшествіе знаменитое въ Испоріи міра, и славнѣйшая кашаспрофа въ Испоріи Россіи. Подобное едва - ли можно найдши въ опдаленной древности минувшихъ вѣковъ; новѣйшія времена, съ успѣхами просвѣщенія, смягчившаго суровость нравовъ, не представляющъ примѣра споль чрезвычайной жершвы папріюпизма. И поштъ, кпо первый внесъ искру всесожженія въ спольцу, или былъ главною причиною эпои доспославной жершвы любви къ оппечеспву, поштъ испинно былъ Рускій духомъ и сердцемъ. Слава его имени возраспешъ съ опдаленіемъ вѣковъ, въ преданіяхъ попомспва.

7-го Септября оппшли мы недалеко, и спали на биваки за лѣсомъ. Главная кваршира Фельдмаршала перешла въ село Красную-Пахру.

Легкія орудія аршиллеріи снова размѣспили по полкамъ. Мнѣ, съ 4-мя пушками, доспалось бышь въ Перновскомъ полку; но какъ, въ опспульспвіе Фигнера, я оспа-

вался командующимъ ропшою, шо и дол-
женъ былъ находишься вездѣ при другихъ
орудіяхъ, въ полкахъ Елецкомъ и Полоц-
комъ.

Не понимая фланговаго марша, и не ви-
дя предъ собою непріятелей, всѣ думали,
что конечно идушь переговоры о мирѣ; да-
же носились слухи, будто-бы Россійское
Правительство уступаетъ Наполеону всѣ
пройденныя имъ губерніи до Днѣпра, съ го-
родомъ Смоленскомъ, и сверхъ того даетъ
вспомогательный Корпусъ войскъ, для ис-
пробленія въ Индіи Англійскихъ владѣній.
По эшимъ-ли слухамъ, или пошому, что
дымящаяся въ пеплѣ Москва все еще на-
ходилась передъ глазами нашими, только
общее негодованіе въ войскѣ и патриоти-
ческой ропшѣ въ рядахъ воиновъ увеличи-
лось до того, что заставили обратишь
на себя вниманіе главнаго Начальства.

Для успокоенія сыновъ Россіи, огорчен-
ныхъ поперею шполицы, шпш, на кого
болѣе обращалось это негодованіе, какъ
на производишеля безконечной ретирады и
причину несмѣшныхъ попереъ, рѣшился
явишься самъ передъ войсками, съ спокой-
нымъ челомъ, увѣренный въ правоту своей.
Кшо знаетъ Русскаго солдата, шпш знаетъ
шпакже, что одно доброе слово опъ на-
чальника внушаетъ въ него довѣріе, и воз-

вышаешь упавшій его духъ. Такъ Главною командующей 4-ю арміею Барклай-де-Толли ѣздилъ по линіямъ войскъ, и, останавливаясь передъ каждымъ полкомъ; говорилъ краткую, но сильную и ободрительную рѣчь. Въ это время я случился при Елецкомъ полку, съ артиллеріею, когда почтенный Генералъ, одинъ, безъ знаковъ отличія, въ скромномъ мундирѣ, явился передъ воинами; и, остановясь близко къ нимъ, говорилъ достопамятную рѣчь такого содержанія: « Храбрые воины! вѣрные сыны Россіи! Я вижу уныніе на лицахъ вашихъ, выражающихъ печаль сердца, слышу патриотическій гласъ негодованія. Наспоящее событіе; конечно, прискорбно для каждого Русскаго, но оно еще не есть конецъ начатаго дѣла. Часто, среди крайностей, пребующа великія жертвы для спасительныхъ послѣдствій. Вспомните, какъ Государь Петръ I-й на- ходился нѣкогда въ подобныхъ нашимъ обстоятельствахъ; вспомните, какъ онъ завелъ врага своего подъ Полшаву, и самъ погубилъ его. Мы, съ помощію Божіею и съ вашимъ мужествомъ, надѣемся по- же сдѣлать, если только вы съ твердностію и крѣпостию предадитесь волѣ пу- шеводителей своихъ, которые ведутъ васъ для спасенія отечества и для соб-

« сшвенной вашей славы. Правда, сполница
 « наша превращена въ пепель; но знайте,
 « что изъ пепла сего возрождается гибель
 « врагу и всей его силъ: скоро почув-
 « ствуетъ онъ испребленіе. Уже войски
 « его, изнуренныя нуждою и шрудами даль-
 « няго похода, войски до половины ва-
 « ми побитыя, поперяли успройштво и
 « бодрость: они предспавляють не что
 « болѣе, какъ шолпу бродягъ, алчущихъ
 « добычи и ироншанія. Скоро увидите
 « вы передъ глазами своими погибель но-
 « ваго Карла XII-го; скоро онъ побѣжитъ
 « онъ васъ быспрѣ молніи, но не выне-
 « сешъ копей своихъ изъ Царшва Рус-
 « скаго, и прахъ его развѣенся подъ спо-
 « ами вашими! » — Последнія слова были
 сказаны съ выразительностью, и съ жа-
 ромъ, который перелился въ сердца слуша-
 телей.

Такимъ образомъ почтенный вождь гово-
 рилъ передъ каждымъ полкомъ—и прими-
 рился съ воннами. Рѣчь его еще болѣе во-
 зымѣла дѣйствія, когда онъ, въ каждомъ
 полку, по нѣскольку опличныхъ рядовыхъ
 произвелъ въ уншеръ-офицеры, и раздалъ
 по нѣскольку знаковъ опличія военнаго ор-
 дена Св. Георгія за храбросшь. Въ одномъ
 Елецкомъ полку онъ произвелъ 20 чело-
 вѣкъ солдашъ въ уншеръ-офицеры. Послѣ

этого всё ободрились. Спарые усачи припоминали преданія опцовъ своихъ, какъ подлинно Шведъ былъ разбишь на голову подъ Полшавою, и надѣялись, что съ Наполеономъ Карловичемъ по-же можешъ случишься, ежели сами посповашъ грудью до послѣдней капли крови, и предадушъ совершенно во власшь начальниковъ. Уже не спали горевашъ о Москвѣ, говоря, что Царь де нашъ изъ каждаго городка можешъ поспавишь сполицу, шакъ-же какъ Петръ Великій изъ болоша вывелъ Пишеръ.— Къ вечеру, во всѣхъ полкахъ заиграла музыка духовая и роговая: вездѣ запѣли пѣсни, и воинское веселье опять разлилось по спарому. Тихая погода, пріятное зарево заходящаго солнца по чиспому небо-склону, опголоски музыки, повшоряемые эхомъ изъ лѣса, кошорый закрывалъ передъ нами дымъ курящейся подъ пепломъ Москвы; ушѣшишельныя бесѣды, ушѣшишельная надежда на будущее, полная довѣренность къ распоряженіямъ Фельдмаршала: все эшо вмѣспѣ романически услаждало сердце каждаго воина. Въ продолженіе цѣлаго похода, никогда я не имѣлъ споль пріятныхъ ощущеній.

Фельдмаршалъ, сдѣлавши съ войсками поворошъ на Тульскую дорогу, сдругъ пере-мѣнилъ опспунашельное движеніе въ угрожа-

ющее непріятельскому пылу. Онъ предотвратилъ Французамъ идти въ сѣверныя губерніи, но, обратившись самъ къ югу, прикрылъ свое сообщеніе съ арміями Тормасова и Чичагова. Еще болѣе онъ тѣмъ охранилъ южныя плодородныя губерніи, кошорыя доставляли ему всѣ способы къ продолженію войны безъ нужды. Такимъ образомъ, искусный полководецъ нашъ, одними просшымъ оборотомъ, доставилъ Русской арміи большія выгоды предъ непріятелемъ, и разспроилъ, привелъ въ замѣшательство всю стратегію своего анпагониста. Кто не признаешь превосходства воинскихъ соображеній Русскаго Фабія? Какой сынъ Россіи съ благоговѣніемъ въ сердцѣ не почтешъ его спасителемъ опечесства?

Послѣ совершившихся событій, и проспой воинъ не можетъ надивиться ошибкамъ великаго Наполеона, ослѣпленнаго счастьемъ. Казалось, мысли его сполько были заняшы Москвою, что онъ потерялъ изъ вида всѣ правила Военнаго Искусства. Первая ошибка его была та, что оставивъ базисъ своихъ дѣйствій, онъ выскочилъ изъ середины его опъ Смоленска, прямою линією на 300 верошъ къ Москвѣ — зажигащельному фокусу своихъ бѣдспвій; вторая ошибка была та, что при Бородинѣ слишкомъ

увлекся онъ кровопролишiemъ въ бишвѣ, и упустилъ изъ вида успремиться всѣми силами по старой Смоленской дорогѣ. Третья ошибка па, что онъ погнался цѣлою арміею за нами къ Москвѣ. Онъ могъ-бы пустишь по большой дорогѣ одну кавалерію, съ однимъ Корпусомъ пѣхошы, а самъ со всѣми прочими обрашиться чрезъ Вереву и Боровскъ, чшобы, слѣдуя боковымъ движеніемъ, на лѣвомъ флангѣ нашего опспупленія, подкрѣпишь свои войски жизненными пошребносшями изъ южныхъ губерній. Тогда онъ опдѣлил-бы сообщеніе нашей арміи съ Тормасовымъ и Чичаговымъ. Занявши прежде насъ южныя губерніи, онъ могъ-бы пакже, хошя нѣсколькими днями позже, овладѣшь Москвою, ибо, по обширности ея, наша девяностопышлчаная армія. не въ сосшояніи-бъ была зашшишь ее прошивъ спа пшшдешашш пышячь. Тогда мы, спчно, должны-бъ были идши къ Владиміру или къ Ярославлю.

Фельдмаршалъ Князь Кушуповъ конечно былъ весьма увѣренъ въ ослѣпленіи своего прошивника, ибо не почелъ за нужное приняшь мѣръ для зашшишы дороги на Вереву, при опспупленіи своемъ опъ Можайска. Онъ пакже могъ-бы, для приманки Наполеона къ Москвѣ, опшавишь одну кавалерію съ Корпусомъ пѣхошы, а самъ, обра-

пясь къ южнымъ губерніямъ , защитишь ихъ благовременно ; но такое движеніе не могло-бы укрыться ошъ Наполеона ; онъ догадался-бы, для какой цѣли оно производится, и тогда успѣлъ-бы не только овладѣшь Москвою, но и переменить вовсе планъ дѣйсвій, поперявъ надежду на миръ. Фельдмаршалъ могъ предвидѣшь эту опасность, а потому, кажется, почелъ за лучшее не выводишь врага своего изъ ослѣпленія до самой Москвы, откуда внезапнымъ поворотомъ вдругъ привелъ его въ изумленіе и замѣшательство.

8-го Сентября продолжали мы въ данномъ направленіи обходишь Москву, ошъ Тульской дороги до Калужской. Тупъ уже всѣ спали разумѣшь, что идушь въ пылъ непріятелю; каждый удвоивалъ шаги, желая заспашъ его врасплохъ, и солдаты сожалѣли, что переходы были не большіе.

10-го числа войски вошли въ боевую позицію при Красной-Пахрѣ , и проспояли шупъ до 13-го числа спокойно, ошдыхая въ полной безпечности. Будучи увѣрены въ недоумѣніи непріятеля , всѣ ожидали важныхъ послѣдствій ошъ благоразумныхъ распоряженій Фельдмаршала. Скоро явились первые успѣхи: ежедневно спали приводишь къ намъ по 200 и по 300 плѣнныхъ Французскихъ мародѣровъ, копорыхъ

Казакѣ находили въ ближайшихъ селеніяхъ. Между плѣнными были и гвардейцы, рослые молодцы, и офицеры въ щегольскихъ мундирахъ. Пріятно было видѣшь, какъ безъ кровопролищія доспавались намъ цѣлыя паршіи шѣхъ спрашныхъ враговъ, опгъ кошорыхъ, до эпого времени, мы безпреспанно уходили. Казалось, уже геній мщенія взлещѣлъ изъ пепла сожженной Москвы, и началъ совершашъ гибель ея убійцамъ.

Въ три дни, при арміи нашей набралось болѣе тысячи плѣнныхъ. Ихъ содержали за лагеремъ, обезоруженныхъ, оставляя въ присвоенной каждому одеждѣ. Любопышно было видѣшь ихъ въ разнокалиберныхъ мундирахъ: голубой гусаръ споялъ возлѣ малиноваго улана; длинный кирасиръ, въ рыцарскомъ шишакѣ, величался подлѣ шощаго Ипальянскаго спрѣлка; гвардейскій арпиллериспъ, въ куней шапкѣ, глядѣлъ съ презрѣніемъ на малорослаго Веспфальца; Французъ съ Голландцемъ, Испанецъ съ Полякомъ, Баварецъ съ Ипальянцемъ, предспавляли спранную смѣсь Европейскихъ націй въ одной шолпѣ. Сами они дивились своему спеченію; многіе не понимали другъ друга, какъ при Вавилонскомъ сполпвореніи, и шолько нѣкошорыя слова языка господспвующей націи давали разу-

иѣшь имъ, что всѣ они сушь сподвижни-
ки одного генія испребишеля. Въ полдень
имъ раздавали супочную порцію пропитанія.
Иные, будучи еще не голодны, принимали
нехочя эпюпъ скудный даръ; иные, съ
униженною гордостію, чувспвуя свое
бѣдспвіе, покорялись необходимости; одни,
проголодавшись, по еспешспвенному побу-
жденію, для сохраненія жизни, шупъ-же
языкомъ вбирали въ ротъ и глотали су-
хую муку; другіе заверспывали ее въ шряп-
ки, какъ драгоцѣнность, или пекли въ
горячей золь лѣпешки. Пльнные, имѣя на
себѣ мундиры, воображали еще свое воин-
ское быніе; но принимая горспъ муки,
какъ даръ опъ непріяшеля, для продолже-
нія жизни, съ спыдомъ видѣли ничпжную
сущеспвенность. Многіе изъ нихъ имѣли
у себя разныя вещи, бронзовыя и серебря-
ныя, награбленныя ими въ Москвѣ, какъ-
шо перспеньки, серьги, колечки и про-
чее. Они шорговали ими, и добрые солда-
ты наши вымѣнивали на хлѣбъ и сухари,
или покупали за деньги шо, что могли-бы
опнпять опъ грабшелей, какъ имъ не при-
надлежащее.

Между шѣмъ получено было въ лагерѣ
пріапное извѣспіе, что Генераль Доро-
ховъ, посланный съ опрядомъ на Можай-
скую дорогу, въ шылъ непріяшелю, взадѣ

нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, сжегъ паркъ, перехватилъ почту, курьеровъ, и отбилъ восемь пудъ награбленнаго серебра, отпра- вленнаго изъ Москвы къ Смоленску.

Французы, занятые Москвою, ея пожа- ромъ, грабежемъ и раздѣломъ добычи, ка- залось, забыли объ насъ, или, ослѣпленные мнимою побѣдою, съ поржесивомъ ожида- ли заключенія мира; они не прежде обра- зумились, какъ уже по исплѣннн Москвы. Не видя опъ насъ никакихъ денушашовъ, копорые-бы просили съ покорностію по- щады, они бросились по всѣмъ дорогамъ ошыскивать нашу армію. Къ удивленію своему, Французы сполкнулись съ нею поч- ши въ шылу у себя, передъ Красною - Па- хрою.

13-го Сенсября непріятели вышли изъ города Подольска, по направленію во флангъ боевой позиціи нашей арміи. Чшобы не дать имъ выйдши на Тульскую дорогу, и прикрышь правый флангъ свой, Фельдмар- шаль, по полудни въ 3 часа, оспрядилъ 4-й пѣхотный Корпусъ, со 2-мъ кавале- рійскимъ, подъ командою Графа Осперма- на-Толсшаго, къ Подольску. Едва успѣли мы пройдши верспъ 15, какъ вспрѣпились съ непріяшелемъ, съ копорымъ уже давно не видались. Французы, увидѣвши насъ, подвинулись къ намъ верспы на 4 ближе.

Мы свершивали и развершивали колонны, и, маневрируя, въ боевомъ порядкѣ опшсупали въ виду ихъ, безъ выспрѣла; опшановились - же для ночлега не доходя сел. Александрова.

На другой день войски перемѣняли боевыя позиціи и, маневрируя, опшсупили до вечера не болѣе 8 верспъ, также безъ выспрѣла. Непрїяшель, казалось, не зналъ въ почности нашихъ силъ, былъ опшороженъ, маневрируя также за нами, опшепенно приближался, и къ ночи опшановился, верспяхъ въ 3-хъ опъ насъ. Между лѣмъ главная кварпира нашей арміи, опъ Красной-Пахры, опшсупила по Калужской дорогѣ къ д. Бабенковой.

15-го Сеншября, по ушпру, нашъ опрядъ спалъ опшсупать, и пройдя верспъ 5, занялъ позицію близъ с. Нѣмчинина: лѣхота съ аршиллерією расположились по опушкѣ лѣса. Впереди насъ проспиралась небольшая долина, закрытая лѣсомъ. Правѣ, передъ с. Сашинымъ, находилась дивизія Генерала Паскевича, а влѣво опъ насъ, по Калужской дорогѣ, былъ арриергардъ арміи, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, опъ кошораго, шакъ-же какъ и опъ дивизіи Паскевича, мы опдѣлялись лѣсомъ на небольшое проспраншво. Впереди нашего фронта были разсыяны Башкирцы

съ частію драгуновъ; они выманивали непріятельскихъ фланкёровъ изъ лѣса, за которыми силы его опъ насъ скрывались. Погода была пасмурная и влажная, но деревья еще оспавались въ зелени. Въ 4 часа по полудни показались изъ лѣса непріятельскія колонны прошивъ праваго фланга нашей линіи, и тогда фланкёры начали игру свою. Мы любовались особенно ловками и хитросію Башкирцевъ, которые въ ушасныхъ шапкахъ своихъ, бросая стрѣлы, какъ Амуръ, увивались около манежныхъ шассёровъ Французскихъ, наспигали ихъ, уходили, и заманивали къ засадамъ; потомъ снова спекались въ полпу, нападали съ визгомъ, и опять разсыпались. Графъ Осперманъ-Толстой, укушанный въ бурку, съ грознымъ лицомъ стоялъ на флангъ при нашихъ пушкахъ, ожидая рѣшительнаго движенія непріятелей, и, казалось, негодуя на его медлительность. Фланкёры съ Башкирами продолжали шумить до самаго вечера, безъ урона съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, вправо слышна была канонада: тамъ непріятель прѣснилъ дивизію Генерала Паскевича. Въ 4-хъ верстахъ впереди, лѣвѣ прошивъ насъ, ночевалъ Корпусъ Князя Поняшовскаго. Нигдѣ ночью непріятели не показывали огней своихъ; по всему вид-

но было, что они наблюдали крайнюю оспороженность.

Въ слѣдующій день прошли мы только 3 версты, ведя за собою Французовъ; къ вечеру перешли рѣчку Мочу, при дер. Окуловой, и оподвинулись еще версты двѣ, приближаясь все къ Калужской дорогѣ на село Вороново. Тутъ, по опушкѣ лѣса, заняли мы оняшь довольно выгодную позицію. Пропивъ линіи, къ правому флангу, простирался лѣсъ, который занимали егеря и драгуны; лѣвымъ флангомъ сближались мы съ арріергардомъ Генерала Милорадовича, а къ правому у насъ примыкала дивизія Паскевича.

17-го Сентября оспавались въ помѣже положеніи. На лѣвомъ флангѣ нашемъ, въ арріергардѣ главной арміи, слышали мы сильную канонаду; шумъ происходила порядочная сшибка. Въ то время, какъ кавалерія Короля Неаполитанскаго занималась съ нашимъ опрядомъ, Князь Понятовскій съ своимъ Корпусомъ шелъ къ селу Воронову, и встрѣтился шумъ съ Генераломъ Милорадовичемъ, который разбилъ его.

Въ опрядѣ нашемъ до полудни было спокойно. Уже передъ вечеромъ, въ 4 часа, непріятель спалъ развертывавъ свои колонны по ту сторону возвышеннаго бе-

рета р. Мочи. Цѣлый часъ разсмапривалъ онъ насъ, ничего не предпринимая; потомъ началъ спускаться черезъ рѣчку на нашу сторону, въ долину, сперва ползвода кавалеріи; потомъ взводъ, эскадронъ, и такъ далѣе всею массою, не подкрѣпивъ эпого движенія артиллерією. Мы позволили имъ приблизиться сажень на 200 въ добромъ порядкѣ, потомъ вдругъ изъ всѣхъ батареѣ съ линіи пустили ядрами и гранатами, такъ что въ нѣсколько минутъ разстроили всю тактику кавалеріи, которая мигомъ улѣтѣла за рѣчку, и шѣмъ насъ довольно попѣшила. Послѣ эпого Французы ничего не запѣвали, и мы спокойно оспавались на мѣстѣ до слѣдующаго дня.

Разсказывали, что въ то время, какъ непріятельская кавалерія передъ нами парадировала, изъ Шпаба Короля Неаполитанскаго Генераль Ферье съ адъютантомъ углубились въ лѣсъ, и срисовывали нашу позицію; вдругъ, пришившійся за деревьями, Псковскаго драгунскаго полка унтеръ-офицеръ выскочилъ съ пистолетомъ въ рукѣ, и, успавивши Генералу въ грудь смертоносное оружіе, спрашно вскричалъ: «Спой, пардонъ!» — Генераль съ адъютантомъ сполько были заняты своею топографією, что не успѣли бросить карандашей, и,

взялся за шпаги, какъ уже драгунъ, съ подоспѣвшимъ къ нему шоварищемъ, подхватилъ ихъ, и поскакалъ съ ними въ линію пѣхопы.

Видно, непріятель не имѣлъ прошивъ опряда нашего доспашочно силъ, а потому и не превозилъ насъ; тогда приказано было 4-му Корпусу Графа Оспермана опойдти къ главной арміи. 18-го Сенпября, по смѣнѣ насъ дивизією Генерала Паскевича съ драгунами, опошли мы 3 вершы, и соединились съ арріергардомъ Генерала Милорадовича на Калужской дорогѣ.

20-го Сенпября, въ 5 часовъ упра, Корпусъ Графа Оспермана проходилъ мимо пылающаго дома Графа Роспопчина въ Вороновѣ. Генералы и офицеры оспанавливались передъ эшимъ необыкновеннымъ явленіемъ, ибо говорили, что самъ Графъ своею рукою зажегъ домъ, гдѣ было его любимое мѣспопребываніе, гдѣ онъ вкушалъ семейственное счастье. Я видѣлъ этого знаменитаго папріюша: съ мрачною думою смошрѣлъ онъ на пламень, обнимающій прекрасныя колоннады и пожирающій каменѣлыхъ спражей ихъ, ценшавровъ. Глядя на предспоящее, казалось, онъ углублялся въ прошедшее, и воображалъ послѣднія радости, съ копорыми не задолго распался подъ кровомъ своего мирнаго

пріюпа. Такъ загоралось сердце его мщеніемъ, и горесшь, наложила печашь на угрюмое чело...—Графъ Располчинъ оспавиль шупъ на сполбъ Французскую надпись для непріяшелей, шакого содержанія: «Восемь лѣтъ украшалъ я эпо мѣспопребываніе, и жилъ въ немъ счасливо, среди семейсшва. Обишашели селенія моего оспавили дома свои при вашемъ приближеніи, а я сжигаю собсшвенный домъ, чшобы не дашь вамъ осквернишь его вашимъ присуспшвіемъ. Французы! я вамъ оспавиль на жернву два дома въ Москвѣ, съ мебелью на полшора милліона рублей; здѣсь оспавляю вамъ пепель шрешьяго!» — Эша черша ожешпоченія Русскаго папріюшизма досшойна изящной кисши живописца.

Съ 4-мъ Корпусомъ прошли мы не болѣе вершпы за Вороново, и шамъ оспановились, для подкрѣпленія арріергарда Генерала Милорадовича, и для связи его съ главною арміею.

24-го Сеншября войски опспунили по большой дорогѣ къ с. Тарушину. Непрїашель, ошкрывши насшоящій пупъ нашей арміи, соединилъ свои силы, и спалъ уже дѣйсшвовашь прошивъ арріергарда насшупашельно. Мы шли во всю ночь; рѣчки съ дурными мосшиками не мало насъ запрудняли. Мѣспоположеніе опъ самага Воронова

пересѣкалось оврагами и пролѣсками, копырые, около большой дороги, образовывали поляны верспы на двѣ шириною, какъ-бы нарочно, способныя для военныхъ дѣйствій небольшихъ опрядовъ.

Въ слѣдующій день, аррьергардъ спалъ пвердою ногою на висопахъ, позади дер. Спасъ - Купли, подкрѣпляемый 4-мъ Корпусомъ. Съ 4-го часа по полудни завязалась у насъ жаркая сшибка съ Французами. Тупъ я имѣлъ случай въ первый разъ видѣть военное искусство Генерала Милорадовича, и любовался порядкомъ, съ какимъ производилъ онъ всѣ движенія войскъ своего аррьергарда: колонны двигались какъ шахматны, башарен бросали перекрестный огонь, цѣпи спрѣлковъ, подкрѣпляемыя резервами, ошходили съ перекапомъ, не прекращая ружейнаго огня; между пѣмъ на обонхъ флангахъ, изъ пролѣсковъ, поминупно выскакивали кавалерійскія засады на неприяшельскихъ спрѣлковъ, и осаждали ихъ. Но когда надлежало оспановишься, по неприятель не могъ двинушься ни шагу впередъ; онъ принужденъ былъ развертывашъ колонны, усиливашъ кавалерійскія ашакы, раздвигашъ башарен. Въ по-же время прошивупоспавляемы были усиліямъ его написка шакія-же усилія опраженія. Не лъзя было не восхищашъся, слушая раз-

сказы, съ какимъ равнодушiемъ и воинскою гордоспiю сподвижникъ Суворова, осыпaeмый непрiяшельскими ядрами и пулями, подъѣзжалъ къ артиллерiи, и говорилъ командиру, указывая на непрiяшелей: « Приказываю вамъ сбить эту башарекю! » — а подъѣзжая къ пѣхошѣ говорилъ: « Солдашны! дарю вамъ эту колонну; возьмите ее! » — Одушевленные, съ крикомъ: ура! солдашны бросались въ шпыки и опрокидывали непрiяшеля. Пушки также повиновались гласу вождя-героя, и сбивали непрiяшельскiя башарен.

Мнѣ однако не удалось бытьъ участникомъ въ этомъ неважномъ, но по военному порядку замѣчательномъ дѣлѣ. Я съ своими пушками только маневрировалъ между пѣхошными колоннами во второй линiи. Нашей бригады одна башарейная рота Подполковника М*** была въ дѣйсвиiи. Между моими пушками только хлопали гранаты непрiяшельскiя, безъ всякаго вреда. Французы, видя щещными свои усилiя сдвинуть аррьергардъ нашъ съ мѣста, при насщупленiи вечера оставили дальнѣйшiя покушенiя.

ГЛАВА VII.

ОТЪ ТАРУТИНА ДО МАЛАГО-ЯРОСЛАВЦА.

ЛАГЕРЬ ПРИ ТАРУТИНѢ. — ВОИНСКІЯ ХИТРОСТИ ФЕЛЬДМАРШАЛА. — ПАРТИЗАНЫ. — ПОДВИГИ ФИГНЕРА. — ХУДОЕ СОСТОЯНІЕ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ АРМІИ. — ПРЕДЛОЖЕНІЕ О МИРѢ. — НАПАДЕНІЕ НА ФРАНЦУЗОВЪ ПРИ Р. ЧЕРНИШНѢ. — ДВИЖЕНІЕ ВОЙСКЪ КЪ МАЛОМУ-ЯРОСЛАВЦУ.

Съ 23-го Сентября по 5-е Октября, почти цѣлыя двѣ недѣли, мы жили покойно въ Тарушинскомъ лагерѣ, не занимаясь Французами. Намъ укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили пулупами, сапогами, удовольствовались сухарями, а лошадей овсомъ и сѣномъ вволю; шупъ выдали намъ прешное жалованье, и сверхъ того нижніе чины за Бородинское сраженіе награждены были по 5-ши рублей ассигнаціями. Откуда что явилось! Изъ южной Россіи везли къ Тарушинскому лагерю по всѣмъ дорогамъ всякіе припасы. Среди биваковъ открылись у насъ лавки съ разными пошребностями для военныхъ людей, заве-

лась торговля, и шустъ подлинно—всѣ загуляли. Креспьяне изъ ближнихъ и дальнихъ селеній прїѣзжали въ лагерь повидашься съ оспавшимися въ живыхъ родшвенниками и земляками; даже креспьянки шолпами ежедневно приходили съ гощинцами въ полки, ошыскивашь мужей, сыновей, брашьевъ. Я видѣлъ шакихъ прихожанокъ, одушевленныхъ воинскимъ папріошизмомъ, копорья говорили: « Только дай намъ, башюшко, пики, шо и мы пойдемъ на Француза » ... Казалось, вся Россія сходилась душою въ Тарушинскомъ лагерѣ, и кто былъ испинный сынъ опечеспва, шошъ изъ самыхъ опдаленныхъ предѣловъ спремился, если не самъ собою, шо сердцемъ и мыслию, къ Тарушинскому лагерю, жершвуя послѣднимъ доспошиемъ. Все драгоцѣннѣйшее для цѣлой Имперіи вмѣщалось въ шѣсномъ проспраншвѣ этого лагеря— послѣднія усилия Россіи. Въ воинской прозорливоспи полководца заключалась послѣдняя надежда погибающаго опечеспва. Еще никшо изъ вождей Русскихъ не былъ спольваженъ и великъ въ виду всей націи, какъ въ шо время Князь Купузовъ. На него успремлялись взоры цѣлой Россіи; опъ исполненія его плановъ зависѣла учаспъ Имперіи. Но Князь былъ коренной сынъ Россіи, вскормленный ея сосцами, и

нипавшій въ себѣ неизмѣнную любовь къ ней; участь опечесива близко лежала къ счастью его сердца; онъ дорожилъ довѣріемъ Монарха и всей націи. Таясь подъ скромною наружностію въ своемъ лагерь, онъ хитро распивлялъ сѣни пылкому врагу опечесива; наконецъ опышный умъ его воспоржесивовалъ надъ гордымъ любимцемъ Форшуну — и непобѣдимый спалъ побѣжденъ.

Нѣкошорые ушверждали послѣ событій, что голодъ и холодъ были главнѣйшими союзниками у насъ для испребленія Французовъ. Но не въ искушвѣ-ли Фельдмаршала соспоило довести непріяшеля до шакой крайности, чтобы въ самыя бѣдствія природы обратишь на него-же? Можно-ли не бышь признапельнымъ къ шому, съ какимъ благодаруміемъ нашъ полководецъ умѣлъ льспить высокоумѣрному ожиданію Наполеона о заключеніи выгоднаго для него мира? Какъ хитро были пускаемы въ непріяшельскую армію слухи, будшо наши войски находяшся въ самомъ жалкомъ положеніи, шерпяшь во всемъ крайній недоспашокъ; будшо лишь въ первыхъ рядахъ оспались спарые солдашы, а впрочемъ все рекрушы и рашники; будшо пошеря Москвы распронила субординацію въ войскѣ! Для вѣрояшія шакихъ

слуховъ, Фельдмаршалъ явно поссорился съ Ашаманомъ Казаковъ Плашовымъ : говорили , будто-бы онъ подозрѣвалъ его въ измѣнѣ , и удалилъ ошъ арміи. Споусная молва доводила до слуха Наполеонова споль радоспныя для него , но въ самой сущности ложныя вѣспи , между шѣмъ какъ Ашаманъ Плашовъ , вѣрныи сынъ Россіи , вызывалъ съ Дона спараго и малаго, и въ непродолжительномъ времени привелъ 45 полковъ удалыхъ молодцевъ. Наполеонъ , какъ завоеватель Европы, ослѣпленный своимъ величіемъ, и посшавлявшій себя выше смерспныхъ, поддался обыкновенной человѣческой слабости. Хипрыя вѣспи , споль благопріятныя, проспой полководецъ принялъ - бы за нарочно поддѣланныя ; но онъ вѣрилъ имъ со всею слѣпошюю, пошому что онѣ льспили его ожиданіямъ. Къ довершенію обольщенія , вскорѣ за слухами , спали попадашся въ руки Французамъ наши курьеры съ мнимыми донесеніями Фельдмаршала къ Государю, что Русская армія находилась въ бѣдспивенномъ положеніи, и вовсе не имѣетъ духа сражашся; что Фельдмаршалъ не смѣетъ дать рѣшительной битвы , а пошому предоспавляетъ Его Императорскому Величеству единспвенное средство къ спасенію, ускоритъ заключеніе мира съ какими-бы шо им бы-

ло пожертвованіями, полагая, что и непріятель, находясь самъ не въ весьма выгодномъ положеніи, ограничншь свои требованія. — Наполеонъ, конечно, съ радостію чиншалъ перехваченныя донесенія, и охотно гошповъ былъ умѣришь свои завоеванія, оспавляя за собою, на первый разъ, хоща однѣ Польскія губерніи, и признаваясь самъ себѣ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ исполненіемъ великаго плана: изгнать Рускихъ изъ Европы; — но онъ забылъ о *старой лисицѣ*.

Вошь какъ мудрый полководецъ нашъ умѣлъ продлиншь время, копорымъ самъ много выигрывалъ, а непріятеля доводилъ до послѣдней крайности, покуда наспало время холода и голода, а вмѣстѣ съ шѣмъ наспала пора нанести рѣшительный ударъ спрашному врагу силами человѣческими, при содѣйствіи небесныхъ. Такъ опышный умъ воспоржествовалъ надъ гордымъ любимцемъ Форшуны— и непобѣдимый спалъ побѣжденъ!

Въ шо время какъ наши войски продолжали опшшупленіе черезъ Москву, первый изъ Рускихъ паршизановъ, Полковникъ Ахшырскаго гусарскаго полка Давыдовъ, спалъ дѣлать набѣги на большую дорогу, между Вязмою и Гжапскомъ. Попомъ Фельдмаршаль назначилъ еще паршизанами на Мо:

жайскую дорогу самого Полковника Давыдова, Сеславица, Князя Кудашева, и наконецъ Капишана Фигнера.

Между шѣмъ какъ главныя силы нашей арміи опдыхали въ Тарупинскомъ лагерѣ, непріятельскіе фуражиры и разныя опряды его были испребляемы нашими парпизанами и народомъ. Эпа малая война распроспранилась по всѣмъ окреспносшямъ Москвы и дѣйспвовала съ ужаснымъ ожеспоченіемъ; она доводила наконецъ Французовъ до опчаянія. Опважные парпизаны наши, ободря креспьянъ, пригошпвленныхъ къ меспи на врага воззваніемъ Государа и внушеніемъ Духовенспва, опкрыли народную войну во всей ея силѣ, со всѣми ужасами. Тысячи примѣровъ явили шогда въ народѣ Русскомъ испинныхъ сыновъ и героевъ опечеспва; все, что предспвляешъ намъ Древняя Испорія великаго въ дѣлахъ сильнаго пашрїюспзма, повшпорилось въ наши времена, и Рускіе могутъ похва-лишья своимъ Муціемъ-Сцеволой.

Изъ числа всѣхъ извѣспныхъ парпизановъ нашихъ, особенно прославившійся необыкновенною опважноспію въ набѣгахъ, былъ, къ честпи Русской аршиллерїи, Капишанъ Фигнеръ.

Прежде нежели присшуплю къ описа-нію его парпизанскихъ подвиговъ, долженъ

нѣчто сказаешь о немъ самомъ, и о первоначальной его службѣ.

Александръ Самуиловичъ Фигнеръ происходилъ отъ благородной фамилии Германскихъ Бароновъ. Дѣдъ его, выѣхавшій при Императорѣ Петрѣ I-мъ изъ Германіи, имѣлъ шишулъ Барона Фигнера фонъ Рупшмерсбахъ; но въ какомъ году точно, въ какой находился службѣ, и какъ ушрашилъ шишулъ Барона, за давностию времени неизвѣстно. Сынъ его, Сумуилъ Фигнеръ, служилъ въ Россійской службѣ отъ самыхъ нижнихъ чиновъ, и бывши шшабъ-офицеромъ, былъ опредѣленъ Директоромъ казеннаго хрустальнаго завода, что близъ С. Пешербурга; потомъ, съ чиномъ Спашскаго Совѣтника, украшенный орденами, вышелъ въ отставку, и вскорѣ, на открывшуюся ваканцію въ Псковской губерніи, опредѣленъ Вице-Губернаторомъ. Второй сынъ его, Александръ Самуиловичъ, нашъ партизанъ, родился 1787-го года, и въ юныхъ лѣтахъ былъ отданъ въ Артиллерійскій Корпусъ; тамъ, проходя науки, онъ оказалъ много быстрыхъ успѣховъ, отличія, и также въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживалъ свою необыкновенную отважность. На 14-мъ году возраста онъ былъ выпущенъ въ Артиллерию офицеромъ, и отправился въ Корфу, при Генераль-Лейше-

нантъ Бороздинъ, назначенномъ шуда Военнымъ Губернапоромъ. Изъ Корфу Фигнеръ нашель случай побывашь въ Ипаліи, и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Миланѣ. Имѣя опшличныя ко всему способноспи, онъ скоро выучился Ипальянскому языку, и говорилъ имъ какъ природный Ипальянецъ. Фигнеръ не рѣдко вспоминалъ о счастіи прошекшаго времени, проведеннаго имъ въ благословенномъ краю Ипаліи, подъ яснымъ небомъ умѣреннаго климаша, среди всякаго изобилія для пріятной жизни, среди изящноспей самой природы, наукъ, и художесшвъ; припоминалъ съ учасшіемъ шо почшенное семейсшво въ Миланѣ, гдѣ онъ жилъ въ союзѣ любви и дружбы.

Изъ Ипаліи Фигнеръ перешель въ Молдавію. Въ юныхъ лѣсахъ, будучи просшымъ офицеромъ, онъ опшличался прошивъ Турокъ; измѣрилъ подъ Руцукомъ крѣпосшной ровъ со всею опважноспію неуспрашимаго аршиллерисша, и съ пушками находилса всегда въ передней сапѣ шраншей, на гласисѣ крѣпосши, опшкуда Турки не смѣли показывашься, пошому что онъ всегда билъ ихъ карпечью. За все эшо, имѣя опш роду 19-шь лѣпш, въ чинѣ Поручика, получилъ онъ лесшный знакъ опшличія: орденъ Св. Георгія 4-й степени, лесшный шѣмъ болѣе, что самъ Главно-

командующій , Генералъ Каменскій , снялъ пошъ кресшъ съ убишаго Генерала Сиверса (*), и возложилъ на Фигнера , какъ-бы передавая юному герою все мужество и неуспрашимосшъ падшаго на вершинѣ чести.

Получивъ споль опличную награду, Фигнеръ пошелъ къ роднымъ во Псковъ. Прїездъ любимаго сына, черезъ девашъ лѣшъ разлуки , съ такимъ опличіемъ въ молодыхъ лѣшахъ , привелъ его родителя , почтеннаго спарца, въ чрезвычайное восхищеніе ; но чрезъ мѣсяцъ послѣ свиданія , счастливый опецъ умеръ опъ апоплексическаго удара, въ 1844-мъ году.

Опъ сего времени начался новый періодъ жизни Александра Фигнера. Оспавшись при овдовѣвшей мащери своей въ Псковѣ, успѣлъ онъ благонавіемъ и скромноспію привлечь на себя опъ всѣхъ знакомыхъ покойнаго опца своего вниманіе и уваженіе , что вскорѣ доспавило ему счастье женишься на Ольгѣ Михайловнѣ , дочери Спацскаго Совѣтника Бибикова, бывшаго, незадолго прежде опца его, во Псковѣ Вице-Губернашоромъ.

(*) Эшопъ опличный артиллерійскій Генералъ, со многими артиллерійскими-же офицерами , какъ назначенная жертва, въ охотникакъ убишъ на спѣнахъ Рушука, во время шшурма.

Фигнеръ, съ перемѣною соспоянїя своего, имѣлъ необходимость отправиться въ Крымъ, для сдачи шамъ бывшей въ его вѣдѣнїи команды; послѣ того перешелъ на службу въ артиллерійскую роту, расположенную близъ С. Пешербурга. Возвратившись въ домъ родителей жены своей, онъ намѣренъ былъ, для поправленїя разсброеннаго здоровья, проситься въ отставку; но вдругъ возгорѣвшаяся война противъ Французовъ вызвала его на поприще брани, искавъ заслугъ и славы. Онъ опредѣлился тогда 14-й бригады въ 3-ю легкую роту, Штабсъ-Капитаномъ, и прїѣхалъ къ намъ передъ началомъ кампанїи, подъ Вильною, въ с. Яшуны.

Александръ Фигнеръ былъ пригожїй мужчина, средняго роста, сынъ Сѣвера, крѣпкїй мышцами, круглолицъ, блѣдъ, свѣшлорусъ. Его большїе, свѣшлые глаза были исполнены живоспи; голосъ у него былъ мужественный; онъ имѣлъ здравый умъ, даръ краснорѣчїя, въ предпрїятїяхъ неушомимую дѣяшельность, пылкое воображенїе. Презрѣнїе ко всякой опасноспи и безпримѣрная отважность показывали въ немъ всегдашнюю неуспрашимость и присутствїе духа. Онъ зналъ языки Нѣмецкїй, Французскїй, Итальянскїй, Польскїй, и Молдаванскїй такъ-же хорошо, какъ Рус-

скій. Кромѣ обыкновенныхъ познаній , необходимыхъ артиллерійскому офицеру, онъ зналъ Тактику , Стратегію , древнюю и новую Исторію, читалъ много хорошихъ книгъ , и признавался , что не любилъ только Нѣмецкой Математики и Миспацизма.

Съ такими достоинствами явился Александръ Фигнеръ на поприщѣ воинской славы, въ опечесшвенную войну, и спалъ извѣстнымъ партизаномъ въ Россіи и въ Европѣ.

Послѣ того , какъ мы съ нимъ распались подѣ Москвою, 2-го Сентября , я не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій до самаго Тарупинскаго лагеря. Туть онъ явился опять, къ живѣйшей радости любившихъ его товарищей. Мы поспѣшь замѣтили въ наружности его перемѣну: онъ былъ съ опрощенною бородкою; волосы на головѣ его были оприжены въ кружокъ, какъ у Русскаго мужичка. При всѣхъ нашихъ вопросахъ , и при всей его веселости опѣ удачнаго исполненія порученій , не могли мы выведать всего, что онъ дѣлалъ въ Москвѣ. Я напомнилъ ему объ ужасномъ взрывѣ пороховаго погреба, поспряшемъ подѣ нами землю. Онъ усмѣхнулся, но, поспувивъ взоры, заговорилъ о другомъ: скромность налагала на уста его печать какой-то шай-

ны. Впрочемъ, по дружескому наспоянію, Фигнеръ мало по малу разсказалъ намъ, что распавшись со мною, онъ поспѣхъ перешелся Русскимъ мужикомъ, и пошелъ въ Москву, тогда какъ пожаръ спалъ распро-страняясь и Французы занялись грабе-жемъ. Помомъ, изъ числа оставшихся въ Москвѣ разнаго званія людей, онъ соспав-лялъ для испребленія непріятелей воору-женныя паршіи, дѣлалъ съ ними, среди пламени, въ улицахъ и въ домахъ, засады, нападалъ на грабителей по силамъ, и рас-поряжался шакъ, что вездѣ Французы бы-ли убиваемы, особенно по ночамъ. Такъ Фигнеръ началъ испреблять непріятелей, съ шайкою удалцовъ, въ самомъ городѣ, среди ужасовъ пожара и грабежа. Францу-зы видѣли въ развалинахъ пылающей Рус-ской споллицы меподическую войну опваж-наго и скрышнаго мспишеля; шщепно они искали, даже имѣли его передъ глаза-ми—и не могли найдши. Въ простой одеж-дѣ мужичка, онъ днемъ бродилъ между Французскими солдатами, чѣмъ могъ имъ прислуживалъ, между шѣмъ вслушивал-ся въ ихъ разговоры, помомъ распоря-жался съ своими удалцами для ночныхъ нападений, и къ ушпру — по всѣмъ улицамъ являлись шѣла убишыхъ Французовъ. На-конецъ сказалъ онъ поглаживая бородку :

« Хошѣлось мнѣ пробишья въ Кремль, къ
 « Наполеону; но одинъ каналья, гвардеецъ,
 « споявшій на часахъ у Спасскихъ воротъ,
 « не смопря на мою мужицкую фигуру,
 « шибко ударилъ меня прикладомъ въ грудь.
 « Это подало подозрѣніе, меня схватили,
 « допрашивали: съ какимъ намѣреніемъ я
 « шелъ въ Кремль?— Сколько ни спарался
 « я пришворяшья дуракомъ и проспофилей,
 « но меня довольно поспращали, и съ угро-
 « зою давали наспавленіе, чшобы впредь не
 « осмѣливался ходишь шуда, пошому чшо
 « мужикамъ возбраняешья приближеніе къ
 « священному мѣспопребыванію Имперашо-
 « ра » .... Послѣ за Фигнеромъ спали при-
 « смапривашья, однако онъ ускользнулъ изъ
 « Москвы, сдѣлавши шамъ чшо надобно было.

Исполнивъ съ успѣхомъ данное порученіе,
 ошважный и незабвенный мспишель нашъ
 явился въ Тарушинскій лагерь, къ Фельд-
 маршалу. Князь Кушузозъ, вмѣспо вся-
 кихъ привѣспшвій, поцѣловалъ его, и эшу
 награду Фигнеръ почишалъ себѣ за вели-
 чайшій знакъ опличія; но Князь доспа-
 виль ему впослѣдспвіи времени сущесп-
 веннѣйшее возмездіе, своимъ ходапайспвомъ
 у Трона Высочайшей милоспи опноситель-
 но его шеспя; при чемъ въ своемъ донесе-
 ніи, съ предспавленіемъ журнала военныхъ
 дѣйспвій за Окшябрь, означилъ о немъ :

всегда находится въ самой близи къ непріятелю.... Фигнеръ не желалъ собственно для себя никакихъ наградъ, но всё плоды заслугъ своихъ дарилъ — семейству. Такъ къ воинской доблести онъ присоединилъ еще добродѣтель истиннаго гражданина.

За симъ Фельдмаршалъ поручилъ ему сооправить партизанскій отрядъ, и дѣйствовать, для одной цѣли съ прочими, въ тылу непріятели.

Всякому партизану предославлено было, на собственнѣй произволь, выбирать себѣ подчиненныхъ по роду оружія, какое находилъ онъ приличнымъ для своихъ предпріятій; пошому Фигнеръ, еще не заслужившій общаго довѣрія, на первый разъ былъ въ затрудненіи. Но ему скоро пришла счастливая мысль: для испребленія мародѣровъ непріятельскихъ обратись къ своимъ. Извѣстно, что по флангамъ и въ тылу всякой арміи, бываетъ всегда, подъ видомъ успалыхъ и фуражировъ, немалое число разсыпающихся по селеніямъ и дорогамъ, праздношашающихся вооруженныхъ людей всякаго рода войскъ, называемыхъ мародѣрами или бродягами. Фигнеръ нашелъ довольно шакихъ изъ легкой кавалеріи; пѣшихъ посадилъ на крестьянскихъ лошадей; увлекашительнымъ краснорѣчіемъ умѣлъ

соединилъ ихъ къ общему участию, для приобрѣтенія добычи, и съ двумя сошными разнокалиберныхъ удалцовъ началъ производить свои набѣги. Днемъ, обыкновенно онъ пряталъ ихъ въ чащу лѣса, а самъ, переодѣвшись Французомъ, Полякомъ, или Испальянцемъ, иногда съ прубачемъ, а иногда одинъ, ѣздилъ къ непріятельскимъ форпосхамъ: шущъ дѣлалъ онъ выговоръ пикетному караулу за оплошность и невнимательность, давая знать, что въ споронѣ есть паршія Казаковъ; въ другомъ мѣстѣ извѣщалъ, что Рускіе занимають шакою-то деревню, а потому для фуражированія лучше идти въ противную спорону. Такимъ образомъ, вымошрѣвши положеніе, силу непріятелей, и расположивъ ихъ по своимъ мыслямъ, онъ съ наспупленіемъ вечера принималъ насипоащій видъ паршизана, и съ удалцами своими являлся, какъ снѣгъ на голову, шамъ, гдѣ его во все не ожидали, и гдѣ Французы, по его увѣренію, почиали себя въ совершенной безопасности. Такимъ способомъ, отважный Фигнеръ почти ежедневно присылалъ въ лагерь главной кварширы по 200 и 300 плѣнныхъ, шакъ что спали уже зашрудняшся шамъ въ ихъ помѣщеніи, и совѣшповали ему испребляшъ злодѣевъ на мѣстѣ.

Съ помощію крешьянъ, кошорыхъ Фи-

гнерь собиралъ, вооружалъ, и чрезъ копорыхъ узнавалъ о силѣ и положеніи непріятелей, увеличивая безпрестанно свою паршію прибылыми удалъцами, онъ успѣлъ, не далеко отъ Москвы, на Можайской дорогѣ, опбить непріятельскій паркъ, соспоявшій изъ шести новыхъ пушекъ, съ зарядными палубами, со всею прислугою и упряжью, копорый чепыре мѣсяца шелъ изъ Ишалінъ подъ слѣдѣмъ прикрышіемъ; съ пѣмъ вмѣстѣ попалась ему небольшая казна золоша. Деньги роздалъ онъ сподвижникамъ своимъ, все прочее сжегъ, а пушки заклепалъ и зарылъ въ землю. При эпомъ онъ имѣлъ неоспорожноспъ оспавишь изъ числа пѣвныхъ Ипальянцевъ нѣсколькихъ при себѣ; они послѣ разбѣжались, и одинъ унцерь-офицерь, замѣшивъ опважноспъ Фигнера, съ опличными способноспями во вредъ Французамъ, описалъ имъ всѣ его подвиги, храбростъ и хипроспи. Съ пѣхъ поръ въ арміи непріятельской имя Фигнера спало ужасно, и голова его была оцѣнена.

Фигнеръ, желая дашь своей паршіи надлежащее успройспво, спалъ вводишь порядокъ и дисциплину; мародерамъ эпю не понравилось, и они опъ него разбѣжались. Показавъ свои способноспи, наносишь вредъ непріятелю ничшожными средспвами, Фигнеръ явился къ Фельдмаршалу и просилъ

регулярнаго войска. Князь Купузовъ позволилъ ему взять 800 человекъ изъ легкой кавалеріи, гусаровъ, улановъ и Казаковъ, съ офицерами, какихъ онъ самъ выберетъ. Фигнеръ оправдалъ споль лестное къ себѣ довѣріе Фельдмаршала; онъ не забылъ аршиллеристовъ: изъ роты Подполковника Тимоеева взялъ Поручика Селецкого, изъ своей Поручика Барона Шлиппенбаха и фельдфебеля Капомина. Я^{ко} очень желалъ бытъ съ нимъ въ опрядѣ, но онъ просилъ меня оспашься хозяинномъ въ ротѣ, носившей его имя.

Съ паршією успроенныхъ войскъ Фигнеръ спалъ ужаснѣе для Французовъ. Тупѣ еще болѣе развились его воинскія способности. Искусными маневрами, скрытносною маршей, нечаянносною, быспрошою, съ вѣрными проводниками, по сокровеннымъ пропинкамъ, онъ производилъ славнѣйшіе набѣги: разбивалъ сильныя паршіи Французовъ, сожигалъ обозы, перехватывалъ курьеровъ, и шревожилъ часпо неприяшелей подъ самою Москвою. Наполеонъ принужденъ былъ опрядишь на Можайскую дорогу пѣхопную и кавалерійскую дивизіи, для укромченія опважныхъ набѣговъ Фигнера и другихъ паршизановъ.

Однажды Фигнеръ съ своимъ опрядомъ былъ окруженъ почши съ шрехъ споронъ

Французами , но хитрымъ маневромъ ушелъ, и вошь какъ: Непрiяшельская кавалерiя, окружая Фигнера, хотѣла испребишь его вмѣстѣ съ паршiею; но покуда производились для этого движенiя, Фигнеръ замѣшилъ опасносшь, и, пользуясь мѣстоположенiемъ съ лѣсочками, раздѣлилъ свою паршiю на двѣ часпи: одной изъ нихъ далъ видъ своего непрiяшеля, а съ другою принялъ оборонительное дѣйствiе. Первые, показавшись изъ-за лѣса, успремились на впорыхъ, спали ихъ шѣснись, гнашь, причемъ поднялась сильная переспрѣлка и ручная схвашка, шакъ чшо, въ виду Французовъ, Фигнеръ съ паршiею казался разбишымъ, разсѣяннымъ и взяшымъ въ плѣнъ. Эша хитросшь оспановила дѣйствительнаго непрiяшеля, который, зѣвая на фальшивую сшибку , упустилъ изъ рукъ удалаго паршизана.

Разсказывали еще одинъ случай, какъ Фигнеръ чупъ не былъ пойманъ , и однако спасся еще чудеснѣе. Оспрядъ Французовъ въ одномъ мѣстѣ подсперегъ его, и, сдѣлавъ нападенiе, вогналъ въ лѣсъ, примыкавшiй къ болошу. Уже день склонился къ вечеру, и поздно было продолжашъ даднѣйшее дѣйствiе въ лѣсу; однако опасаясь выпустить изъ рукъ вреднаго наѣздника , Французы окружили лѣсъ , будучи увѣре-

ны, что непроходимое болото за лѣсомъ воспрепятствуетъ его бѣгству, а съ разсвѣтомъ дня онъ самъ попадется къ нимъ, живой или мерпвый. Фигнеръ дѣйствительно находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: болото казалось непроходимымъ ни для коннаго, ни для пѣшаго. Пользуясь темною ночью, онъ попробовалъ съ двумя товарищами пройти пѣшкомъ черезъ болото, ширину на полверсты; кой-какъ, съ помощію шестовъ, по кочкамъ, имъ удалось перебраться на ту сторону, и, къ счастью, версмахъ въ двухъ они нашли деревушку. Фигнеръ поспѣшнѣе собралъ немногихъ крестынь, объявилъ имъ опасность своей паршии, указалъ средство для спасенія, и велѣлъ немедленно нести на берегъ солому и доски. Эпими матеріалами онъ выспалъ по болоту дорожку; къ полуночи возвратился въ свою западню, гдѣ товарищи его, завалившись за пеньками, спорожили Французовъ, которые вокругъ лѣса развели огонь и шумѣли. Фигнеръ со всею оспорожностію велѣлъ своимъ, по одиначкѣ, переводить лошадей по досчатой дорожкѣ. Когда лошадей перевели, онъ велѣлъ пѣшимъ спастись въ ширину болота на извѣстномъ разположеніи, и первый, оспаваясь съ краю отъ лѣса, спалъ передавать чрезъ ближняго

дальнимъ доски и солому; такимъ образомъ онъ успѣлъ переправить всю паршію и даже изгладить слѣдъ дороги. — Съ разсвѣтомъ дня, Французы присупили къ лѣсу со всѣхъ споронъ, и пошли облавою въ добромъ порядкѣ; наконецъ сошлись все у болоша, и зѣвали другъ на друга: Куда онъ дѣвался съ Казаками?... Его не было, и слѣдъ проспылъ. Конные сунулись въ болошо, но лошади спали вязнушь, и пѣшіе не могли пересступить шага. Эпа шупка сполько изумила Французовъ, что они долго не могли образумиться, и почипали Фигнера ужаснымъ разбойникомъ, кошорый ихъ испребляешъ и морочитъ, какъ дьяволъ.

Опважность Фигнера проспиралась до того, что онъ однажды, подъ самую Московую, напалъ на гвардейскихъ кирасировъ Наполеоновыхъ въ лагерь, ранилъ ихъ Полковника и вмѣстѣ съ пашьюдесяшью чело-вѣками увелъ въ плѣнъ.

Въ началъ репиралы Французовъ изъ Москвы, Фигнеръ опкрылъ, шедшій по дороге, большой транспортъ съ награбленнымъ имуществомъ, защищаемый сильнымъ прикрытиемъ. Не ѣмъя прѣ себѣ, для нападенія и разбиенія его, доспапочно войска, онъ обратился съ предложеніемъ къ Генералу Дорохову, находившемуся по бли-

зоспи съ довольно сильнымъ опрядомъ; но Генералъ, по какимъ-по причинамъ, не хотѣлъ содѣйствовать Фигнеру; тогда онъ согласился съ другимъ, не менѣе славнымъ, партизаномъ Сеславинымъ. Они вмѣстѣ ударили на непріятельскій транпортъ, и хотя не могли совершенно испребишь его, однако Фигнеру удалось опбишь часть обоза, изъ котораго онъ прислалъ ко мнѣ пудъ серебра для ропнато образа: оно сошояло изъ окладовъ, содранныхъ Французами съ церковныхъ образовъ.

Между тѣмъ, въ Тарушинскомъ лагерѣ наши войски не только опдохнули, но и поправились, какъ будшо въ кварширахъ. Солдаты имѣли крѣпкіе шалаши, копорые подновлялись изъ ближайшихъ лѣсовъ, окружавшихъ лагеръ. Но какъ въ Октябрѣ спали показываться по ушрамъ морозы, а пасмурные дни давали чувствовать холодную осень и приближеніе зимы, шо офицеры спроили для себя землянки, и надѣвали шулпы; въ бивакахъ не переводился огонь, около котораго согрѣваясь, мы воображали о несчастной участи, какой скоро подвергнутся Французы въ нашемъ климатѣ.

Въ это время дошло до насъ пріятное известіе о дѣйствіяхъ Корпуса Графа Вишгенштейна, какъ онъ разбилъ Маршала

Удино, и, очиспивъ лупъ опъ Себежа къ Полоцку, защищаль С. Пешербургскую до-рогу. Вскоръ за шѣмъ услышали мы о взашіи шшурмомъ укрѣпленнаго Французами города Верен, опрядомъ Генерала Дорохова. Впрочемъ, о побѣдахъ эшихъ не возсылалось молебспвій, какъ прежде бывало: онѣ ка-зались уже дѣломъ обыкновеннымъ. — Го-ворили, чшо въ Бѣлоруссіи Наполеонъ, про-кламаціями возмущаль креспьянъ про-шивъ помѣщиковъ, обѣщая имъ вольность и свободу опъ барщины.

Слухи носились шакже, чшо положеніе непріятельской арміи со дня на день спш-новилось бѣдспвеннѣе. Найденные въ Москвѣ жизненные припасы скоро извелись у нихъ, и не оспавалось инаго средспва кормить-ся, какъ падшими лошадьми. Изъ всѣхъ недоспашковъ для сущеспвованія войска, оцшущишельнѣйшій былъ въ фуражѣ. Боль-шія паршіи фуражировъ опгѣзжали верспъ за шридцашъ въ спорону, для добыванія себѣ и лошадямъ пропитанія, при чемъ часшо попадались въ засады нашихъ пар-шизановъ, и каждый клокъ сѣна спшилъ крови.

23-го Сеншября, въ главную кварширу нашего Фельдмаршала прибылъ опъ Напо-леона Адьюшаншъ его, Графъ Лорисшонъ. Для приняшія посланника, Князь Кушу-

зовъ позволилъ, между авангардами враждующихъ силъ, сдѣлать на нѣсколько часовъ перемиріе. Между тѣмъ приказано было перемѣстить войски. Нѣкопорые полки перевели изъ лагеря за с. Лешашевку, для того чшобы скрыть ошъ неприлшела настпощее положеніе войскъ, и размѣщеніемъ ихъ, по обширности мѣста, дать видъ многочисліа.

Нашъ 4-й Корпусъ находился тогда еще между авангардомъ и арміею. Приказано было во всѣхъ полкахъ, къ вечеру развесити веселые огни, варить кашницу съ мясомъ, пѣть пѣсни и вездѣ играть музыкѣ. Такимъ образомъ, по всему лагерю, открылась у насъ иллюминація и шумное веселье; радость всѣхъ была непринужденная, когда услышали, что въ эпошъ вечеръ пріѣдетъ ошъ Наполеона къ Фельдмаршалу посланникъ, просить мира; тогда мы уже совершенно были увѣрены, что наша беретъ, и скоро погонимъ Французовъ изъ Россіи, такъ что коспей своихъ не унесутъ съ собой.

Извѣстно, какъ Фельдмаршалъ умѣлъ провести Наполеона пуспыми переговорами и перепискою о мирѣ, между тѣмъ какъ побѣдитель Европы находился въ жестокой необходимости предпринять репшраду. Князь Купузовъ вознамѣрился нане-

сли авангарду его, расположенному за р. Чернишней, первый ударъ, для начала послѣдующихъ поражений.

Ночью съ 5-го на 6-е Октября, войски наши, по диспозиціи, двинулись изъ лагеря, для общаго ванаденія на Французовъ. Армія выступила правымъ флангомъ пятью колоннами. 20-й Егерскій полкъ и 40 Казачьихъ полковъ, подъ командою Графа Орлова-Денисова, открыли маршъ и обходили лѣвый флангъ непріятеля; въ подкрѣпленіе Казакамъ слѣдовала гвардейская дивизія легкой кавалеріи. Попомъ шли пѣхотные Корпусы 2-й, 3-й и 4-й, соспавляя правый флангъ общей атаки, подъ начальствомъ Генерала Бенигсена. Войски переправились черезъ рѣч. Нару по пригоповленнымъ мостамъ. Опъ середины лагеря, прошивъ Тарупина, перешель черезъ Нару 6-й Корпусъ Генерала Дохшурова; 7-й и 8-й пѣхотные Корпуса находились на лѣвомъ флангъ общей атаки. За Корпусомъ Генерала Дохшурова слѣдовалъ большой резервъ, соспоявшій изъ 5-го Корпуса, изъ кирасировъ и всей резервной артиллеріи. Главный ударъ должны были произвести Казаки въ пылу непріятеля; но Фельдмаршалъ, какъ видно, полагалъ воспрѣпить сильное сопрошивленіе, а попому и двинулъ всю армію.

Ночь была не очень темна, хотя и съ облачнымъ небомъ; погода сухая, но земля влажная, такъ чпо войски шли по ней безъ всякаго спуска: даже не слышно было колесъ подъ артиллерією. Всѣ шли очень оспорожно: никто не смѣлъ куришь шрубки, высѣкашь кремнемъ огня, кашляшь, и ежели надобно было говоришь, то говорили шепотомъ, лошадей удерживали ошъ ржанія, словомъ, все приняло видъ шпаншвеннаго предпріятія. Такимъ образомъ шли мы во всю ночь, и сонъ не смѣлъ прикасаться къ вѣждамъ нашимъ: всѣ заняшы были предспоящимъ. Небо, ошъ бивачныхъ огней непріятеля, покрылось свѣшлымъ заревомъ и показывало намъ мѣспа его расположенія. Мы оспавляли огни влѣво за лѣсомъ, и къ 4-мъ часамъ ушра обошли непріятеля.

4-й Корпусъ, подошедъ къ лѣсу до назначеннаго мѣспа, повернулъ влѣво, и спалъ въ сомкнушыхъ колоннахъ; егери вышли впередъ. Тупъ съ часъ времени спояли мы въ нешерпѣнии, покуда правѣ насъ прошли 2-й и 3-й Корпуса, опоздавше ошъ ошибки проводника. Дѣло началось съ правого фланга, и уже при разсвѣшѣ дня. Только чпо слышны спали ошшуда пушечные выспрѣлы, какъ наши егери бросились въ лѣсъ и спрашною спрѣльбою

ударилъ въ ближайшихъ Французовъ. Мнѣ велѣно было поспѣшь съ двумя пушками выѣхать на долину, правѣ лѣса; я увидѣлъ правѣ себя егерей 2-го Корпуса, бѣгущихъ для занятія впереди ихъ другаго лѣса, за копорымъ и противъ насъ непріятель бивакировалъ около обгорѣлыхъ развалинъ деревушки Денди, за рѣчкою. Французы уже спояли въ линіи, однако примѣшно казались въспревоженными. У нихъ пушкъ не было артиллеріи, а пошому ошъ нѣсколькихъ выспрѣловъ изъ нашихъ пушекъ они распроились и спали ошспупашъ. Двѣ колонки Французовъ, занимавшихъ лѣвѣе меня лѣсъ, бросились изъ него бѣжашъ черезъ поляну, для соединенія съ своими; тогда у насъ не случилось кавалеріи, чшобы схватить ихъ. Я пушилъ въ нихъ два ядра, и, зарядивъ пушки каршечью, погнался за ними поближе; но меня ошпановили, пошому чшо прикрышіе пѣхошы ошспавало. Колонки между шѣмъ, къ досадѣ нашей, перешли ручей и спаслись. Ашпака сдѣлалась всеобщою, и Французы, увидѣвши себя окруженными со всѣхъ споронъ, спали ошспупашъ безъ выспрѣла, уже не въ колоннахъ, а шолпами и бѣгомъ. Казалось, еслибы ранѣе начали дѣло, шо можно-бъ было заспашъ ихъ спящими, и перехваташъ живьемъ въ самыхъ бивакахъ. Французы,

по видимому, были увѣрены въ скоромъ заключеніи мира, и почиая насшоящее бездѣйствіе авангардовъ продолженіемъ перемирія, находились въ полной безопасности и весьма плошными. Причину не совершеннаго успѣха нашего нападенія полагали въ шомъ, что 2-й Корпусъ, имѣвшій несчастье, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, лишился Корпуснаго Командира своего, храбраго Генерала Багговуша, замедлил дѣйствіе; но Графъ Орловъ-Денисовъ сдѣлалъ рѣшительный ударъ во флангъ и въ шылъ непріятеля, бросившись на него со всѣми Казаками. Французская дивизія легкой кавалеріи спояла на краю этого фланга, и не успѣла поспроиться, какъ уже была опрокинуша Казаками, при чемъ потеряла всю свою артиллерію. Между шѣмъ пѣхота 2-го и 3-го Корпусовъ, предводимая Генераломъ Беннигсеномъ для содѣйствія кавалеріи, пѣснила непріятеля шакъ сильно, что безпорядокъ въ войскахъ его увеличился и совершенное поражение было неминуемо.

4-й Корпусъ нашъ подвигался медленно и невольно позволялъ передъ собою уходить непріятельской пѣхотѣ, потому что при немъ не было кавалеріи, а 6-й Корпусъ не успѣлъ примкнуться къ нему, безъ чего опасно было намъ выставлять лѣвый

флангъ свой. Казалось, въ общемъ исполненіи обширнаго дѣйствія эпои атаки, не было соблюдено въ часяхъ надлежащей связи и расчета времени.

Между шѣмъ Генераль Милорадовичъ, лѣвѣ насъ за рѣчкою, по большой дорогѣ, съ кавалеріею ударилъ на Польскую гвардію, и опбилъ весь обозъ Князя Поняповскаго. 6-й Корпусъ и резервы шолько двинулись съ мѣста лагеря, не принявъ участія въ дѣлѣ.

Наконецъ, въ 10 часовъ утра, нашъ 4-й Корпусъ занялъ непріятельскіе биваки у сел. Денди. Мы съ изумленіемъ увидѣли ошашки поѣденныхъ Французами лошадей, около балагановъ, сосшавленныхъ изъ дверей, споловъ, и проч. Поваренная посуда, кошлы и чайники ошавались на дымящихся очагахъ; они обнаружили, что Французы имѣли еще крупу и горохъ, шолько нуждались, кажешся, въ хлѣбъ и говядинѣ. Намъ попался шущъ красивый вороной жеребенокъ, съ сафьяннымъ нагрудникомъ и бубенчиками, копорый, видно, опкармливался у нихъ вмѣсто шеляшины.

Непріятель въ эпошъ день былъ прогнанъ за с. Спась-Куплю; канонада продолжалась, и съ опдаленіемъ ушыхала.

Подвигаясь впередъ за сел. Денди, по большой дорогѣ, и уже не видя передъ собою не-

пріѣхавъ, мы нашли на одно мѣсто у лѣса, гдѣ споялъ обозъ Князя Поняшовскаго. Тушъ увидѣли нѣсколько опрокинутыхъ фуръ, опъ разрушенной канцеляріи порванныя бумаги, ордера, шабеля. На полѣ встрѣшилось намъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей; мѣстами валялись, въ обношенныхъ мундирахъ, закоптившіе опъ бивачнаго огня прупы Французовъ. Въ одномъ мѣстѣ лежало человекъ шриццать Русскихъ егерей, порубленныхъ, и между ними нѣсколько убитыхъ Французскихъ кирасировъ: эпо были лапники Мюраша, напавшіе на колонну 20-го егерскаго полка, и произведшіе страшную сѣчу.

Къ вечеру, когда канонада утихла, мы оспановились. На встрѣчу къ намъ возвращались раненые кавалеристы. Одинъ уланъ везъ на рукахъ прекрасную пѣшилънюю дѣвочку, копорая плакала неушъшно: онъ нашель ее во Французскомъ обозѣ, подлѣ убитой мащери. Эпошъ уланъ говорилъ, что у Французовъ въ лагерь много было женщинъ; въ числѣ опбитыхъ попалось нѣсколько Московскихъ красавиць.

По совершеніи пораженія, вся наша армія опспувила къ Тарупинскому лагерю; полько 2-й и 4-й Корпуса оспавались ночевать при сел. Винково. Мы почипали себя побѣдителями, и радовались, что

уже ночуемъ на опіянной землѣ. Каждый изъ насъ съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ всѣ предметы, брошенные непріятелями; удостовѣрясь, что они почтено ѣли лошадей, мы не могли надивиться ихъ шептливости и преданности къ Наполеону.

Передъ вечеромъ явился къ намъ Фигнеръ. Онъ рассказывалъ, какъ во время нападенія примкнулъ съ своею паршією къ Казакамъ, и участвовалъ въ горячей сшибкѣ съ Французскими кирасирами; какъ онъ близокъ былъ къ Мюрашу, котораго въ одной рубашкѣ едва могъ спасти; какъ при переправахъ черезъ рѣчки Французы вездѣ бросающъ свои фуры, повозки, и сами взрывающъ зарядные ящики; какъ лошади ихъ не везущъ, а они сами бѣгутъ сломя шею. Послѣ чего Фигнеръ, напившись чаю, уѣхалъ къ своей паршии, въ авангардъ.

Ночью вѣрно было опять развесели въ бивакахъ веселые огни, и пѣшь пѣсни, пошому что Мюрашъ посылалъ черезъ нашъ лагерь къ Фельдмаршалу парламентера, просить сердце убишаго друга своего, Генерала Дери. По этому можно было заключать, сколь чувствительнѣ для него должно было быть поражение на рѣч. Чернишнѣ.

9-го Октябрия, Генералъ Дороховъ, зани-
Часть I.

мавшій гор. Боровскъ, увѣдомилъ Фельдмаршала, что непріятельскій Корпусъ войскъ показался въ с. Оминскомъ. Онь предполагалъ, что назначеніе этого Корпуса связь авангарда съ Смоленскою дорогою. Фельдмаршалъ, желая достовернѣе узнать о силахъ показавшагося непріятели, отрядилъ шуда Генерала Дохшурова съ 6-мъ Корпусомъ. Между тѣмъ, дѣятельный партизанъ, Полковникъ Сеславинъ, открылъ дѣйствительное направленіе всей арміи Наполеоновой на старую Калужскую дорогу, о чемъ немедленно увѣдомилъ Генерала Дохшурова, находившагося въ с. Аристовѣ, на маршѣ къ Боровску. Фельдмаршалъ, узнавъ намѣреніе Наполеона, обойдши лѣвый флангъ нашей арміи, тотчасъ приказалъ Генералу Дохшурову, вмѣстѣ съ отрядомъ Генерала Дорохова, обратиться къ Малому-Ярославцу и удержатъ въ немъ непріятели, покуда всѣ войски наши успѣютъ придти шуда для подкрѣпленія. 12-го Октября, Генералъ Дохшуровъ нашелъ Малый-Ярославецъ уже въ рукахъ Французовъ. Тогда вся Русская армія поднялась изъ Тарушинскаго лагеря, исключая 2-й и 4-й Корпусы, сославляя пне авангардъ подъ командою Генерала Милорадовича.

ГЛАВА VIII.

ОТЪ МАЛАГО-ЯРОСЛАВЦА ДО ВЯЗЬМЫ.

Ночная картина Малаго-Ярославца. — Движение авангарда. — Военное замечание. — Отступление обѣихъ армій. — Занятие нами Малаго-Ярославца. — Церковный староста. — Преследование. — Анекдоты о народной войнѣ. — Сближение съ неприятелемъ, — Сраженіе при Вязьмѣ. — Ночныя явленія.

42-го Октябрия, между шѣмъ какъ въ Маломъ-Ярославцѣ во весь день продолжалась жестокая битва, и городъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, нашъ 4-й Корпусъ послѣ воѣхъ пришелъ къ мѣсту сраженія, уже ввечеру. На походѣ мы слышали непрерывную ружейную стрельбу, а потомъ увидѣли городъ въ пламени. Перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ почти до полуночи не прекращалась. Казаки, за цѣлью стрѣлковъ, спояли въ линіи передъ горѣвшимъ городомъ, откуда изъ пламени, какъ адскія шѣни, выскакивали Ишальяны и задирали нашихъ стрѣлковъ. Среди глухой ночи, свѣшъ ошъ пламени, отражаясь на грозномъ ополченіи Рускихъ и на

окужающихъ высотахъ , по всему пространству представлялъ великолѣпную картину военныхъ ужасовъ. За городомъ , по ту сторону рѣч. Лужи, на высокомъ берегу , сверкали бивачные огни непріятелей. 4-й Корпусъ, съ Казаками, во всю ночь оспавался въ полномъ вооруженіи передъ пылающимъ городомъ, для прикрытія движенія всей арміи , кошорая съ прочими Корпусами спановидась по Калужской дорогѣ въ боевую позицію, въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ города.

Кровопролитная битва въ Маломъ-Ярославцѣ замѣчательна , какъ по упорности войскъ , сражавшихся съ обѣихъ сторонъ , такъ и пошому , что Генералъ Дохшуровъ, съ опрядомъ Дорохова имѣя не болѣе 10,000 войска, держался цѣлый день противъ 20,000-го Корпуса Вице - Короля Испальянскаго. Если-бы Дохшуровъ позволилъ сбить себя съ мѣста, и далъ-бы свободу непріятелю прорваться по этому пути къ Калугѣ , тогда положеніе нашей арміи было - бы весьма невыгодное. Самъ Наполеонъ казался пушью нерышишельнымъ: двигаясь пошоянно всѣми силами къ Малому-Ярославцу и далѣ , онъ могъ-бы достигнуть своей цѣли; слабый Корпусъ Генерала Дохшурова не былъ-бы въ состояніи оспановишь стремленіе всей его арміи.

13-го Октября, на разсвѣтѣ пасмурнаго дня, мы увидѣли передъ собою обгорѣлый, дымящійся городъ, ошъ кошораго спояли не много далѣе ружейнаго выспрѣла. Не видно было ни одного непріятельскаго спрѣлка; всѣ они, попряшавшись, сидѣли за развалинами домовъ и заборовъ. Мерпвая пишина согласовалась съ мрачноспію дня и съ предметами опусшошенія: шайный ужасъ скрывался въ эшой пишинѣ. Вскорь приказано было намъ перейди назадъ за ручей, и присоединишья къ армін. Полки, споявшіе всю ночь подъ ружьемъ, спали свершывашья въ колонны и ошспупашь въ порядкѣ, медленно; шогда непріятель пробудился и пусшилъ въ насъ изъ города нѣсколько гранашъ, кошорыя лопались на воздухъ, не причиняя намъ вреда. Мы благополучно перешли ручей и спали въ общую позицію армін на правый флангъ; оставивъ за собою передъ городомъ одну легкую кавалерію.

Наполеонъ въ Маломъ-Ярославцѣ могъ видѣть ужасныя слѣды упорной битвы, показавшей ему ошличную храбрость Итальянцевъ и мужество Рускихъ. Съ вышины уцѣлѣвшей колокольни, онъ могъ разсмотрѣть нашу армію, построенную въ боевомъ порядкѣ. Конечно съ изумленіемъ замѣнилъ онъ, что намѣреніе его, пройдши

спорного къ Смоленску, было проникнуто нашимъ Фельдмаршаломъ. Чшдъ ему оспавалось предпринять? Пройди къ Калугѣ не иначе возможно было, какъ черезъ нашу армію. Для этого надлежало дать генеральное сраженіе; но онъ сверхъ чаянія увидѣлъ Русскую армію столь многочисленную, гонимую вслрѣщшиъ его, что не могъ рѣшиться на битву, имѣя при себѣ не болѣе 70,000 войска голоднаго, и изнуренную кавалерію; сраженіе могло-бъ бытъ проиграно, и тогда, разбишый опкрытую силою, онъ погубилъ-бы свою славу. И такъ невозможность выиграть сраженіе заставила его предпринять, по необходимости, рѣшираду, черезъ Боровскъ и Верезу, на большую Можайскую дорогу, къ Вязьмѣ и Смоленску, чшдбы предупредилъ Рускую армію, которая могла крапчайшимъ путемъ придти прежда него, къ Вязьмѣ черезъ Млынь и Юхновъ, а въ Смоленскъ черезъ Ельню. Большая Можайская дорога была ужасно опущошена; рѣширада по ней предшавляла всѣ бѣдствія и несмѣшныя пошери, однако Наполеонъ рѣшился идти по ней; онъ находился въ великой крайности, и могъ бытъ слишкомъ увеличилъ необходимость гибельной своей рѣширады по опущощенной дорогѣ. Если-бы, проникнувъ наше намѣреніе защищать Калужскую до-

рогу, ошъ, пошчасъ, не смотря на грозный видъ всей нашей арміи за Малымъ-Ярославцемъ, приказалъ своимъ войскамъ ошъ Верей и ошъ Можайской дороги сворошиться влѣво и пробирашья черезъ Юкновъ, кошорый ошавался еще безъ зашщипы, шо и самъ съ 70,000 войска могъ-бы фланговымъ маршемъ, черезъ сел. Болдаково и Кремешское, пройдши въ Мядынъ, а пошомъ въ Юкновъ, выдерживая нашкокъ нашей арміи, кошорая не преминула-бы его преслѣдовать. Эшомъ пушъ не произвелъ-бы сколько ужаснаго расшройшва, пошери и гибели его войску, какия послѣдовали вскорѣ на ренширадъ его по опущоженной дорогѣ. Ошъ Юкнова, Наполеонъ могъ-бы безопасно слѣдовать по хитбородной и свѣжей для него шпранъ, черезъ Масальскъ и Ельню, ведя за собою Русскую армію, и не подвергался фланговымъ нападѣніямъ. Пресаму опешупленіе на Боровскъ, Можайскъ и Вазьму, для шкаго полководца какъ Наполеонъ, кажепся, непроспешельно; ежели надобно было ему изъ двухъ зомъ набирать одно, шо надлежало избрать менше вредное, а ошъ пошупилъ напрошвъ.

По всѣмъ соображеніямъ, Малый-Ярославецъ рѣшилъ перевѣсь нашей арміи надъ неприяшельскою. Довольно шпранно, чшо въ одну и шу-же шочь, съ 13-го на 14-е

Октября, обѣ арміи опшсупили опъ города. Казалось, оба полководца были въ недоумѣніи' одинъ къ другому, и оба не довѣрили своимъ силамъ. Наполеонъ пошянулъ войски къ Боровску, опшсавивъ шолько Корпусъ Даву и кавалерійскую дивизию въ Малома-Ярославцѣ, для замаскированія' своего опшсупленія. Князь Кушуровъ, шяже со всею арміею, опшсупилъ къ с. Гончарову, и даже, говорящъ, намѣренъ былъ идти за Оку, 'если-бы Наполеонъ пошелъ за нимъ. Пронинъ Малома-Ярославца опшсавилъ шолько авангардъ, сосшоявшій изъ двухъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича.

14-го Октября, по утру, непріятельскіе фланкёры начали задирашъ Казаковъ, шопорые опшсупали; видя это, и пѣхота наша поднялась съ мѣста. Мы опшсшли наездъ 16 вершъ, и никакъ не полагали избѣгнушъ дѣла, а пошому спали въ боевой порядокъ на избранномъ мѣстѣ. Но Маршалъ Даву, опшсавивши насъ, пошелъ съ своимъ Корпусомъ къ Боровску, и опшсавилъ передъ нами шолько одну кавалерію.

Опшскуда начались шѣ ужасныя и небывалыя въ военной Исторіи бѣдствія, испребившія прекрасную, победоносную армію Французскую. Жизненныхъ припасовъ у насъ вовсе не было; опшснь недоставка дуч

ража лошади падали со штыками и служили въ пищу шѣмъ, кого на себѣ носили. Непрiятель бросалъ повозки и фуры на дорогу, а зарядные ящики взрывалъ ошъ недоспашка упряжныхъ лошадей. Туча всѣхъ бѣдствiй: голодъ, холодъ, болѣзни, огонь и мечъ обрушились на великую армию Наполеонову; завѣса гибели надъ нею опустилась, и смерть, лютая смерть, являясь въ ужасныхъ видахъ, съела поглощающе своихъ жертвъ. Такъ возмездье мщенiе изъ пепла сожженной Москвы.

15-го Октябрия еще продолжали мы опшунать, и заняли новую позицiю, удивляясь, что не только не видимъ за собою непрiятеля, но даже не слышимъ отдаленнаго выстрѣла, какъ вдругъ получили радостное извѣстiе, что передъ нами нѣтъ ни души Французской; всѣ они улетѣли.... Мы поспѣшь двинулись впередъ, и къ вечеру заняли Малый-Ярославецъ.

Взвирая на обгорѣлыя развалины домовъ и церквей, на обезображенные трупы убитыхъ, на мерзвую шипшину и пухшшу, на курящiйся смрадъ, не лъзя было не содрогаться ошъ такихъ ужасовъ ожесшоченной брани. Одна церковь еще оставалась на площади, до половины съ верха обгорѣвшая; въ каменныхъ сшѣнахъ нижней ея части были пробиты ружейныя бойницы; внуш-

Пошомъ , видно , врагъ узналъ о приближеніи Русскаго вождя ; пошчасъ поднялась въ городѣ тревога , забили въ барабаны , и всѣ нечесшавцы изъ церкви повыскакали вонъ . Тогда спарикъ , собравшись кой-какъ съ силами , улеяся въ опдаленный уголокъ , прикрылся доскупьями порванныхъ ризъ , и ни живъ , ни мерпъ , цворя молитву , ожидалъ чпо будетъ . Вдругъ вбѣжали въ церковь еще бунны , и во всю ночь пробивали дыры въ стѣнахъ . Съ насупленіемъ для явились для спарика новые ужады : онъ слыпалъ , какъ начали спрѣдшь изъ пушекъ и ружей ; видѣлъ ; какъ загорѣлся надъ его головою храмъ , угрожающій ежечасно подавить всѣхъ своимъ горящими развалинами . Не смотря на пламень , церковь нѣсколько разъ наполнялась врагами ; прескъ ружейныхъ выспрѣловъ , мѣшался съ крикомъ сражающихся внѣ церкви , усиливался , и опашь ондался ; пошомъ спарець слыпалъ спонѣ раненыхъ , говоръ идущихъ на смерть , и снова прескъ выспрѣловъ приближался и пули разсыпались надъ его головою . Однимъ словомъ , онъ увѣрялъ , чпо на шомъ свѣшъ , въ аду , не можетъ бышь спрашнѣ шого , чпо онъ видѣлъ на яву . Для при спарець ничего не ѣлъ , и въ немъ едва оспавался духъ жизни . Солдашы съ священ-

нымъ изумленіемъ смопрѣли на него, какъ на свѣпато, удивлялись его спасенію, и кшо чшо имѣль опдаваль *сердешному* въ послѣдняго: грошь или сухарь. Спарикъ, увидѣвши свонхъ, былъ внѣ себя, и какъ будшо ожилъ опщ радости; съ напряженіемъ голоса рассказываль каждому о своемъ спасеніи и о всѣхъ ужасахъ сраженія. Опшался-ли онъ въ живыхъ, чшобъ пользоваться доспойно всеобщимъ уваженіемъ?... Мы спѣшили за р. Лужу, поднявшись на крушой берець, и для ночлега заняли опшавленные непріишелемъ биваки.

16-го Окпября, авангардъ Генерала Милорадовича пошелъ къ Мядыни, а съ нами за Малымъ. Ярославцемъ опшались только два полка, Елецкій и Полоцкій, и мои 8 пушекъ (чешыре находились въ опрядѣ Генерала Дорохова); сверхъ того шри Карачын полка. Эшопщ опрядъ, подъ начальствомъ Генерала Карпова, соспавленъ былъ для преслѣдованія непріишеля. Но мы не видѣли Французовъ; они шакъ скоро уходили, чшо Казаки не успѣвали догоняшь ихъ.

На другой день опрядъ нашъ соединился съ авангардомъ Генерала Милорадовича, при с. Егорьевскомъ; попомъ пошли мы прямо на Гжашскъ, и у сел. Головина ночевали.

Во время нашихъ переходовъ черезъ селенія, мы не видали въ нихъ ни души крестьянъ, выключая одиѣхъ шарухъ, копоры кой-гдѣ показывались, какъ пустынныя привидѣнія. Войски, для ночлеговъ располагались на биваки близъ самыхъ селеній, гдѣ находили для себя довольно дровъ и соломы, покуда еще не приблизились къ большой опустошенной дорогѣ. Тяжело, грустно смотрѣть, какъ, расположившись близъ деревушки, пойдешь изъ всѣхъ полковъ команды за дровами и соломой: заборы шрепають, крыши распадаются, и цѣлыя домишки мигомъ исчезаютъ. Пономъ всѣ солдапы, какъ муравьи, съ блестящими ношами шапаются въ лагерь, и спроятъ себѣ—новую деревеньку. Большія селенія доставляли пристанище и офицерамъ; иногда мнѣ съ итоварищемъ доставалась крайняя избушка, въ которой мы съ удовольствіемъ валялись на соломѣ, послѣ продолжительной бивачной жизни.

На походѣ встрѣчались намъ воины-мужички, верхомъ на своихъ возовикахъ: иной съ косою, утвержденною на длинномъ древѣ, другой со шшыкомъ, прирученнымъ къ дубинѣ, шрепій съ большимъ гвоздемъ, прикрученнымъ къ дрючку, на подобіе пикн, или съ рогатиною за спиною; рядкій являлся съ правильнымъ оружіемъ. Вы-

взжая къ намъ изъ лѣса, гдѣ скрывались ихъ семейства съ имуществомъ, они насъ привѣщивали, поздравляли съ бѣгствомъ врага супоспаша, и, являя грозный видъ вооруженія, рассказывали о своихъ подвигахъ. Мы охотно вступали съ ними въ разговоры, и слышали довольно любопытныя анекдоты о ихъ войнѣ.

« Сперва — говорилъ одинъ воинъ — мучечекъ — мы боялись бытъ Француза, « чшобы насъ за шо не пошянули въ судъ ; « когда и удавалось въ одиночку загубить « нехристиа, шо прятали окавинныхъ въ ко- « лодцы и подъ солому. Ну, ужь какъ « пришелъ приказъ изъ Губернскаго, и « намъ Исправникъ сказалъ: Ребяшва ! бѣй « Француза на пропалую ! — тогда-шо мы « развернулись. » —

У такихъ воиновъ были предводителями опытные солдаты, или Казаки; иные сами выбирали изъ своихъ ребятъ въ воеводы джюгаго бурмиспра, или удалаго цѣловальника. Съ приближеніемъ непріятельской паршіи къ селенію, пономари презвонили во всѣ колокола ; тогда вооруженные, кшо чѣмъ, со всѣхъ сторонъ спекались на площадь, и если мародѣры были по ихъ силамъ, шо на нихъ нападали и одолевали, а иначе разбѣгались въ лѣсъ, куда уже напередъ прятали жень, дѣшею и лучшіе пожитки.

обнаженный палашь; другой не ложился и не скинулъ ни лапъ ни шишака, но сълъ за споль, положилъ передъ собою писполешъ, и, облокопившись, оперся лицомъ на оба кулака. Богашыри, опасаясь кресьянъ, довольно взяли предоспорожности, и, казалось, посмѣнно хопъли опдыхашъ; но какъ они оба были чрезвычайно ушомлены, по, послѣ порядочнаго угощенія, кирасиръ, лежавшій на скамьѣ, скоро захрапѣлъ, да и часовой на кулакахъ по-же прикурнулъ. Тогда парень далъ знашь мѣру, чпо заснули. Мужики того и ждали; собравшись вновь и перешепшываясь на дворѣ, совъшповались, какъ приспунить. Вызвались охощники: одинъ съ шопоромъ, другой съ запяжною пешлею на канашъ. Оба разулись, и, перекреспившись, вошли пихонько въ избу; пошомъ подкравлись, каждый съ своимъ снадобьемъ, къ соннымъ богашырямъ, и, взглянувшись, разомъ, одинъ хвашилъ шопоромъ въ голову лежачаго, а другой накиннулъ пешлю на сидячаго. Первый богашырь только чпо вздрогнулъ и прошанулся, а другой вскочилъ, но за концы канаша кресьяне уже держались мѣромъ при дверяхъ, снаружи: онъ не успѣлъ опомнишься и схвашилъ писполеша, какъ былъ уже выпашценъ силою канаша за шею вонъ. Эшомъ бога-

шырь спарался шолько удержашь давлє-
 нїе пєшли , чшобы не задушили. Слѣдудя
 пришяженїю канаша , онь сунулся прямо на
 мужиковъ , но они ухипрились развеспи
 концы канаша въ прошивныя спороны ;
 шогда богашырь спалъ между двумя сила-
 ми: сунєшся-ли къ одной споронѣ , другая
 его шянешь , бросишся-ли къ эшой , пер-
 вая поправишся. Такимъ образомъ долго они
 съ нимъ возились , какъ съ добрымъ медвѣ-
 демъ ; напослѣдокъ , боровшись и напрягая
 силы , « великанъ (продолжалъ мужикъ)
 « умаялся , башюшко , и повалился , какъ
 « глыба ; шущь-шо мы его доколошили ,
 « чѣмъ попало. » —

Слыша шакїє разказы , не лзя было не
 содрогашься ожешшоченїю Русскаго народа
 прошивъ своихъ раззоришєлєй : возбужден-
 ный фанатизмъ выходилъ за предѣлы че-
 ловѣчєшва. Такъ въ народной войнѣ исче-
 заюшъ всякїя правила , и непришєли слѣ-
 дуюшъ единшшвенно побужденїю ожешшоч-
 чєннаго сердца — испребляшъ другъ дру-
 га ушощеннымъ варваршшвомъ.

20-го Окшября , авангардъ Генєрала Ми-
 лорадовича находился въ 40-ши вершпахъ
 ошъ Гжашска. Мы видѣли пламя , пожир-
 равшее городъ , кошорый заняшъ былъ Ка-
 заками. Приближаясь къ Можайской доро-
 гѣ , слышали взрывы пороховыхъ ящиковъ.

Большая дорога была у насъ уже передъ глазами; сквозь аллею высокихъ деревъ мы видѣли Французовъ, шедшихъ гуспными колоннами, съ великою поспѣшностію. Солдаты горѣли неперпнѣемъ ударишь на нихъ; уже Генераль Чоглоковъ повелъ свой полкъ и крикнулъ: Ребяна! за мной!... но его ошпановили, попому что спало смеркашья, и покуда онъ успѣлъ-бы дойдши до непріятелей, ночь скрыла - бы ихъ. Только кавалерія Генерала Корфа имѣла небольшую сшибку при Царево - Займищѣ. На ночь мы спали въ боевую позицію и расположились биваками; но какъ огни наши могли бытъ замѣчены непріятелемъ, и мы сами, по близости къ нему, подвергались нечаянному нападенію, но въ полночь опять перемѣнили мѣсто, и спали такъ, что насъ не было видно. Холодный вѣсперъ съ морозомъ предзнаменовали скорую зиму. Приближаясь къ опустошенной дорогѣ, мы сами начали перпнѣть нужду, и особенно лошади наши: фуража вовсе не было, и бѣдныя жившныя кормились шолько гнилою соломою съ крышь. Еще у меня былъ небольшой запасъ овса опъ Тарушинскаго лагеря; будучи хозяиномъ въ Фигнеровой ротѣ аршиллеріи, я весьма экономилъ овсомъ, и шолько лакомилъ имъ лошадей. День опшо дня спановилось пятгосп-

нѣе; исправность артиллеріи зависѣла отъ лошадей, а потому я старался сберечь ихъ, покрывая попонами; канонеры - же кормили ихъ иногда сухарями.

На другой день войски шли параллельно съ непріятелемъ, версшахъ въ шрехъ отъ большой дороги, и не предпринимали ничего до слѣдующаго дня. На биваки, для ночлега, остановились при с. Спасскомъ.

22-го Октября, въ 12-ти версшахъ отъ Вазмы, на разсвѣтъ дня, услышали мы впереди пушечные выстрѣлы. Тамъ кавалерія нашего авангарда уже вступила въ дѣло; тогда пѣхотѣ велѣно было послѣпшишь, и всѣ побѣжали впередъ. За дер. Максимовой пѣхота поспромлась въ колонны; егеря и мои два орудія пошли впередъ. Генераль Чоголковъ приказалъ намъ занять дежацій впереди дѣсь, примыкавшій къ большой дорогѣ. Между цѣпью стрѣлковъ, я на ошвозахъ пошелъ съ двумя заряженными единорогами впередъ. Стрѣлки вошли въ дѣсь тихо, безъ выстрѣла, и, не доходя большой дороги, остановились. Вскорѣ я увидѣлъ по большой дорогѣ идущую Французскую артиллерію; пошчасъ крикнулъ егерямъ, чшобъ они ударили изъ ружей, а самъ бросилъ изъ единороговъ двѣ гранаты, и, зарядивъ ихъ карпечью, пошелъ къ дорогѣ. Ко мнѣ пошчасъ явились Казаки,

копюрыхъ одинъ Гаврильчъ приманилъ, махая шапкою. Французы выспавили прошивъ насъ спръяковъ, опгь копюрыхъ я долженъ былъ опбывашься каршечью; за спръяками ихъ, прошивъ моихъ орудій, показались красные гусары; но увидѣвши замую Казаковъ, они не осмѣлились сдѣлать нападенія. Я со спръяками все подвигался впередъ, по шропинкѣ, между кустарникомъ; Французы не хотя уступали, опгь чего завязалась у насъ жаркая переспръялка съ ними. Скоро мы вышли на большую дорогу и, вправо за нею, въ лоцинѣ, увидѣли припавшуюся колонну Французской пѣхоты, въ сѣрыхъ шинелькахъ. Опасаясь, чшобъ они не ударили намъ во флангъ, я оставилъ егерей, велѣлъ единорогамъ приготовиться встрѣнить непріятелиа, а самъ поскакалъ назадъ, и привелъ рысью еще двѣ свои пушки, копорыя пославили вправо на возвышеніи. Только чшо успѣли изъ нихъ пусшисъ въ колонну два ядра, какъ вся она изъ лоцины побѣжала черезъ поле; шогда Казаки бросились черезъ дорогу и кололи бѣгущихъ безъ пощады. Послѣ шого, я съ егерями и Казаками совершенно овладѣлъ дорогою; оставшіяся позади насъ непріятельскія войски должны были сворошисъ вправо и пробирашься къ городу черезъ поле. За ними посланъ былъ

Елецкій полкъ съ Маіоромъ Тишинымъ, и 6-шь орудій 2-й легкой роты съ Поручикомъ Дядинымъ, къ копорымъ я велѣлъ примкнушь и своимъ двумъ пушкамъ, а самъ, съ двумя единорогами, оспался на большой дорогѣ; попомъ, вмѣспъ съ егерями и Казаками, напирая на Французовъ и выдерживая жестокій огонь ихъ, напкнулись мы на обозъ. Тушъ прикрышіе вспрѣшило насъ градомъ пуль и ядрами; но моя карпечь, шшыки егерей и пики Казаковъ общимъ ударомъ распроили защищниковъ: весь обозъ доспался намъ въ добычу. Въ эпой схвашкѣ увидѣлъ я шрогашельное зрѣлице: спарый Казакъ, съ сѣдою бородою, пробившій въ грудь пулею, шашался на лошади, съ пошупленными взорами; смершная блѣдноспъ покрывала лицо его. Онъ былъ поддерживаемъ двумя молодыми Казаками, копорыхъ гореспшныя лица и слезы на глазахъ давали ясно разумѣшь, что эпо былъ ихъ ошець. Но прочіе шоварици ихъ веселились найденною въ обозъ добычею. Я подѣхалъ къ одной опрокинушой фурѣ, изъ копорой высыпалось множеспво книгъ; ихъ никшо не шрогалъ: эпо была моя добыча. Наскоро переспмощрѣвъ кой-какія, я наполнилъ ими оба передка единорожныхъ лафетовъ. Книги большею частію были медицинскія; мнѣ доспались сочиненія Боннеша,

Флора Ботаническая, и еще нѣсколько физическихъ. Въ то-же время мой барабанщикъ нашелъ въ кусту Французскаго спирѣлка, копорый, не успѣвъ уйдти съ своими, спардонился; но барабанщикъ, выпавивъ его за шиворопъ, торжественно спросилъ меня : Ваше Благородіе ! что прикажете съ нимъ дѣлать ? — « Опдай Казакамъ ! » — И только что онъ выпустилъ Француза и сказалъ : Ребяша ! возьмише его ! какъ нѣсколько пикъ успремилось на беззащитнаго, копорый, видя неминуемую гибель, спалъ бѣгашъ и увершывавъсь , но скоро былъ сбитъ и заколошъ... Я укорялъ себя въ смерши этого несчастнаго, не ожидая такоаго люшаго мщенія опъ ожесточенныхъ. — Вскорѣ подѣхалъ къ намъ Генералъ Милорадовичъ , похвалилъ наше спремленіе, и, подкрѣпивъ еще пѣхопою и драгунами , велѣлъ сильнѣе давишь непріащелъ.

Французскій Корпусъ Вице-Короля, по лѣвую спорону дороги, еще держался на выгодной позиціи ; но когда мы, спремясь по дорогъ, спали сбивашъ лѣвый флангъ его и охвашывашъ шылъ , тогда онъ началъ опспупашъ къ городу. Съ этой спороны дѣйшвовала на него почти вся наша 44-я дивизія ; особенно батальонъ 33-го егерскаго полка , Казаки и мои два едино-

рога не позволяли Французамъ ни минушы держаться на дорогѣ. Послѣ выстрѣловъ каршечью изъ единороговъ, колонна непріятельская разспроивалась, егери съ крикомъ: ура! бросались на нее въ шшыки, а Казаки кололи бѣгущихъ; тогда новый градъ пуль всѣхъ насъ оспанавливалъ, и заспаивалъ опять начинашь съ каршечи. Въ эпомъ дѣйствіи у меня ранили одного фейерверкера, шрехъ канонеровъ, и двухъ убили. Генераль Милорадовичъ, замѣшивъ наше удалство, прислалъ Адъютанта спросишь, чьей рошы артиллерія? — ошвѣчали: Фигнера! — и Адъютантъ записалъ мою фамилію и двухъ фейерверкеровъ.

Въ подкрѣпленіе 11-й дивизіи, по полудни, Генераль Милорадовичъ прислалъ 26-ю дивизію Генерала Паскевича. Тогда войски большою массою спали пѣснишь непріятеля къ городу, передъ кошорымъ Вице-Король и Маршалъ Даву съ своими Корпусами спояли въ швердой позиціи, и вспрѣшили насъ башарями. Съ нашей спороны выспавили шакже башарею, и съ обѣихъ споронъ ошкрылась сильная канонада. Тупшь я не былъ въ дѣйствіи; находившись съ самага ушра въ горячемъ дѣлѣ со спрѣлками, мои канонеры измучились и проспрѣлялись зарядами.

Между шѣмъ кавалерія Генерала Уварова,

присланная опъ большой арміи, ударила въ правый флангъ непріятеля; Генераль Плашовъ спалъ съ Казаками обходящъ лѣвый флангъ; тогда Французы принуждены были сойдши съ позиціи, и опшшупили къ городу. Колонны 11-й и 26-й дивизій двинулись за ними. Генералы Чоглоковъ и Паскевичъ, съ насупленіемъ вечера, довершили поражение: первый съ Перновскимъ, а второй съ Бѣлозерскимъ полками вошли въ пылающій со всѣхъ споронъ городъ, и штыками очистиши улицы опъ непріятеля; всѣ оспавшіеся въ домахъ для защиты были испреблены или взяпы въ плѣнъ. Непріятель, вышѣсненный за городъ, померялъ-бы оспальное, если-бы Маршалъ Ней, расположивъ Корпусъ свой по Дорогобужской дорогѣ, не прикрылъ спасавшихся.

Въ эшомъ сраженіи участвовало большая часть Наполеоновой арміи противъ авангарда Генерала Милорадовича. Смѣлоспъ, съ кошорою ученикъ Суворова напалъ на превосходнаго въ силахъ непріятеля, показывала въ немъ увѣренноспъ въ мшпительной храбрости Рускихъ. Преимущеспво нашего оружія было очевидно: непріятель почти вовсе не имѣлъ кавалеріи, и артиллерія его противу прежняго дѣйствовало слабо и неудачно.

Къ ночи я собралъ свою ропу артилле-

рин , сдѣлалъ счещъ убишымъ и раненымъ при 4-хъ орудіяхъ , находившихся въ дѣйствіи , и пошомъ расположился близъ самаго города , при чемъ занялъ для себя съ артиллерисшами мѣсто у стѣны большого каменнаго дома , споявшаго при вѣздѣ , на краю улицы ; шупъ приладились мы безъ балагановъ , развели веселые огни , и заварили кашицу . Пламень распроспранялся по всему городу , при чемъ слышны были иногда взрывы и выспрѣлы . Около насъ валялись убишые и полумершвые Французы . Передъ нами , по дорогѣ взадъ и впередъ , безпреспанно ѣздили и ходили . Опъ пожарнаго и бивачнаго огня было пакъ свѣшло , какъ въ шоржеспвенные дни опъ иллюминаціи . Мы шочно шоржеспвовали славную для насъ побѣду , при чемъ уже видѣли свое превосходство надъ спрашнымъ неприяшелемъ , и надѣялись вскорѣ увидѣшь послѣднее его испребленіе . Къ нашему огоньку подѣзжали офицеры погрѣшся , или выпишь спаканъ чаю съ черспвыми сухарями , кошорые осшавались у насъ единспвенными кормильцами ; но удовольшвіе , чшо гонимъ неприяшеля изъ опечесшва , замѣняло всѣ лакомшва .

Между многими госшями , къ нашему огоньку подѣлъ одинъ мушкеперъ Перновскаго полка , раненый въ руку , и держав-

шій въ другой рукѣ золошой шпаль-офицерскій эполетъ. Эполетъ солдакъ съ энтузіазмомъ разсказывалъ, какъ полкъ ихъ, предводимый Генераломъ Чоглоковымъ, распуспивъ знамена, съ барабаннымъ боемъ бросился первый въ шпыки на Французовъ, чрезъ ихъ пули; какъ Французы, успрашась споль смѣлаго нападенія, давили и гнали другъ друга, а Перновцы любаго кололи и мигомъ очиспили улицу; какъ изъ домовъ, сквозь окна, много вредили имъ Французскіе спрѣлки, копорыхъ однако они выгнали, и половину перекололи, а оспальныхъ, спардонившихся, полонили. Самъ мушкешеръ въ первой спычкѣ пырнулъ шпыкомъ во Французскаго Полковника, и сорвалъ съ него эполетъ; но будучи раненъ шпыкомъ Французскаго гренадера, упалъ, и оспался для перевязки раны, не позволяя никому взять у себя эполета. Онъ гордился эшимъ профеемъ. За такой подвигъ не лзя было не дашь молодцу спакана чаю.

Занимашельнѣе всего была одна Русская женщина, Московская мѣщанка, довольно хорошо одѣшая. Она пришла къ нашему огоньку съ воплемъ и слезами, укушывая на рукахъ груднаго младенца. « Ахъ! башюшки, родимые! спасише! » кричала она. Я подозвалъ ее, и, посадивъ подлѣ себя, спалъ

ушѣшайтъ, попомъ далъ чаю, и распрашивалъ откуда она и какъ зашла сюда? Ободрившись, женщина объявила, что взята изъ Москвы въ услуги къ одному женатому Французскому Полковнику, котораго въ нынѣшнемъ сраженіи убили, а жена его съ обозомъ попалась за городомъ Казакамъ; она же, кормилица, успѣла уйдти и спряхаться въ одномъ домѣ, но среди пожара и всѣхъ ужасовъ шеперь не знаетъ, куда приклонить голову, чтобы спасти, не сполько себя, какъ бѣднаго сиротку. Она безпрестанно его нянчила, давала груди, и обливала горькими слезами.— « Да вѣдь онъ « Французенокъ? » сказалъ я: « что тебѣ жалѣешь его? » — « Ахъ, если-бъ вы знали, « говорила она, какъ были добры и ласковы эти господа! Я жила у нихъ, какъ « у родныхъ своихъ. Можно-ли мнѣ не любить ихъ бѣднаго сиротки? Онъ со мной « не разстанется: развѣ только одна смерть « разлучитъ насъ! » — Добрая женщина заливалась слезами, и прижимая къ груди спокойнаго малюшку, нянчила его, повсюду говоря: « О, бѣдный, бѣдный сиротка! »—Это явленіе было для всѣхъ очень прогашельно. Любопытные собирались вокругъ женщины, которая, желая укрыться отъ нескромныхъ взоровъ глазѣющихъ солдатъ, и будучи уже нѣсколько успокоена, поблагодарила меня

за пріемъ, и попомъ опходя сказала, что пойдешь искашь себя безопаснаго приспанища, покуда можно будешь добрашься до Москвы.

Военный шумъ началъ мало по малу утихашь; настала полночь, огни угасли. Подъ опкрытымъ небомъ, зарывшись въ солому и накрываясь шулупами и бурками, засыпали мы въ различныхъ мечшахъ воображенія, полного сильными впечатлѣніями цѣлаго дня.

Такъ, на военномъ поприщѣ не рѣдко встрѣчающіяся явленія, какихъ не бываешь въ мирной жизни. Война предспавляетъ всѣ ужасы и бѣдспвія человѣческіе, по-трясающіе душу; они возвышающъ насъ среди всякихъ опасностей. Кто не бывалъ на войнѣ, тотъ не научился презираетъ смерть. Обыкновенныя несчастія въ мирной жизни ничтожны предъ военными бѣдспвіями. Здѣсь не доспаешь ни вздоховъ, ни слезъ: испочникъ ихъ изсякаетъ, и сердце война швердѣетъ, подобно той спали, копорую онъ наноситъ смерть врагу опечеспа.

ГЛАВА IX.

ОТЪ ВЯЗЬМЫ ДО КРАСНАГО.

Видъ Вязьмы послѣ сраженія. — Следы вѣдствій непріятели. — Состояніе нашихъ войскъ. — Ночлегъ въ Дороговужъ. — Встрѣча съ Фигнеромъ. — Дѣйствіе наблюдательнаго корпуса. — Квартированіе въ с. Ковызевъ. — Приказъ Фельдмаршала. — Военное замѣчаніе.

23-го Октября кавалерія нашего авангарда продолжала преслѣдовать непріятели, а мы съ пѣхопою осматривали дневашь. За ночь выпалъ снѣжекъ, прикрывшій слегка обгорѣлыя развалины города и трупы убитыхъ. Городъ представлялъ ужасную картину опустошенія. — Артиллеріи моей велѣно было спастись по другую сторону города. Проходя съ орудіями черезъ улицы, я не могъ безъ содроганія смотрѣть на предстоящее. По всему пространству города почти ни одного дома не было уцѣлѣвашаго: стояли однѣ обгорѣлыя стѣны, изъ коихъ многія, рассыпавшись по улицамъ, заграждали путь. Весь городъ превращенъ былъ въ развалины и кладбище;

по всѣмъ улицамъ лежали разбросанные трупы убитыхъ Французовъ, прикрытые снѣгомъ; вездѣ валялись обломки разнаго оружія, опрокинутыя фуры, погорѣлые оспашки взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ, кой-гдѣ стояли пушки. Неприятность зрѣлища увеличивалась смрадомъ отъ вчерашняго пожара: въ развалинахъ повсюду курилось. Въ самой срединѣ города новое явленіе: шупъ были собраны всѣ плѣнные Французы, тысячъ до двухъ, оборванные, обгорѣлые, почернѣвшіе, съ искаженными лицами — и чѣмъ они занимались? Дѣлежемъ мяса издохшихъ лошадей. Одни усердно рѣзали себѣ большіе куски изъ окороковъ, другіе съ жадностію дѣлили печенку и легкое, какъ нѣжнѣйшія частіи; иные, получивъ желаемое, съ удовольствіемъ держали мясо за плечами на шомполахъ и занимались шумною бесѣдою; нѣкоторые шупъ-же, въ споронѣ, надъ огнемъ развалинъ зданія, жарили свои порціи, посыпая ихъ, вмѣсто соли, порохомъ. Споявшіе вокругъ конвойные солдаты наши смошрѣли на шрудящихся съ отвращеніемъ, и конечно, признавая внутренно всю мѣру ихъ бѣдствія, чувствовали себя счастливейшими при однихъ сухаряхъ, не будучи доведены до подобной крайности. Въ шолпѣ этихъ несчастныхъ

я не замѣшилъ ни одного офицера; ихъ участіе была лучше. Здѣсь плѣнныхъ раздѣляли на паршии, и каждую особо описывали, подъ прикрытіемъ Казаковъ, далѣе внутрь Россіи.

Проѣзжая Вязьму, я нечаянно увидѣлся съ паршизаномъ Фигнеромъ, копорый ѣхалъ вмѣстѣ съ собратомъ своимъ Полковникомъ Сеславинымъ; онъ пакъ спѣшилъ, что успѣлъ только поздороваться со мною. Паршизаны казались друзьями; Сеславинъ, въ гусарскомъ мундирѣ, обнаруживалъ въ лицѣ своемъ не гусарское удалество, но поспоянное мужество; Фигнеръ, въ скромномъ артиллерійскомъ мундирѣ, былъ и моложе его годами, но увлекался живостию и быспрошою своего характера. Во вчерашнемъ сраженіи они оба съ своими паршиями приняли большое участіе, прошивъ праваго фланга непріятелей.

На другой день, вслѣдъ за Французами, шли мы большою Смоленскою дорогою, и съ ужасомъ видѣли по ней безпрерывное кладбище, или какъ-бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верстѣ валялись по нѣскольку десятковъ упалыхъ лошадей и трупы погибшихъ Французовъ; между ними опрокинутыя фуры, или взорванные пороховые ящики. Видѣли, какъ у многихъ околѣвшихъ лошадей были вырѣ-

заны мягкія часпи ; видѣли, о ужась ! въ упробѣ одной пакой лошади, Француза , схвапнвшагося обѣими руками за печенку, и видно хопѣвшаго ѣспь ее ; но люпый морозъ окаменилъ его въ эпомъ положеніи, чшобы явишь намъ высочайшую спепень чловѣческаго бѣдспвія.—Иные несчастные войны, оспавшіеся на дорогѣ, хопя были живы, но опѣ сильного изнуренія и голода поперяли употребленіе языка , и шолько слабымъ движеніемъ рукъ обнаруживали въ себѣ оспашокъ жизненности. Въ пакомъ положеніи нашли мы на дорогѣ, подѣ деревомъ, сидѣвшаго бѣлокураго , въ понкомъ синемъ мундирѣ , подѣ шреугольною шляпою, офицера: глаза его были полуопкрыты, голова склонилась на спорону, смерпная блѣдность покрывала прекрасное лицо ; онѣ не внималѣ нашимъ вопросамъ ; правая рука его еще двигалась къ сердцу, но свѣшѣ дня , казалось , для него мрачнлся; глаза вдругѣ спали неподвижны, и онѣ угась передѣ нами . . . . духъ его взлеспѣлъ изъ бѣдной оболочки земной въ высоту небесную.

Такіе ужасы, являвшіеся въ продолженіе нашего пупи опѣ Вязьмы, производили въ насъ непріятныя впечашлвнія. Не смошря на шо, что Французы были нашими врагами и раззорншелями, чувспво чловѣче-

спва не могло въ насъ заглушиться мщеніемъ до такой степени, чшобъ мы не соспрадали ихъ бѣдствіямъ; многіе солдашы опшходили опъ эпихъ предметовъ ужаса съ сожалніемъ, и, будучи до глубины сердца шпруны свирѣпосшію войны, проклинали виновника оной, Наполеона, какъ испребишеля рода человѣческаго, благодаря Провидѣніе и попечительное Начальство, чшо сами еще не доведены до такой крайности.

Впрочемъ и у нашихъ войскъ не было избылія; солдашамъ едва доспавало съ экономіею сухарей, а кашица ихъ, копорую рѣдко варили, была шакъ жидка и поспна, чшо, подлинно, крупинка за крупинкой гонялась съ дубинкой. Пропивъ холода мы были довольно обезопасены: еще въ Тарушинскомъ лагерѣ роздали въ полки и артиллерійскія рошы на большую часть солдашъ шулупы и валенки; сверхъ шого у насъ была кой-какая своя шеплая одежда, и мы безъ крайней нужды еще не выходили изъ обыкновенной формы одежды. Опъ Вязьмы до Дорогобужа зима шолько начинала ушпановляться, но по ночамъ бывали морозы болѣе 10 градусовъ. Ночью, мы обогрѣвались передъ огнями и спали около горящихъ головешекъ, поджигая себѣ бока, а днемъ, будучи въ движеніи, не чувшвовали холода. Лошади болѣе шерпѣли

опть спужи и голода ; сѣна вовсе и давно не было, а запасъ овса испощился. Мы радовались , ежели, спановясь на спарые биваки, находили кой-гдѣ солому и клочки сѣна, для поддержанія своихъ изнуренныхъ лошадей. Опть Вязмы, съ половины каждаго перехода, я посылалъ фуражировъ съ вьюками впередъ на кавалерійскіе биваки, для собиранія кой-какихъ осшашковъ ; но какъ и полковые спали шо-же дѣлать , по мои пощія , изнуренныя лошадки едва пащились съ пушками. Въ полкахъ и въ аршиллеріи убыль людей была весьма примѣшна. Не смошря на шо, что мы въ Тарупинскомъ лагерѣ почти укомплексовались , и не пошерпѣли ни гдѣ сильной пощери въ людяхъ , усшальные и больные уменьшили ряды пакъ , что всю дивизію пѣхоты , сосшоящую изъ чепырехъ полковъ, можно было окинуть глазомъ на полверсты, а при пушкахъ верпѣлось человѣка по два и по шри канонеровъ. За шо всѣ шли бодро, не замѣчая ни убыли, ни нужды ; съ каждымъ переходомъ ушѣшались нѣмъ , что бивакировали на ошпяшой у неприяшеля своей землѣ.

Такимъ образомъ прошли мы съ авангардомъ Генерала Милорадовича до Дорогобужа, по большой опущошенной дорогѣ ; глав-

ная армія шла спороною, и, кажется, не щерпѣла никакой нужды.

Никогда я не забуду того ночлега, копорый имѣлъ въ Дорогобужѣ съ 26-го на 27-е Октябля. Мы вошли въ городъ уже съ наспусленіемъ вечера. Аршиллерію я поснавилъ у дороги въ споронѣ, а для себя занялъ крайній дворъ. О домахъ говоришь нечего: они, поспроенные изъ дерева, были всѣ выжжены, и обгорѣлыми развалинами своими ограждали дворы, изъ копорыхъ лучшіе были занимаемы спаршими офицерами. Биваковъ шущь не изъ-чего было спроишь; армейскіе солдапы ночевали, съ большою нуждою жарясь около огня, подъ ошкрытымъ небомъ, безъ палашокъ; аршиллериспы-же мои, нагрѣвшись около арпельныхъ огней, забивались спашь около лошадей и подъ лафеты. Я имѣлъ у себя солдацкую палашку, копорую здѣсь велѣлъ разбишь въ заняшомъ дворѣ; со мною оспавался шоварищемъ одинъ Подпоручикъ Баронъ Унгерншпернбергъ, а прочіе находились, шо за болѣзнію, шо въ командировкѣ, не при рощѣ.

Когда мы успроились на мерзлой землѣ, покрышой снѣгомъ, и передъ палашкою развели благодѣшельный огонекъ, я осмопрѣлся и увидѣлъ вокругъ палашки лежаціе шрупы людей и лошадей, слабо освѣщае-

мые бивачнымъ огнемъ. Но какъ мы уже привыкли смопрѣшь на эпо, и не разъ наслаждались крѣпкимъ сномъ среди подобнаго кладбища, забывая всѣ предразсудки младенческаго, по окружающее не долго насъ занимало; морозъ скрючивалъ наши члены, и мы спарались опогрѣваться. — Между шѣмъ огонекъ и палашка, въ опдаленіи опъ прочихъ, спали привлекашь къ себѣ раненыхъ и изнуренныхъ Французовъ, шапавшихся, во мракъ ночи, среди развалинь, подобно привидѣніямъ. Сперва пришелъ къ намъ длинный, пощій Нѣмецъ, видно кавалеристъ: одежды на немъ не лья было различить. Мы замѣнили шолько, что ноги его, по недоспашку въ обуви, были укушаны въ мѣшокъ, копорый хипрый Нѣмецъ привязалъ къ своимъ колѣнамъ, и съ нимъ медленно къ намъ подвигался, какъ чучела. Лицо его было сполько-же черно, какъ одежда, голова укушана лоскупьями, рукъ не было видно: онъ прижался плошно къ шуловищу. Первое слово его было сказано слабымъ, спраждущимъ голосомъ: *Erbarmet euch, gebt mir Brod!* — Онъ съль подлѣ огня. Искаженное лицо его приняло радоспный видъ опъ благошворной пеплошпы пламени, и еще болѣе, когда мы дали ему черспвый сухарь, омоченный въ горячую воду. Съ большимъ усердіемъ ломалъ

онъ надъ нимъ свои зубы , воздавая намъ непрерывное благодареніе . Мы заговорили о Наполеонѣ . Едва имя эшо коснулось его слуха , какъ тысячи прокляшій : *Seu er verdammt und verflucht in Ewigkeit!*—спали изливаясь изъ устъ несчастнаго спрадальца на виновника всѣхъ бѣдствій . — Вскорѣ за нимъ явился другой , наспоашій Французъ , въ шинелькѣ и въ киверѣ , подпираясь коспылемъ ; онъ былъ раненъ въ ногу . Эшошъ казался бодрѣ , хопя шакже весьма изнуренъ и слабъ . Первое слово его было : *Messieurs! du pain!* — Тогда длинный Нѣмецъ переспалъ бранишь Наполеона , и , видно опъ ненависти къ Французамъ , усшупилъ свое мѣспо пришедшему , а самъ , поблагодаривши насъ , пошелъ искашь инаго приспанища . Французъ говорилъ немного , и жаловался шолько на холодъ . Мы , уже опшрѣвши чай , дали ему сухарь неразмоченный , но онъ не въ соспоянніи былъ грызшь его . Видя шщепшныя усилія Француза надъ Русскимъ сухаремъ , я спросилъ его : спалъ-ли-бы онъ ѣспъ лошадиное мясо ? — « Почему не шакъ ? въ нуждѣ нѣшъ закона ! » сказалъ онъ . Указавши ему на близъ-лежащую лошадь , я предложилъ , что онъ можешъ шущъ-же удовлетшворить свой аппешитъ . — « Если-бъ шолько у меня было чѣмъ опрѣзашъ часпъ , »

говори́лъ онъ. Ему подали попоръ, и я хошѣлъ видѣшь операцію. Французъ съ попоромъ поплелся къ лошади и, павъ на нес колѣнами, спалъ шюкашь, сколько въ немъ было силы; но морозъ окаменилъ ее. Видя невозможность добыть себѣ мяса, бѣднякъ возвратился къ огню и, положивъ попоръ, сказалъ весьма равнодушно: *Que faire! il faut mourir!* — Онъ шущь-же легъ. Последнія слова его сдѣлали во мнѣ сильное впечатлѣніе. Какъ въ споль жесткой крайности имѣшь такую твердость духа, и съ такимъ равнодушіемъ ожидаешь смерти! при томъ безъ малѣйшаго вопля и шпенанія, безъ малѣйшей жалобы на виновника своихъ бѣдшвій! Тронутый его положеніемъ до глубины сердца, я давалъ ему сухарей, какіе у меня еще оставались, но Французъ не принималъ ихъ, говоря, что не въ состояніи пользоваться моимъ благодѣяніемъ . . . . Я скрылся въ палатку подъ шулупъ—огонь угасъ—сильный морозъ зашпавилъ меня въ собшвенной пеплщѣ своей погрузишься въ безчувшвенность сурка, оставивъ Француза его бѣдшвенной участи . . . .

27-го Окшября Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ пошелъ спороною влѣво, проселочными дорогами, оставивъ преслѣдованіе непріятеля по большой дорогѣ Гене-

ралу Юрковскому съ Казаками и драгунами.

Мы подходили къ с. Ляхову , когда попались намъ на встрѣчу плѣнные Французы разбитой бригады Генерала Ожеро. Изъ всѣхъ непріятельскихъ войскъ это былъ одинъ опрядъ , сдавшійся Рускимъ почти безъ драки, и не испытавшій ни мало шѣхъ бѣдспвій , копорыми поспигнушы были спарыя войски. Плѣнные казались довольно сыпыми, въ новыхъ синихъ мундирахъ съ желпыми опворопами; полько многіе шли безъ сапоговъ, въ онучахъ и поршняхъ, жалуюсь на Казаковъ , копорые ихъ разули. Передъ селеніемъ увидѣли мы нѣсколько изрубленныхъ кавалерисповъ, сопровивлявшихся нашимъ паршизанамъ ; опсѣченныя руки валялись около обнаженныхъ пруповъ; кой-гдѣ, измяшые шишаки съ шигровою шкурою показывали, что они принадлежали драгунамъ или кирасирамъ.

Я особенно обрадовался, увидѣвши Капшана Фигнера, копорый препровождалъ всю двухшысячную полпу плѣнныхъ. Въ коропкихъ словахъ разсказалъ онъ, что эши опшкормленные прусы сдались, почти безъ выспрѣла , при первомъ появленіи Казаковъ. — Необыкновеннымъ казалось видѣшь Фигнера, препровождающаго плѣнныхъ , въ опшдаленіи опъ шесашра военныхъ дѣйспвій;

но онъ объявилъ намъ, что имѣеть порученіе отъ Фельдмаршала ѣхать въ С. Петербургъ, съ донесеніями къ Государю Императору. Эпокою командировкою Фельдмаршалъ хотѣлъ наградишь Фигнера за его отличные подвиги. Славный паршизанъ дѣйствительно имѣлъ счастье воспользоваться милостию Монарха. По приѣздѣ въ С. Петербургъ онъ былъ произведенъ въ Подполковники, переведенъ въ гвардейскую артиллерію, а шесть его былъ освобожденъ отъ казеннаго взысканія на 30,000 рублей.

30-го Октября, нашъ 4-й Корпусъ присоединился къ большой арміи, и вмѣстѣ съ 8-мъ пѣхотнымъ и 2-мъ кавалерійскимъ составилъ наблюдательный отрядъ подъ начальствомъ Графа Оспермана-Толстаго.

Въ слѣдующій день наблюдательный отрядъ нашъ перешелъ къ с. Лучинки, составляя почти арріергардъ большой арміи, попянувшейся къ гор. Красному.

4-го Ноября, 44-я дивизія, въ которой я находился съ артиллеріею, заняла сел. Червоное, а 2-го Ноября Кобызево.

Когда 4-го числа, на пути изъ Смоленска, былъ разбишь Корпусъ Вице-Короля Испальяискаго, 44-я дивизія наша подбирала по лѣсамъ разсыянныхъ Французовъ. Въ одинъ вечеръ, Перновскаго полка Капи-

шанъ Семчевскій, посланный съ ропкою въ ближайшій лѣсъ, привелъ, послѣ нѣсколькихъ выспрѣловъ, человекъ 50 плѣнныхъ. Въ пѣхошныхъ ротахъ тогда у насъ было не болѣе какъ по 80 человекъ; въ иныхъ полкахъ считалось отъ 300 до 500 на лицо; бригада пѣхошы казалась баталіономъ, а цѣлая дивизія какъ одинъ полкъ. По этой причинѣ, можешъ бышь, взяли нашъ 4-й Корпусъ изъ авангарда, и мы не приняли никакого участія въ пораженіи Корпусовъ Вице-Короля, Маршаловъ Даву и Нея; только подбирали въ плѣнъ разбитыхъ и разсѣянныхъ. Такимъ образомъ, 4-й Корпусъ, въ продолженіе шрехъ дней, собралъ безъ драки плѣнныхъ шысячь до чешырехъ; это общояшельство весьма замѣчашельно въ лѣтописяхъ Военнаго Искусства, и оправдываешъ дальновидность Фельдмаршала. Плѣнные — изнуренные, обгорѣлые, въ оборванныхъ шинелькахъ, подъ измятыми киверами, съ подвязанными ушами, и въ безобразной обуви — являли намъ плачевные оспашки великой и нѣкогда спрашной арміи завоевашеля Европы. Они чрезвычайно были напуганы Казаками, копорые не давали имъ покоя ни днемъ ни ночью.

Между шѣмъ произошла перемѣна въ артиллеріи нашего Корпуса. Капишанъ Фи-

гверъ, прославившійся партизанскими набѣгами, и посланный въ С. Пешербургъ для награды, былъ переведенъ въ гвардію ; тогда 3-я легкая рота , носившая его имя, послушила подъ начальствомъ Подполковника Тимоѣева, а-же, въ продолженіе опеченной войны командуя ротою, оспался въ ней шеперь спаршимъ офицеромъ.

Нѣсколько дней кваршировали мы въ сел. Кобызевѣ, занимая шеплыя избы, въ кошорыхъ кой-гдѣ оспавались мужички для присмотра. Они рассказывали намъ анекдоты о Французахъ , кошорые и для нихъ казались жалкими : шалпаясь изъ двора во дворъ, безъ оружія, какъ нищіе, воины Наполеона просили куска хлѣба для продолженія своего гореспнаго сущеспвованія. Тушь ихъ уже не губили шакъ, какъ подъ Москвою, въ пылу шпенія. Хозяинъ нашего дома , мужикъ, рассказывалъ, что до прихода Рускихъ кваршировали у него Французскій Полковникъ съ шремя офицерами. « Съ какимъ смиреніемъ — говорилъ « онъ — сердечные , изъ кошорыхъ одинъ « зналъ по-Русски , выпрашивали у меня « хлѣба и всякихъ припасовъ , опдавая за « шо всѣ свои деньги , и умолая , чтобы « пощадили ихъ. Не лъзя было не сжалишь- « ся надъ ними ; они казались шакъ смир- « ны, добры, и шакъ бѣдны , что нехопя

« подѣлишься, чѣмъ Богъ послалъ. Бѣдняжки
 « увѣряли, что не они виною шѣхъ бѣдъ,
 « какія дѣлаются въ Россіи, но Бонапарть,
 « заведшій ихъ прошивъ воли шуда, куда
 « они вовсе иди не желали. Чпо-де за
 « корыспь для насъ въ Россіи? чего мы въ
 « ней не видали? Вошъ въ нашей-по спо-
 « ронъ пожипь, да посмопрѣшь!... » Такіе
 рассказы удосповѣряли насъ, что въ эпои
 споронъ, около Смоленска, креспьяне, не
 будучи до крайности раззорены кварширо-
 вавшими у нихъ Французами, не имѣли къ
 нимъ пои жеспокон ненависпи, и не яв-
 ляли споль ужасныхъ примѣровъ мценія,
 какими ознаменовали себя жипели городовъ
 и сель, раззоренныхъ въ окреспноспахъ
 Москвы, Можайска и Вязьмы.

Какъ Французы спрашились шогда Ру-
 скихъ, можно видѣшь изъ слѣдующаго при-
 мѣра. Подполковникъ Тимоѣевъ, новый
 командиръ нашей аршиллеріи, кварширо-
 валъ особо въ небольшой, шеплой избѣ, ку-
 да мы ежедневно собирались къ нему пипь
 чай и для бесѣды. Въ избѣ его, по обык-
 новенію, была огромная печь съ подпечни-
 комъ. Люди его замѣшили, что оспав-
 ляемья на ночь въ избѣ хлѣбныя корки и
 куски бишка опъ ужина, къ ушпру исчеза-
 ли, между шѣмъ какъ изба снушри запи-
 ралась на крючекъ, и спавшій у дверей

деньщикъ увѣрялъ по совѣспи, что онъ въ продолженіе ночи ничѣмъ не занимался, и спалъ, какъ убитый. Однажды мы, собравшись къ Подполковнику, на счетъ этого шутили, говоря, что видно пѣни погибшихъ отъ голода Французовъ, пробираясь сквозь щели въ избу, поѣдали по ночамъ то, въ чемъ они крайне нуждались въ послѣдніе дни жизни. Случилось одному изъ офицеровъ закуривать трубку передъ попившеюся печкою; бумажка упала на полъ, офицеръ нагнулся, чтобы поднять ее, и замѣпилъ подъ печкою что-то движущееся. Послали туда деньщика, который, къ удивленію присутствующихъ, вытащилъ изъ подъ печки— блѣднаго, изнуреннаго, въ оборванной шинелькѣ Француза. Испуганный до смерти, непріятель нашъ бросился на колѣни, и со слезами, шепчущимъ голосомъ просилъ себя пощады. Мы сожалѣли о немъ и смѣялись. Видя наше снисхожденіе, Французъ успокоился, потомъ признался, что необходимость заставляла его покидать по ночамъ оставляемую пищу, что онъ, живучи болѣе недѣли въ своей пещерѣ, довольно привыкъ къ ней: днемъ спалъ, а по ночамъ искалъ добычи, всюду обшаривая; иногда, пользуясь глубокимъ мракомъ ночи и крѣпоспію сна храпающихъ, онъ тихо отворялъ двери, и

выходилъ освѣжашься чистымъ воздухомъ. Съ самаго начала, будучи успрашенъ Русскими, и опасаясь мщенія крещьянъ, онъ тайно пробрался въ эту пуспую избу, и избралъ себѣ жилищемъ — теплое мѣспечко. Эпгого новаго Діогена пошчасъ оправили въ дежурство, гдѣ, присоединясь къ поварицамъ, онъ могъ разсказывать имъ о своей теплой кантонирь-квартирѣ. Безъ сомнѣнія эти несчастные имѣли много чего другъ другу сообщать о подобныхъ спранностяхъ, если только языкъ у нихъ еще могъ ворочаться опъ спужи и голода.

Здѣсь получили мы опъ Фельдмаршала приказъ, возвѣспившій намъ блиспательную побѣду Генерала Плапова, разбившаго непріяельскій корпусъ, шедшій опъ Дорогобужа къ Духовщинѣ. Между прочимъ сказано было въ томъ приказѣ: «Послѣ
« чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ
« нами ежедневно и повсюду надъ непріа-
« шелемъ, оспаешся только быспро его
« прелѣдовашь; шогда, можешъ бышь, зем-
« ля Русская, копорую мечшалъ онъ по-
« работишь, уѣшешся косьми его. И шакъ
« мы будемъ прелѣдовашь неушомимо. На-
« спаютъ зима, вьюга и морозы; но вамъ-
« ли бояшься ихъ, дѣши Сѣвера! Желѣзная
« грудь ваша не спрашишся ни суровоспи
« погодъ, ни злоспи враговъ; она ешь на-

« дежная спѣна опечеслва, о кошпорую все,
 « сокрушаепся. Пусшь всякой вспомянеть
 « Суворова : онъ научаль сносишь голодь и
 « холодь, когда дѣло шло о побѣдѣ, о славѣ
 « Русскаго народа. Идемъ впередъ ! съ нами
 « Богъ ! передъ нами разбишый непріятель !
 « Да будешъ за нами шипина и спокой-
 « спвіе ! »

Эпопъ приказъ имѣлъ свое дѣйспвіе. Офицеры и солдаты повпоряли весело: Мы дѣши Сѣвера ! У насъ желѣзныя груди и каменные кулаки ! намъ-ли бояшся морозовъ ! пойдешъ впередъ доколачивашъ Французовъ ! — Изъ эпого видно, какъ полководцу необходимо имѣшь при себѣ военно-краснорѣчиваго орапора ; а еще лучше, ежели онъ самъ можешъ излишь свои геройскія чувспва въ сильныхъ выраженіяхъ ! Слова его какъ небесная манна подкрѣпляютъ бодрость духа воиновъ , ослабѣвающихъ опъ изнуренія , и, оживляя ихъ мужеспвомъ военачальника, производяшь чудеса , непоспжимыя для обыкновенныхъ людей .

Всѣ дѣянія Князя Кушпузова показывали его мудрость, глубокое знаніе Военнаго Искусства, предусмоприпельность ; все эпо подшверждалось многокрапными успѣхами ; а пошому никшо не спанешъ обвиняшь его, почему онъ, имѣя равныя съ непріятелемъ

силы и превосходство оружія, не нанесъ ему рѣшительнаго удара, окруживъ его подъ Краснымъ. Могло спастись, что Фельдмаршалъ нашъ не почипалъ арміи Наполеона въ такомъ ужасномъ разспройствѣ, въ какомъ она дѣйствительно находилась при выспупленіи изъ Смоленска, о чемъ мы послѣ узнали; напрошивъ шого, въ первыхъ сшибкахъ подъ Краснымъ, Французы оказали еще упорное сопротивленіе и опчаянное мужество, кошорое на краю гибели ихъ, безъ надежды спасенія, могло-бы усилишься до высочайшей степени, и шогда, умирая съ оружіемъ въ рукахъ, они пролили-бы довольно крови Русскихъ воиновъ, кошорая была въ шогдашнее время драгоценна шѣмъ болѣе, что взглядъ на будущее предспавлялъ еще много усилий для совершеннаго окончанія съ успѣхомъ начашаго. Фельдмаршалъ, конечно, не хощѣлъ вѣрять судьбу опечеспва случайности генеральнаго сраженія. Наши войски также были не въ завидномъ положеніи; они также терпѣли нужду, хоша безъ сравненія въ меньшей степени противъ непріателя; имѣли также значительную убыль опъ успалыхъ и заболѣвшихъ среди военныхъ шрудовъ и опъ скудной пищи; шолько любовь къ опечеспву и шоржеспво объ изгнаніи врага - раззорипела, подкрѣпляли

бодрости и веселіе духа Русскихъ воиновъ. Избѣжавъ генеральнаго сраженія подь Краснымъ, наша армія не имѣла значительной пошери, чрезъ что сохранила грозную и важную осанку, съ копорою попомъ вспушила въ нѣдра Германіи, и увлекла полипику Европейскихъ кабинетовъ въ пользу Россіи. Соображая обстоятельство будущаго, по видимому, Фельдмаршалъ не намѣренъ былъ дѣлать важныхъ усилій для окончательнаго истребленія Наполеоновой арміи опкрышою силою; изъ любви къ Россіи онъ, можетъ быть, пренебрегъ эшой славою. Великое дѣло было и то, съ какимъ искусствомъ онъ умѣлъ, дополъ ужасную для всей Европы, армію великаго завоевателя до послѣдней крайности. Должно замѣнить, что всѣ военныя дѣйствія Фельдмаршала Князя Кутузова, опъ Москвы и до Краснаго, опличались высшимъ искусствомъ въ спрашегическихъ соображеніяхъ, проптивъ всѣхъ военныхъ дѣйствій, нашими арміями до того производимыхъ.

ГЛАВА X.

ОТЪ КРАСНАГО ДО ГРОДНО.

Движеніе арміи къ мѣст. Копысь. — Жиды. — Переходъ чрезъ Березину. — Военныя извѣстія. — Слѣды вѣдствій непріятели. — Жестокость зимы. — Ошмяны. — Квартірованіе около Вильны. — Походъ въ Гродно. — Поляки. — Квартірованіе въ Гродно. — Заключеніе.

Отъ Краснаго армія Фельдмаршала Князя Кушужева шла медленно, небольшими переходами, и располагалась въ квартирахъ по селеніямъ, менѣе раззореннымъ. 4-й Корпусъ Графа Осшермана-Толстаго шелъ особо колонною; въ обѣихъ дивизіяхъ его считалось войска не болѣе 3000, и 18 орудій артиллеріи. Если прочіе Корпусы были также не велики, то наша армія, приближаясь къ Березинѣ, была не значительна; но кажешся нѣкошорые полки и артиллерійскія роты оставлены были въ депо для формированія.

Авангардъ арміи, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, переправился черезъ р. Днѣпръ въ мѣст. Копысь, 11-го Ноября; мы

за нимъ шуда-же пришли 12-го числа и передневали.

Здѣсь въ первый разъ, послѣ пяти-мѣсячной репиряды и преслѣдованія, увидѣли мы, хоша въ раззоренномъ, но не выжженномъ мѣспечкѣ, жипелей — Жидовъ. Не смошря на опшрашпительныя фигуры эспихъ обманщиковъ, мы довольно обрадовались найдя живыя сущесшва человѣческія, въ теплыхъ жилищахъ, съ семейспвами; а какъ они въ самой скудоспи чѣмъ нибудь да пишались, шо и мы, кромѣ сухарей, могли доспашь опъ нихъ за деньги кой какихъ припасовъ. Сначала показывались шолько одиъ спарыя Жидовки; попомъ, видя наше смиреніе и деньги, явились Жидаы. Обласканныя, они разговорились о преспертномъ ими раззореніи опъ Французовъ, кошорымъ принуждены были угождашь. — « Но мы-же знали—говорилъ одинъ Жидъ— « что намъ худо будешъ; у нашего Государя сила войска, сила народа—шакъ и сбывлось. Якъ услыхали мы, же Французи « заграбили и сожгли Москву, шо-шо спугались! Наши Равнины на всихъ Евреевъ « валожили поспъ: двѣнадцашъ дней мы ни « чего ни пили, ни ѣли, и не выходили изъ « школы; все молились Богу, жешъ Москали « звернулись—шакъ и сбывлось. Теперъ по « могай Богъ вашимъ и нашимъ; Французи

« бѣжашъ, и ужъ не звернушя. » — Другой Жидъ признавался, что Французы иныхъ Евреевъ посылали въ нашу армію шпионами, и давали имъ золото. — « Але, никшо не хотѣлъ брашъ ихъ поганныхъ грошей! » — говорилъ Жидъ сморщившись. — « У насъ были шакіе, же ходили къ Москалямъ въ армію до Генераловъ, и даромъ сказывали имъ, что у Французовъ дѣшся. . . . » За жилища Жидовъ и они сами уцѣлѣли отъ пріятелей и непріятелей, между шѣмъ какъ Русскія избенки были выжжены, или распасканы на биваки, а крещяне, разсыянные по лѣсамъ, шерпѣли голодъ и холодъ.

Въ Копысь успѣли подвезти для нашей арміи разныхъ припасовъ изъ подвижныхъ магазиновъ. Тушъ выдали намъ жалованье, свѣжихъ сухарей, для лошадей овса, и прочее; пушъ мы запаслись сахаромъ, чаемъ, водкой, и всякою всячиною, чшд могли доспашъ у подѣхавшихъ маркишаншовъ и Жидовъ. Такимъ образомъ, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Фельдмаршала, войски подкрѣпились; каждый изъ насъ, освѣженный удолешвореніемъ первыхъ нуждъ для сущеспвованія, приносилъ отъ искренности сердца благодареніе своему попечителю.

Въ Копысь Фельдмаршалъ приказалъ

оставишь орудія опъ двѣнадцати артиллерійскихъ ротъ, изъ коихъ люди и лошади поспутили въ дѣйствующія роты ; въ число эскихъ назначили и нашу роту , пошому-ли, что она была у Фигнера, или за то, что находилась большею часію въ авангардѣ и перенесла много военныхъ спгоспей ; только для меня весьма пріятно было оставаться въ числѣ дѣйствующихъ.

14-го Ноября мы оставили Копысь и продолжали идти спороною опъ той дороги, по которой шли Французы; ихъ преслѣдоваль особеннымъ опрядомъ Генераль Ермоловъ.

Опъ Копыса артиллерія 4-го Корпуса, всего 18-ть орудій, подъ начальствомъ Подполковника Тимоеева, шла опдѣльно опъ пѣхоты, занимая для поспоя цѣлыя деревни. Жителей мы ни гдѣ не находили ; селенія были пусты : какъ говорится , ни кошки, ни собаки. Въ амбарахъ и сараяхъ все было пусто: ни зерна, ни крупинки, и ни клокъ сѣна. По крайней мѣрѣ были цѣлы избы, въ коихъ мы согрѣвались на солому ; ео-же кормили и лошадей.

Зима еще не была жестока. Мы проходили чрезъ глухіе , обширные сосновые лѣса, коихъ защищали насъ опъ спужи. Наконецъ перешли мы рѣку Березину по бревенчатому мосту, ушверженному про-

пѣвъ печенія воды канашомъ къ берегамъ, кошорые были плоски и покрышы лѣсомъ; вода неслась съ великою быспрошою, грязная и гуспая ошъ снѣга. Рѣка шириною не болѣе 30-ши сажень; она-шо поглотила нѣскольго пысячь бѣглецовъ, мнимыхъ завоевашелей Россіи.

Еще не переходя Днѣпра, въ Копысь узнали мы о побѣдахъ Графа Вилгеншпейна, выгнавшого Французовъ изъ Полоцка, кошорый взялъ онъ шпурмомъ, и пошомъ погналъ Корпусъ Маршала Удино къ Березинѣ. Узнали, что Генераль Шпейнгель, за Полоцкомъ, разбилъ Баварцевъ, опнялъ у нихъ казну и въ обозъ знамена. Соображая къ шому побѣды нашей главной арміи, удосповѣрялись, что Фельдмаршалъ не напрасно обѣщаль усяшь Россію коспями неприяшелей. Теперь, на походѣ къ Минску, съ удовольшвіемъ узнали еще, какъ эшопъ городъ дешево досшался нашимъ, въ возвращѣніи со всѣми магазинами военныхъ и провіаншскихъ запасовъ; но какъ въ городѣ было много больныхъ и раненыхъ, шо мы прошли мимо его.

По слухамъ, армія Адмирала Чичагова долженшвовала совершенно заградить бѣгшво Французамъ при Березинѣ, и мы уже полагаали скоро увидѣшь самого Наполеона въ рукахъ нашихъ; но какъ сильно всѣ были

опечалены, когда узнали, что онъ съ часпю своихъ войскъ пробился, скрывши опъ Адмирала мѣсто своей переправы. Говорили, что рѣка была запружена Французскими обозами, и даже изъ самыхъ пруповъ ихъ соспавился моспъ. Такой ужасной переправы конечно не бывало въ Военной Испоріи. — Разсказывали, что Фельдмаршалъ нашъ, извѣспившись о прорывѣ Наполеона съ войскомъ, былъ крайне опечаленъ, и самъ поѣхалъ въ армію Адмирала, копорая гналась за Французами; главную-же армію оспавилъ въ с. Ушь, подъ начальспвомъ Генерала Тормасова.

Когда мы вышли на большую дорогу, идущую опъ Мниска къ Вильиъ, или на пошъ пушъ, по копорому бѣжали несчастные неприятели наши, по опашъ увидѣли опрокинушыя фуры, убишыхъ или замерзлыхъ людей и лошадей, разбросанныхъ по снѣгу и подъ снѣгомъ, черезъ копорые надлежало проѣзжашъ аршиллеріи. Однажды, моя пушка увязла колесомъ въ ухабъ, и чуть не опрокинулась. Я подбѣжалъ съ канонерами, чшобы поддержашъ ее, и увидѣлъ колесо засѣвшимъ между коспями размозженнаго, замерзлаго шрупа, копорый занесенъ былъ снѣгомъ. — Часпо видѣли мы, какъ по два и по шри черныхъ, обгорѣлыхъ Француза, иные даже съ

ружьями, шапались, подобно привидѣнiямъ, между снѣжными сугробами, въ споронѣ опъ дороги — и никпо ими не занимался. Однажды вспрѣшили мы двухъ Русскихъ бабъ, копорыя гнали дубинами, одна впереди, а другая позади, десяшка при оборванныхъ, полумерзлыхъ Французовъ. Смпря на шоржесиво бабъ, съ какимъ онъ вели своихъ плѣнныхъ непрiяшелей, мы не могли не смѣяться; а съ другой спороны не лзя было не пожалѣшь объ униженномъ соспоянiи, до какого доведены эпи, нѣкогда гордые завоевашели Европы. — Не рѣдко попадались намъ опшпалые, едва движущiеся Французы, укушанные и скорчившiеся, какъ безобразныя чучелы, копорые продолжали съ нами свою репираду къ Вильнѣ. Видя офицеровъ, они слабымъ голосомъ зывали: *Monsieur! du pain!* — и когда ихъ оспавляли безъ вниманiя, шо испушивъ шажкiй вздохъ, несчастные вскрикивали: *O mon Dieu! mon Dieu!* — Одинъ бѣднякъ, изъ числа ихъ, привелъ насъ въ особенную жалоспъ и удивленiе. Онъ, подобно другимъ, едва передвигалъ ноги, но какiя ноги? — обнаженныя, съ примерзлою къ нимъ соломою; спупени его, почернѣвшiя опъ грязи, покрылись ледяною корою, подъ копорою еще видны были ножные пальцы, между соломою. Ноги до ко-

лѣтъ были вовсе опморожены , однако несчастный двигался на нихъ , какъ на колодкахъ , и еще могъ сказать: *дайте хлѣба!*... Солдаты оспанавливались смолпрѣшь на него , и съ содроганіемъ подавали ему сухарей.

Случалось намъ по дорогѣ заходить въ корчму , и что-же въ ней ? — ужасное зрѣлище ! — Посрединѣ курился огонекъ , а около него , вокругъ по всему полу , лежали одинъ на другомъ замерзлые Французы ; ближайшіе къ огоньку еще шевелились , а прочіе всѣ , въ искривленномъ положеніи , съ обезображенными лицами , оспавались какъ окаменѣлые.

Таковы были бѣдствія , постигшія великую армію Наполеона ; бѣдствія , превосходящія самое вѣрояніе !

И мы въ исходѣ Ноября спали чувствовашъ жестокость зимы , на пути отъ Минска къ Вильнѣ . Солдаты наши также были почернѣлы и укушаны въ тряпки ; иные одѣшы въ полушубки , или въ шулуны ; кто въ кенгахъ , кто въ валенкахъ и въ мѣховыхъ шапкахъ , такъ , что , опложивъ оружіе , не походили на солдатъ . Офицеры не лучше были одѣшы . Я самъ едва могъ уцѣлѣть отъ мороза подъ нагольнымъ шулуномъ и въ двойныхъ валенкахъ , укушавши голову большимъ плаш-

комъ; опть пшяжеспи одежды не лъзя было долго идпи пѣшкомъ , но и сидѣспь невозможно опть сильнаго мороза. У нашего Подполковника, передъ аршиллерією, ѣхали всегда саночки , въ кошорыхъ онъ сидѣлъ, укушанный въ медвѣжью шубу; дежурный изъ офицеровъ обязанъ былъ всегда препровождать ропу сзади, а прочіе находились впереди , и могли пользоваться саночками Подполковника. Но кпо сядился , шопть долженъ былъ опяшь скоро соскакнвать и нѣсколько верспъ бѣжашъ , чшобы согрѣпшься; въ шакомъ случаѣ подавалъ намъ не малую опраду драгоцѣнный боченокъ съ Кизлярскою водкою , хранившійся въ саночкахъ, подъ ногами у Подполковника. Не будучи пьяницею и не пивши прежде ни по рюмкѣ водки, я, въ продолженіе эшого зимняго похода, выпивалъ спаканчика по два въ сущки, безъ всякой закуски , шакъ чшо, по окончаніи перехода, всшупая въ шеплую кварширу, послѣ мороза горѣлъ , какъ въ огнѣ; голова кружилась, и я, почши пьяный, едва держался на ногахъ. Опть шакой напряженной жизни многіе изъ офицеровъ и солдапъ сильно заболѣвали , или опморазивали себѣ члены : почши у каждаго чшо ннбудъ было пронупо морозомъ, и мои пшпки не спаслись опть него. Будучи въ шакомъ сосшояніи, мы не могли

довольно надивисься, какъ еще существовали Французы, лишенные всѣхъ способовъ пропитанія и защиты отъ спужа. Точно, надобно почестъ чудомъ, если еще нѣсколько сошенъ несчастныхъ воиновъ могли перенести споль небывалая въ Военной Испоріи, даже невѣроятныя бѣдспвія, въ продолженіе ихъ бѣгства отъ Москвы за границу, и если сохранили еще жизнь въ нѣдрахъ своего опдаленнаго опечества!

Лошади наши шерпѣли крайнюю нужду; кромѣ скудной дачи овса, возимаго на пушкахъ, онѣ не имѣли сѣна и питались сполько безсочною соломою. Всѣ селенія были пусты до самой Вильны; Поляки, обнаруживъ свою приверженность къ Французамъ, опасались мщенія отъ Рускихъ. Аршиллерія наша шацилась медленно, и, при безпрестанной убыли людей и лошадей, едвали въ сосповніи была шогда дѣйствовать противъ непріятеля. Лошадей надобно было часшо перековывать, и, не смощра на шо, при всякой горкѣ предспояло много зашрудненія вспаскивать пушки: къ каждому орудію прицѣпляли вторую упряжку лошадей, пошомъ всѣми силами, съ большимъ крикомъ, хлещомъ и нуканьемъ, взвозили шяжестъ. Имѣя довольно заводныхъ лошадей, мы не мало бросили ихъ по дорогѣ упалыми. Такимъ образомъ и для

насъ самихъ , дѣшею Сѣвера съ желѣзными грудями, преслѣдованіе непріятеля сполно большихъ шрудовъ, шерпѣнія и потери.

Главная армія Фельдмаршала Князя Купузова медленно приближалась къ Вильнѣ за войсками Адмирала Чичагова. Въ первыхъ числахъ Декабря мы пришли въ м. Богданово , гдѣ опдыхали и обогрѣвались въ кварширахъ съ недѣлю времени. 8-го Декабря пришли въ гор. Ошмяны. Тупъ видѣли тѣ-же слѣды пораженнаго въ бѣгствѣ непріятеля: шрупы погибшихъ, раскиданныя пушки и ящики. Говорили, что здѣсь была испреблена цѣлая дивизія Ипальянцевъ опрядомъ паршизана Сеславина.

Въ споронѣ опъ большой дороги, при городѣ, навалено было въ снѣгу нѣсколько сопенъ обнаженныхъ шруповъ. Это была для насъ послѣдняя картина бѣдшвій, поспигшихъ непріятеля : различное положеніе скорченныхъ шѣлъ, искривленныя лица, сжашые кулаки, иногда оскаленные зубы, выпуклые, блестящіе глаза , все это рѣзкою печашію выражало ужасныя спраданія и послѣднія муки погибшихъ. Тѣла были навалены одно на другое въ шакомъ положеніи , какъ люди въ борьбѣ съ смершю замерзали: иной сидѣлъ оскаливъ зубы, другой споялъ съ поднышимъ кулакомъ ,

прешій съ распроспершими руками глядѣль выпуча глаза, иной лежалъ на спинѣ поднявши ноги, а иной сполъ на головѣ вверхъ ногами. . . . Издали эша группа нагихъ пруповъ въ снѣгу предспавляла чшо-по необычайное, и привлекала любопытныхъ; но видъ человѣческихъ шѣлъ, превращенныхъ въ сполъ искаженные испуканы люлымъ морозомъ, приводилъ въ содроганіе сердце каждаго зришеля, и заспавлялъ съ ужасомъ опшходить опъ эшого живаго кладбища.

40-го Декабря, наша аршиллерія оспановилась въ м. Парадомино, въ 45 верспахъ опъ Вильны. Между шѣмъ какъ войски Адмирала Чичагова и Графа Вишгеншпейна, съ прочими лепучими опрядами выгнавъ непрішеля изъ предѣловъ Россіи, преслѣдовали оспашки его до самой Вислы, главная армія Фельдмаршала расположилась на канпониръ - кварширы около Вильны, Ошмяя и Вилькомира.

Сего числа Императоръ нашъ изволилъ пріѣхашъ въ Вильну. Слухи были, чшо для приняшя Его Величества, Фельдмаршалъ пригошовилъ приличную вспрѣчу: повергнулъ къ спопамъ Монарха опняшыя у непрішеля профеш: орлы, знамена. Городъ былъ очищенъ опъ пруповъ и великолѣпно иллюмишованъ; казалось, всѣ чело-

вѣческія бѣдствія исчезали опѣ одного присущствія добраго Государя. — Не взирая на двусмысленную приверженность Лишовскаго дворянства и народа, Императоръ изволилъ милосливо принять депушашовъ, и 12-го Декабря издалъ доспопамятный манифестъ всепрощенія, по кошорому всѣ жишели снова возвратились въ дома свои, и, чувствуя благодѣянія законнаго Монарха, раскаялись въ минушномъ заблужденіи, позволивши Наполеону обольспить себя. Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ-Смоленскій, за доспославный подвигъ спасенія Россіи, получилъ опѣ Императора знаки перваго государственнаго военнаго ордена Св. Георгія 4-й степени.

Такимъ образомъ снова водворился порядокъ, и Россія возспала опѣ болѣзненнаго одра. Хошя роззореніе было ошущишельно для многихъ, особенно для бѣдныхъ поселянъ, однако мало по малу изцѣлялись раны: шрудолюбіе, при пособіяхъ опѣ Правительсшва, вознаградило пошерянное.

Такъ погибла пшисопѣ-штысячная армія Наполеонова, съ кошорою онѣ мнилъ завоевать Россію. 50 Генераловъ и 400,000 солдатъ оспались въ ней военноплѣнными, какъ будшо въ залогъ шого, чшо впредь ни одна Европейская нація, хошя-бы въ союзѣ съ прочими, не осмѣлишя никогда

предпринимають подобнаго вѣпорженія. Изъ 900 мѣдныхъ орудій , оставленныхъ Наполеономъ по пути своего бѣгства опть Москвы до Вильны , попомѣство наше соорудилъ великолѣпный памятникъ событія , необычайнаго въ лѣтописяхъ міра , для славы великой и сильной Имперіи Россійской.

12-го Декабря артиллерія наша выступила изъ Парадомно , по направленію къ Гродно , гдѣ назначены были намъ кантонирь-квартиры.

На другой день пришли въ мѣст. Ойшишки. Тушь услышали опть Жидовъ рассказы о вѣроломствѣ Липовскихъ жишелей , какъ они въ началѣ кампаніи , при появленіи Французовъ , нападали на наши обозы , оставляемые съ слабыми прикрытіями , истребляли больныхъ , и въ самомъ мѣст. Ойшишкахъ захватили въ плѣнъ команду егерей съ офицеромъ.

Помѣщики и Шляхта были особенно наъ электривозваны прокламаціями Герцогства Варшавскаго; они думали видѣть въ Наполеонѣ возстановителя полишческаго бытія древней Польши. Великіе подвиги Наполеона , кошораго шрепешала вся Европа , выключая Россіи и Англій , его предпримчивый духъ и непреодолимое счастье , предсказывали все возможнымъ. Опышь показы-

ваешь, что всѣ великія предпріятія тогда только кажутся смѣшными и нелѣпыми когда выйдетъ неудача въ ихъ исполненіи; напрошивъ того самая безразсудная дерзость при успѣхѣ прославляюцца, какъ плоды генія, а люди, произведшіе ихъ, именующіяся великими.

На походъ случалось намъ оспанавливавшяся для кваршированія въ фольваркахъ, у помѣщиковъ. Они принимали насъ, какъ виновашые, съ боязнію и опасеніемъ нашей мнимой ненависти. Но какъ благородный воинъ обыкновенно дѣйствуетъ непріязненно только въ рядахъ, по данному побужденію, то мы скоро ихъ разуверили и миролюбіемъ своимъ заславили бытъ опкровеніемъ. Прекрасныя Польки встрѣчали насъ также съ робостію, но милыми улыбками и восхищительными глазками могли обезоруживашъ самаго ревностнаго Москвитянина. Эти *цуретки* (дочки), подѣлающія своимъ Добродеемъ, изъявляли предъ нами скорбь о томъ только, что война претовала великихъ пожертвованій, приводившихъ въ крайнее раззореніе обывашелей; что онѣ не желали бы и воспановленія опчизны—чѣмъ споль мило ихъ польстили—только бы оспававшяся въ покоѣ и не бытъ нищими. Такое краснорѣчіе изъ успѣ прелестныхъ насъ увлекало, и мы

имъ вѣрнѣ. Почти въ каждомъ домѣ были портреты Наполеона. Въ такомъ случаѣ *Панька*, хозяйка, замѣняя наше вниманіе къ портрету, рассказывала, что Наполеонъ *великій* самъ себѣ называлъ *незробнымъ* (не красивымъ) Французомъ — *слово его, Мосце Добродзето* и.... прибавляла она значительнымъ шепотомъ, качая своею головою, и давая чрезъ то уразумѣнныя оспальное,

Ежели языкъ и вѣра составляютъ главнѣйшее различіе между народами, отъ чего они не могутъ сродниться и пишавать взаимную независимость, не разумѣя другъ друга, чуждаясь въ обрядахъ вѣры, то Поляки по необходимости должны сродниться съ Русскими въ одно великое племя народа Славянскаго, подъ одну державу, подъ одни законы и вѣру. Языкъ Польскій весьма немногимъ разнился отъ Русскаго; корень ихъ одинаковый; въ искреннемъ союзѣ братства они могъ-бы ссоставить одно общее нарѣчіе; Вѣра также Христіанская, съ немногорымъ различіемъ въ обрядахъ; нужна только любовь, чинობы бытъ безъ ненависти братьями одного племени. Сообразивъ это, безприспраннымъ сужденіемъ, очевидно, что Поляки тогда только будутъ счастливыми, когда пошущатъ въ сердцахъ своихъ ненависть

къ Рускииъ , безвиннымъ соплеменникамъ своимъ , и соединялся съ ними брацккимъ союзомъ подъ одну державу. По географическому положенію въ Европѣ , Польша не можетъ существовать отдѣльно отъ Россіи , ибо она никогда не можетъ быть сильнѣе этой обширной Имперіи для избежанія отъ вліянія ея могущесства ; и пакъ надлежитъ смиришься , надлежитъ приапную мечту національной свободы промѣнить на успешвенность необходимой зависимости , и наслаждаться цѣмъ спокойствіемъ , которе нынѣ Россія даритъ Польшѣ , охраняя ее подъ могущесственнымъ крыломъ своимъ .

18-го Декабря всгнупили мы въ Гродно. Послѣдній переходъ былъ несносенъ : вѣтръ и дождь вспрѣчали насъ , заслѣпая глаза. Русская зима смягчилась , совершивъ свой подвигъ для пораженія врага мужеземнаго.

Городъ казался довольно значительнымъ ; въ немъ были хорошія каменные зданія , отъ древности однако законшѣлыя и приходившія въ ветхость . На площади замѣпенъ былъ великолѣпный кошелъ Фаро ; въ числѣ частныхъ строеній лучшія были старая обержа , и домъ , гдѣ кваршировалъ Генераль Милорадовичъ . Жилища города , шлякша , или всѣ дворяне , и праздные Французы , съ приближеніемъ Рускихъ у-

шли въ Варшаву; отъ того многіе дома были пусты. Хотя городъ, уже дней семь назадъ, былъ занятъ партизаномъ Давыдовымъ, однако все еще оставались въ немъ слѣды проходящей военной пучи. вмѣстѣ обывателей встрѣчались большою частію свои солдаты, и вышедшіе изъ госпиталей Австрійцы или Венгерцы. Больныхъ непріятелей оставлено въ городѣ множество; по крайней мѣрѣ не видно было на улицахъ шруповъ, обгорѣлыхъ развалинъ домовъ, и вообще признаковъ пѣхъ бѣдспвій, какихъ до того мы были свидѣтелями. Старый дворецъ съ конюшнями, превращенный въ госпиталь, вмѣщалъ въ себя нѣсколько тысячъ больныхъ и раненыхъ Австрійцевъ и Французовъ. Одна Русская церковь была превращена въ фуражный магазинъ; смиренные лики Святыхъ, съ благословляющими десницами, являлись на стѣнахъ храма изъ-за насыпей овса и пучковъ сѣна. Солдаты наши, видя это, въ негодованіи говорили, что по дѣломъ Чудотворцы наказали нечесливцевъ. Въ провіантскомъ магазинѣ было оставлено Французами нѣсколько тысячъ порцій бѣлыхъ сухарей, копорыхъ роздали нашимъ солдатамъ. Эти сухари, на подобіе бѣлыхъ кирпичиковъ, были прѣсны, и потому не нравились Рускимъ: чернаго, ки-

слаго земляка своего они предпочитали бѣлому и прѣсному иностранцу.

Къ нашей опрадѣ находилось въ городѣ нѣсколько обержей, или респораций, гдѣ за умѣренную плату могли мы, послѣ черствыхъ сухарей, понѣжись вкусъ свой Польскими поправами, изразами, гульпайскимъ бикосомъ, и выпить филижанку густой кавы съ жирною смѣшанкою изъ рукъ миловидной каси; — извѣстно, что въ цѣлой Европѣ нигдѣ не пригошворяющъ споль хорошо кофе, какъ въ Польшѣ. По обычаю всѣхъ Польскихъ городовъ, и здѣсь содержались въ обержахъ прелестныя магнизиёрки, кошорыя пришивали къ себѣ нашу брашью съ раціонами; онѣ бывающъ душею веселой компаніи офицеровъ, и своею любезностію часпо приправляющъ пересоль или недоваръ неискусной поварихи.

Прекрасный полъ въ Польшѣ сполько опличень, что даже изъ прорсыхъ шляхтянокъ много естъ очень прелестныхъ. Русскіе офицеры могутъ похвалиться особеннымъ къ нимъ расположеніемъ милыхъ Полекъ: онѣ признающъ въ нихъ мужество и силу, какъ доспоиасва, въ нѣкошоромъ опношеніи, преимущеспвенныя.

Но кто болѣе всѣхъ обрадовался возвращенію Рускихъ? конечно Жидаы. И по-

длинно: жить-ли по живине съ Москалями! Офицеры щедро награждаютъ ихъ за факторство... а у прессыхъ солдатъ Жиды покунають сходно разныя вещицы. Не смотря на военное время, лавки въ городѣ были открыты, и Жидовки, сидя въ нихъ надъ жаровнями, какъ древніа Писии, торговали всякой всячиною.

Мы занимали лучшія квартиры не по гостеприимству, а пошому, что большая часть домовъ были пуста; въ городѣ оспавались только Жиды и мѣлая шлякша. Въ энпузасты-напріоты, спрашась мщенія Рускихъ, удалились вмѣстѣ съ мнимыми своими избавителями, куда Всемилоспивѣйшій манифестъ 42-го Декабря о всепрощеніи не разувѣрилъ ихъ въ пущомъ спрахѣ, и не зашавилъ возвращенія въ свои жилища, признавая великодушіе сильнаго Монарха Россіи.

Такъ кончилась знаменитая война Россійская! Приготовленія къ ней были сильны, дѣйствіе ея ужасно, послѣдствія чрезвычайны. Какъ спрашный ураганъ убійственнѣмъ вихремъ ниспровергаетъ все на пущи своемъ, или какъ пламенная лава пожираетъ все сущесвующее на землѣ, такъ Наполеонъ пробѣжалъ съ своего ра-

пшю проспранспво штысячи версптъ, спшъ Нѣмана до Москвы и обратно, со всѣми ужасами гибельной войны, со всѣми бѣдспвїями челоѳчеспва, испребившими великїя силы Францїи, вооруженїе цѣлой Европы, и положившими начало сокрущенїю его колоссальнаго могущеспва. Въ шестъ мѣсяцевъ исчезли всѣ его обширныя предпрїятїя, грозившїя ниспроверженїемъ Россїйской Монархїи, неприкосновенной шестъ вѣковъ въ своей самобытности — и шолько слѣды пораженїй, слѣды пламени и гибели указали путь на всемъ проспранспвѣ, по кошорому пробѣжалъ эпошъ генїй, испребившешъ челоѳчеспва.

Двѣ державы еще могли оспоривашъ могущеспво Наполеоново, и шолько на Россїи могъ онъ сокрушїться, какъ бурное море разбивается о гранишнюю скалу; ея возвышенная глава, швердая въ своемъ основанїи, презрѣла всѣ усидїя ярой спшїи. Ежели Европа спонала подъ шяжкимъ игомъ власпи своего завоешателя, и ежели нынѣ она наслаждается бышїемъ своимъ въ прежнемъ порядкѣ вещей, шо эшїмъ обязана, конечно, Россїи: пожаръ Москвы, эша безпримѣрная жершва любви народа къ опечеспву, освѣшила надежду спасенїя въ спонающей узницѣ. Гиганшъ былъ пошпрясенъ въ своемъ могущеспвѣ: сошпи шы-

сiachъ бездушныхъ шруповъ покрыли путь, и онъ спалъ — обезоруженъ.

Тщешны были послѣдующія усилія Наполеона производишь магически новыя арміи; онъ шворилъ уже не воинновъ, окрѣпыхъ въ мужесшвѣ побѣдами, но слабыхъ юношей, изнемогавшихъ подъ шяжесшію оружія.

Европейскія державы, поспигнувъ безсиліе завоевателя, попиравшаго допоть права ихъ, и обезоруженнаго Россією, пробудились: онъ уразумѣли возможность сбросишь шягостное иго для приобрѣшенія національной независимости, и шогда шолько, съ оружіемъ поднятымъ прошивъ Россіи — приспали подъ ея эгиду: грозный видъ и силы великой державы Русской невольнo увлекли ихъ въ союзъ съ нею. Поразивъ врага, посягнувшаго на ея собственную свободу, она пошла сокрушашь оковы рабства, наложенныя имъ на Европу.

Конецъ первой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Спран.

ГЛАВА I. До открытія военныхъ дѣйствій. —	
Нѣчто о Наполеонѣ. — Предвѣща-	
пель. — Шпіоны. — Несвижъ. —	
Начало движенія войскъ. — Балъ въ	
Слонимѣ. — Смотри и походъ. —	
Способъ фуражированія. — Провздъ	
ИМПЕРАТОРА. — Смотри. —	
Командировка въ Бобруйскъ. — Нѣ-	
что о Фигнерѣ. — Движеніе къ гра-	
ницѣ.....	13

ГЛАВА II. Отъ Вильны до Двини. — Объяв-	
леніе войны. — Разсужденіе о кам-	
панин. — Лагерь предъ Вильною. —	

Начало ретпиряды. — Вспрѣча съ не-
 пріятелемъ. — Ошкрытіе сообщенія
 между корпусами. — Лагеръ при Дви-
 нѣ. — Молебствія о побѣдахъ. —
 Соспояніе войскъ непріятельскихъ и
 нашихъ.....

34

Глава III. Отъ Двинѣ до Смоленска. — Пе-
 реправа черезъ Двину. — Переходъ
 черезъ Полоцкъ. — Ночлегъ въ корч-
 мѣ. — Армія при Вытебскѣ. — Сра-
 женіе при Оспровно. — Операція
 надъ рѣченъмъ. — Ошступленіе ошъ
 Вытебска. — Биваки у Порѣчья. —
 Армія у Смоленска. — Разныя извѣ-
 стія. — Военное замѣчаніе.....

65

Глава IV. Отъ Смоленска до Вородина. —
 Движеніе войскъ передъ Смолен-
 скомъ. — Нападеніе Франкузовъ. —
 Карпина Смоленской битвы. — Ош-
 ступленіе. — Сраженіе на р. Спра-
 гани. — Подвигъ Фигнера. — Дви-
 женіе къ Дорогобужу. — Переходъ
 чрезъ Вязму. — Прибытіе къ ар-

III

Спран.

мин Князя Кунгузода. — Ошсупленіе къ Бородину..... 104

ГЛАВА V. *Отъ Бородина до Москвы.* — Расположеніе войскъ при Бородинѣ. — Предварительная сшибка. — Приготовленіе къ бою. — Картины Бородинской битвы. — Конфузия. — Разные случаи. — Продолженіе репериды къ Москвѣ..... 135

ГЛАВА VI. *Отъ Москвы до Тарутина.* — Приближеніе къ Москвѣ. — Энгуизазмъ Фигнера. — Переходъ черезъ Москву. — Ошсупленіе по Рязанской дорогѣ. — Поворотъ къ Подольску. — Важность сожженія Москвы. — Рѣчь къ войску Генерала Барклая-де-Толли. — Военное замѣчаніе. — Первые успѣхи. — Движеніе опряда Графа Остермана-Толстаго. — Пожаръ въ Вороновѣ. — Сшибка при Спасѣ-Кульѣ..... 163

ГЛАВА VII. *Отъ Тарутина до Малаго-Ярослава.* — Лагерь при Тарутинѣ. —

Вонижія хитросни Фельдмаршала. — Партизаны. — Подвиги Фигнера. — Худое соспояніе непріятельской арміи. — Предложеніе о мврѣ. — Нападеніе на Французовъ при р. Червишиѣ. — Движеніе войскъ къ Малому-Ярославцу..... 196

ГЛАВА VIII. *Отъ Малаго-Ярославца до Вльми.* — Ночная картина Малаго-Ярославца. — Движеніе авангарда. — Военное замѣчаніе. — Опступленіе обѣихъ армій. — Занятіе нами Малаго-Ярославца. — Церковный спаросна. — Преслѣдованіе. — Анекдоты о народной войнѣ. — Сближеніе съ непріятелемъ. — Сраженіе при Вльмѣ. — Ночныя явленія..... 227

ГЛАВА IX. *Отъ Вльмы до Краснаго.* — Видъ Вльмы послѣ сраженія. — Слѣды бѣдшвій непріятеля. — Соспояніе нашихъ войскъ. — Ночлеги въ Дорогобужѣ. — Встрѣча съ Фигнеромъ. — Дѣйствіе наблюдательнаго

корпуса. — Кваршированіе въ с. Кобызевъ. — Приказъ Фельдмаршала. — Военное замѣчаніе..... 255

Глава X. *Отъ Краснаго до Гродно.* — Движеніе арміи къ мѣст. Копысь, — Жиды. — Переходъ чрезъ Березину. — Военныя извѣстія. — Слѣды бѣдствій непріятеля. — Жестокость зимы. — Ошмяны. — Кваршированіе около Вильны. — Походъ въ Гродно. — Поляки. — Кваршированіе въ Гродно. — Заключеніе..... 275

Stanford University Libraries

3 6105 005 923 896

252
153570/272

DK53

R3
V.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

STANFORD LIBRARIES

JUL 29 1986

I. L. L.

APR 2 - 1987

